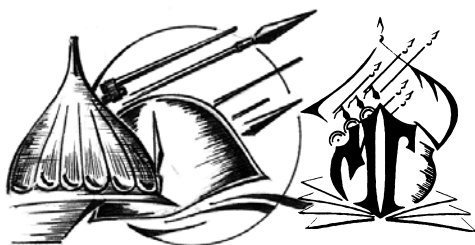

Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2018

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Григорий ВАНИН. О смысле происходящего	3
Валерий ШЕВЧЕНКО. Забытые жертвы октября 1993 года	116
Людмила РЯБИЧЕНКО. Мир на пороге содомской революции	157
Владимир БОЛЬШАКОВ. Возня у «царского престола»	182
Вадим КУЛИНЧЕНКО. Крепче стали	209

ПРОЗА

Валерий ЛАТЫНИН. Тавро Каина. Повесть	14
Владимир ВЕЩУНОВ. Дачник. Рассказ	133
Владимир КАЛУЦКИЙ. Железный жёлудь нибелунгов. Рассказ	164
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. Тормозок. Рассказ	192

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Ангелы России. Стихи	101
Людмила ТУРОВСКАЯ. По дороге любви и борьбы. Стихи	151

Георгий КОЛЬЦОВ. Дым над избой. Стихи	173
Олег АЛЁШИН. В закатном свете. Стихи	179
Стихи поэтов Донбасса	200

ЭКСПЕРТЫ

Валентин КАТАСОНОВ. О рисках цифровой революции	222
--	-----

ДОСЬЕ «МГ»

Валерий ГАБРУСЕНКО. Беломорканал. «Шахтинское дело» и другие «дела»	227
--	-----

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Елена ЧУДИНОВА. «Генетики»...	235
--	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Людмила РЯБИЧЕНКО. Кто виноват?	243
Екатерина КУЛЕБЯКИНА. Цифровизация школы	246
Безответные вопросы	249

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Нина БОЙКО. Тоска небывалой весны (М.Ю. Лермонтов)	252
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ. О самом сокровенном. К 70-летию Валерия Хатюшина. Статья вторая	273
Алексий ЛИСНЯК. О стихах Николая Алешкова	282

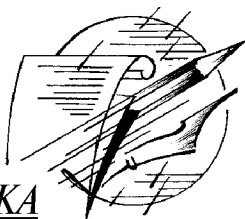
Григорий ВАНИН,
военный эксперт

О СМЫСЛЕ ПРОИСХОДЯЩЕГО

Какое государство мы строим в России? Не проводится ли у нас очередной политический эксперимент, как это было при строительстве в СССР коммунизма, изобретённого в Европе? Этот вопрос всё острее ставится в повестку дня. Потому что при всех революционных переменах здесь чаще всего отрицалась отечественная предыстория с её практикой и жертвами, принесёнными во имя прежних идеалов и целей, а новые идеи требуют новых жертв. Во имя чего и кого готовятся новые жертвы?

Заглянем в Конституцию и обратимся к высказываниям президента Владимира Путина и председателя правительства Дмитрия Медведева по этому вопросу. И получим ответ: мы строим демократическое правовое государство с социальной ориентацией и цифровой рыночной экономикой. Но без идеологии. Хотя идеалом всех устремлений называют открытое гражданское общество. Похоже, по рецептам Сороса.

Есть уже и первые результаты тридцатилетнего государственного строительства, о которых говорят власти только в позитивном ключе, кроме коррупп-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ции, конечно. Обозначены очередные направления поэтапных реформ на ближайшую и среднюю перспективу.

Заклеймённый демократами советский Госплан заменён на Министерство экономического развития. Это министерство *таргетирует* (термин МФ, копируемый ЦБ) бюджетные потоки на развитие регионов и целевые государственные программы, ведёт строгий учет налогооблагаемого имущества граждан и сделок с госсобственностью. Как видим, не без личной выгоды, о чём говорит уголовное дело бывшего министра Улюкаева.

Президент направляет деятельность правительства и местных властей с помощью своих указов и поручений. Раньше это делал ЦК КПСС. Иногда президент переходит на «ручное управление», то есть сам исполняет то, что по закону должны были сделать министры, главы регионов и прочие чиновники согласно его указам и госпрограммам. Высокое народное доверие президенту отражает надежду на лучшее в будущем государстве. Но президент избирается не навечно.

Постсоветский синдром и правовое государство

За почти тридцать лет грандиозных перемен в российском государстве советское восприятие мира в народе не выветрилось. Это чувствуется в вопросах, которые периодически задают президенту на прямых линиях на ТВ. Люди надеются на решение своих проблем и на помощь со стороны государства и лично его главы, как это было в советское время. И президент, употребляя свою власть, поступает так, как поступил бы первый секретарь ЦК КПСС, отвечая публично на голос народа. Это одна из сторон постсоветского синдрома, который правящая элита, морщась, называет предрассудками патернализма, а либеральная попка — совком.

Другая сторона синдрома — полное отрицание советской практики, как чего-то порочного и недостойного по иллюзорным мировым стандартам цивилизованной демократии. Тут проявляется политическая конъюнктура, вечное подражание и угодничество Европе и Америке, игра в догонялки за их цивилизацией. Отрицание советской истории двоякое. Это и откровенно прямой агрессивный антисоветизм, направленный против России, и лицемерное стремление показать себя не меньшими демократами, чем американцы и европейцы. Хотя у каждой зрелой демократии свой набор стандартов, в том числе в области гражданских прав и их правовой защиты.

В России устоялось непререкаемое мнение на уровне концептуального принципа, что правовое государство гаранти-

рует соблюдение гражданских прав и свобод. Но государство по определению не может быть не правовым, потому что существует оно исключительно на основе суверенного права, иначе это не государство. Диктатура — вариант правового государства: уж такое право. Бытует даже расхожий реформаторский сленг «диктатура права» или «диктатура закона».

Поскольку права граждан немислимы без гражданских обязанностей и повинностей, то гражданские отношения регулируются государственным правом, то есть нормами законов, направленных против произвола или абсолютной свободы, в том числе личной. Причём морально-этические нормы юридической силы не имеют, если они не определены законами. Права граждан определяются правовыми актами, законами. А исполнение законов в любом государстве всегда обеспечивается принуждением, насилием в случае их нарушения. Это не противоречит демократии.

Тем не менее население верит в обещанную справедливость правового государства с его гражданскими свободами больше, чем верило в коммунизм при советской власти. Ассоциативно совмещается смысл двух разных понятий права: право как система законов и право как личная свобода или воля. То есть в российском сознании «свобода, равенство и братство» из коммунизма привносятся в понятие буржуазного правового государства, хотя эти понятия противоречат сути буржуазного права на практике. Так в чём же смысл правового государства?

Необъявленная идеология

Государств без идеологии не бывает. Идеология, как часть политической надстройки, обслуживает экономический базис государства или нации. Если говорить коротко, то идеология и система распределения материальных благ, получаемых от общенационального достояния, тесно связаны и одно определяет другое. Формально идеология была отменена ст. 13 Конституции РФ, но по умолчанию она существует, потому что в политике идеология не может не существовать де-факто.

В СССР коммунистическая идеология официально была не только партийной, но и общегосударственной. Ею занимались идеологический отдел ЦК КПСС и подчинённые ему структуры парткомов, Высшая партийная школа и вся система партийного образования, Институт марксизма-ленинизма, а также государственные научные институты и кафедры общественных наук учебных заведений. Обществоведение, правовая система были подчинены идеологии.

Но вот коммунизм отменили. И что пришло ему на смену в материалистическом и идеологическом плане? Как повела себя наука?

Вопреки народной воле и разуму СССР развалили партократы в междоусобице за передел власти и собственности, обрушив экономические, технологические и культурные связи союзных республик, ставших рыночными конкурентами. У всех бывших союзных республик осталась мечта о золотой рыбке, но все они забыли о поджидаемом их разбитом корыте. Причина украинской катастрофы та же.

Прежде всего, была полностью разрушена социалистическая система распределения национального дохода. Идеологией и целью перемен были не пресловутые общегражданские права и свободы, а формирование класса крупных собственников, которые не допустят возврата в социализм, о чем поведал миру Анатолий Чубайс. Расчёт был прост: если базовые отрасли экономики и особенно финансы окажутся в частных руках, то государство со всеми атрибутами власти, включая армию, полицию и судебную систему, будет обязано обслуживать и защищать преимущественно частные интересы. Потому что экономика государства наполовину становится частной, а другой половиной владеет бюрократия — тоже как частной.

Крупными собственниками стали приближённые к новой власти лица из числа советских чиновников, изворотливых теневиков и партработников, получившие базовые отраслевые государственные предприятия в частную собственность по спешно принятым законам о приватизации. Законы издавались в соответствии с новой, антикоммунистической и антисоветской идеологией. Стране был брошен клич «Обогащайтесь!», который присущ больше мародёрам из толпы, нежели реформаторам. В приватизации активно участвовали криминальные группировки.

Криминализация экономики и государственного управления или коррупция не смущали власть реформаторов. «Потомки преступников и рабов создали в Америке образцовую демократию, рынок всё сам отрегулирует» — самоуверенно успокаивал общественное мнение по поводу перспектив реформ председатель правительства Егор Гайдар, кивая на США. Некоторое время реформы под влиянием американских консультантов были пущены на самотёк, и население увидело много ужасных гримас капитализма на своём опыте, а не из лекций агитаторов-пропагандистов.

Общественные науки не поспевали за мыслями новой элиты — старой партократии, сменившей идеологическую парадигму. Учёный мир, как и всё общество, раскололся. Наи-

более смышлённые специалисты общественных наук быстро «переобулись», как говорят в народе, и стали в первые ряды всегда продвинутой во всех делах интеллигенции. За ними закрепилось народное звание завлабов перестройки.

Поскольку своего научного опыта рыночной экономики в советское время не накопилось, то завлабы шпаргалили у западных коллег идеи реформирования российской экономики. Продолжают это они делать и сегодня. Эти идеи и стали научным обоснованием реформ экономики РФ, в которой как бы нет политической идеологии. Эту «научную» аргументацию реформ мы постоянно слышим из уст премьера и министров. Пользуется ею и президент. Термины из шпаргалок МВФ даже не переводят на русский язык, и они становятся модным сленгом.

Впрочем, эти же идеи и тем же путём внедрялись и в других бывших советских республиках. В части из них десоветизация и декоммунизация даже стали официальной политической идеологией, выродившейся в русофобию. В России те же процессы называть своим именем избегают — перемены должны обнадёживать и радовать, а не сеять сомнения и огорчать, говорят политтехнологи.

Завлабы перестройки за 30 лет подготовили новое поколение теоретиков и специалистов общественных наук, свободное от «советских предрассудков» по причине своего возраста. Создана система новых научных и учебных заведений, реформированы старые факультеты по подготовке обществоведов и политологов, экономистов и социологов, управленцев и юристов. Под флагом оптимизации расходов и повышения эффективности обучения изменена система общего и специального, профессионального образования.

Теперь научные центры предлагают вместо марксизма-ленинизма монетаристский подход к оценке эффективности экономики и переход к общественному укладу в парадигме (модное слово в науке вместо понятия идеологии) социального дарвинизма. То есть граждане выживают как могут, каждый по своим способностям и за свой счёт. В борьбе за выживание слабый одиночка погибает, будь то индивидуум, государство или иная человеческая общность. Социальный дарвинизм неизбежно сопровождается обострением социального антагонизма. Это правило коснулось городов, сёл, регионов и даже государств.

Государство уже избавляется от расходов на социальные и общественные нужды, если они не приносят дохода, и минимизирует своё участие в экономике. Убытки от стихийных бедствий должны будут компенсироваться за счёт страхования. Действующим законом государство лишено права вме-

шиваться в экономику частных предприятий. По мере развития «открытого общества» оно должно отмереть. Границы исчезнут и человечество в итоге глобализации превратится в «человеконик», по образному меткому выражению русского философа Александра Зиновьева.

Создан своеобразный культ эффективных менеджеров или *эффеменов*, эффективность которых оценивается прибылью, которую они приносят своему хозяину, или пользой для карьеры начальника. По таким же критериям оценивается эффективность рядовых работников. Эффеменами давно стали министры и чиновники государства-корпорации под названием Российская Федерация, которую они старательно приспосабливают к мировому рынку, обирая внутренний рынок в пользу внешнего (офшоризация капитала, например).

Политика обслуживает экономику. Поэтому, рассуждая о характере экономических реформ, мы неизбежно говорим о политической идеологии, формирующей характер этих реформ.

Более того, в рекомендациях МВФ последних лет прямо говорится о том, что и как надо реформировать в РФ, чтобы «способствовать интеграции России в глобальные цепочки добавленной стоимости». Речь идёт об удешевлении трудовых ресурсов за счёт снижения социальных затрат или о мере эксплуатации наёмного труда по Марксу. С выгодой для хозяев МВФ.

Следуя рекомендациям МВФ, проводится пенсионная реформа и реформа здравоохранения с переходом на отраслевую самокупаемость. Ранее прошла реформа системы образования, превратив учителя в эффемена, оказывающего лишь образовательную услугу по минимальному стандарту — воспитанием учащихся школа теперь не занимается по закону.

Монетаризм проникает во все сферы общественного бытия. Даже в церковных приходах, по словам благочинных и настоятелей храмов, уделяется больше внимания доходной деятельности клира, чем духовной службе. Образно говоря, торговцы возвращаются в Храм после их изгнания оттуда Иисусом Христом.

Таким образом, коммунистическая идея на уровне концептуального сознания изжита. Кадры решают всё! Причём, это кадры, глубоко убеждённые на уровне подросткового максимализма в безошибочности установок новой идеологии.

Кадровый портрет по материалам СМИ

Россию толкают в Европу. Европейство — неотъемлемый признак цивилизованности и условие карьерного роста. А нужно ли нам европейство? Деградация так называемых ев-

ропейских ценностей это цивилизационный прогресс? Кого или что догоняем или чего-то «не догоняем»? Какой нам прок от европейства?

Некая распропагандированная писательница считает, что Россия «отстает» от Европы на 150 лет. Наверное, по потреблению устриц и однополым бракам. При этом она снисходительно допускает, что «и в России, и на Украине есть высокообразованные, цивилизованные люди, знающие языки, которые по своему сознанию являются европейцами». Они живут рядом с людьми, поведение которых движимо «самыми элементарными и архаичными мотивами». Во как! Прямо эксперт цивилизованного совершенства, а не писательница. Кто же эти архаичные отсталые люди? Уж не шахтёры ли и металлурги с хлеборобами?

Приведём в качестве типичного кадрового примера, заслуживающего похвалы писательницы, образ одного из ведущих учёных РФ в области макроэкономики и финансов. Кто-то из аналитиков назвал его пророком будущего мироустройства. Это директор Научно-исследовательского финансового института (НИФИ) Министерства финансов РФ кандидат экономических наук Владимир Назаров, член Коллегии Минфина России, член Экспертного совета при правительстве РФ. Он же член Комитета гражданских инициатив Алексея Кудрина. Ему 35 лет. Под руководством Владимира Назарова НИФИ разрабатывает стратегию Минфина. А это та самая идеология реформ, о которой идёт речь.

Выпускник Финансовой академии при правительстве Российской Федерации по специальности «Государственное и муниципальное управление» г-н Назаров имеет завидное образование. Учился на курсах государственного управления в университете Западного Онтарио (Канада), после чего проходил практику в Министерстве финансов Канады. Получил основательную подготовку в English Language Institute (Великобритания). Студентом стажировался в Институте экономической политики имени Гайдара, несколько лет проработал там научным сотрудником лаборатории проблем фискального федерализма и субнациональных финансов, заместителем заведующего международной лабораторией здравоохранения и его реформирования, заведующим лабораторией бюджетного федерализма. В настоящее время он продолжает оставаться там же ведущим научным сотрудником и завлабом научного направления «Макроэкономика и финансы» по совместительству. Также по совместительству он успевает быть заместителем директора по науке Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при пре-

зиденте Российской Федерации. Владимир Назаров включен в «первую сотню» резерва управленческих кадров, находящихся под патронажем президента РФ. Имеет награды.

В марте 2016 г. в одном из своих программных докладов Назаров обрисовал разработанную им модель общества будущего. По версии Назарова, такие институты, как семья, Церковь, пенсионная система, которые гарантировали выживание человека, теперь потеряют актуальность или радикально изменятся, если не исчезнут вообще. Потеряют значение государственные границы. Возрастет конкуренция за капитал и креативный класс, способный наращивать прибыль. Образование станет платным, не опекаемым государством. Вместо распределительной пенсионной системы будет система накоплений средств на старость и страхование потери трудоспособности за собственный счёт. В идеале, считает Назаров, должно быть так, чтобы *«государство не гарантировало трудящимся никаких прав»*.

В это же время в интервью «Новой газете» Назаров, изложив те же тезисы, делает вывод, что «капитализм и конкуренция — это единственные двигатели прогресса», «социальное государство — безусловный тормоз развития в постиндустриальном мире». А как быть с «социальной ориентацией»?

По поводу пенсионной реформы Назаров высказался не только против распределительной пенсионной системы, а против социальных пенсий вообще. По его научному мнению, во-первых, пенсионная система подавляет стимулы к труду, а повышение пенсий поощряет праздность. Во-вторых, население не беспокоится о накоплении средств на обеспечение своей старости. В-четвёртых, «на выборах неизбежно побеждают те, кто предлагает новые повышения пенсий за счёт увеличения налогов и заимствований», что делает выборы недемократичными. В-пятых, пенсионный возрастной рубеж ограничивает использование потенциала человека в качестве трудовой единицы на рынке труда. Тунеядству — бой!

Ощущение от прочитанного такое, что нам предлагают не вмешиваться в процесс поглощения кроликов удавом, а кроликам советуют не сопротивляться. Какой результат ожидается от такой науки? И наука ли это или пропаганда нового миропорядка по заказу финансовой олигархии?

Оцифрованный «человек»

Концепция цифровой экономики очень расплывчатая. Официально она ещё не сформулирована. Но речь идет не о цифрах статистики и плановых показателях, а о цифровых

технологиях управления, о развитии компьютерных сетей применительно к государственному управлению экономикой. Само государство станет другим. Политикой будет заниматься политехнологи и программисты. Мы уже сейчас наблюдаем, как вырождается и разрушается политическая система, построенная на партийной основе. Причём не только в России, но и, в первую очередь, в так называемых *цивилизованных* странах.

Для России идея автоматизации систем управления не новая. В 1960—1970-х гг. в СССР на государственном уровне разрабатывался грандиозный проект по созданию Общегосударственной автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС). Назрела необходимость применения в государственном управлении электронно-вычислительной техники и разработанных на ее основе автоматизированных систем управления (АСУ), которые к этому времени с успехом использовались в армии. Опыт военных переносился на плановую экономику.

Но сейчас ставится другая задача — цифровое управление рыночной экономикой, то есть спекулятивными финансовыми потоками. Такие системы в мире уже созданы и действуют. Россия должна в них вписаться, как одна из подсистем. При этом главным заказчиком являются банки и финансовые картели типа МВФ и его главного учредителя — ФРС США. Россия оказывается в положении догоняющего.

Российский проект цифровой экономики предполагает объединение всех баз данных учёта населения и движения денег на личных и корпоративных банковских счетах, а также биометрическую электронную паспортизацию каждого гражданина от рождения до смерти. Такие работы уже проводятся на практике. По сути, на каждого жителя РФ будет автоматически вестись подробнейшее электронное досье, в которое будут заноситься данные не только биометрического характера, но и о его материальном положении, трудовой и политической активности, особенностях характера и состоянии здоровья. Это будет невидимая спецслужба похлеще царской жандармерии или ОГПУ—НКВД—КГБ, в прах раскритикованных либералами-антисоветчиками в годы перестройки.

Если совместить идею цифровой экономики в открытом обществе по Соросу и идеологию социального дарвинизма по Назарову, то конечным результатом станет оцифрованный «человекиник» под контролем мировой финансовой империи. Манипуляция сознанием отдельного человека и об-

щества, правом на жизнь индивидуума, не приносящего доход империи, станет обычным цифровым процессом по заранее заданным алгоритмам, которые заменят право.

О власти денег в правовом государстве

Родоначальнику банковского клана Ротшильдов Майеру Амшель Ротшильду приписывают следующие слова: «Дайте мне возможность управлять деньгами страны, и мне нет дела, кто будет устанавливать там законы». Второе кредо Ротшильдов — «Кто владеет информацией, тот владеет миром». На третье подается не устаревающий древний принцип «Разделяй и властвуй». В наше время в этих трёх принципах заключается стратегия так называемого мирового правительства или финансовой империи доллара, пришедшей в начале XX века на смену британской мировой империи фунта стерлингов, созданной британской ветвью банкиров Ротшильдов.

У российского общества вызывает недоумение покорная уступчивость ЦБ и Минфина перед МВФ и поддержка доллара покупкой ценных бумаг США, а также размещение валютных средств резервных фондов на счетах американских банков. Нелогично как-то получается — храним деньги в карманах основного конкурента.

Однако логика тут есть, и она заключается в том, что главной валютой в экономике РФ с 90-х гг. является доллар как мировая валюта, а ослабленный рубль несёт промежуточную, второстепенную функцию только во внутренних расчётах на потребительском рынке. Также в рублях представляется бюджет и расходы по его статьям в публичной информации, как бы демонстрируя экономическую независимость страны. Для наглядности в публикациях используется и долларовой эквивалент. Такое положение не является исключительным для России. Доллар царствует даже в странах Евросоюза, несмотря на замену национальных валют на более обеспеченную общую валюту евро, конкурирующую с долларом.

Всё началось ещё в СССР в 1990 г. с денежной реформы премьера Валентина Павлова. Её плачевные итоги для кошельков и вкладов населения помнят до сих пор. Это он ранее реформировал Госбанк в самостоятельный ЦБ, не отвечающий по обязательствам государства, чтобы обеспечить свободную конвертацию рубля для импорта и экспорта. Золотовалютного переводного рубля СЭВ уже не существовало. Так мы входили в мировой рынок. Тогда реальный рубль сразу упал по отношению к доллару в шесть раз и продолжал дешеветь.

После распада СССР указом Ельцина доллар был допущен в свободный оборот на территории РФ наравне с рублём. Курс доллара тут же подскочил в 90 раз. Власть спохватилась. Последовал новый указ, запрещающий свободное хождение доллара в России, но цены в «у.е.» («условных единицах») на прилавках и в расчётах оставались ещё долго, а в сознании продолжали оставаться и после того, как и это запретили. Потом был дефолт 1998 г.

Учёные экономисты утверждают, что ослабление доллара приведёт к обвальному мировому финансовому кризису на грани коллапса. И первой от этого пострадает российская экономика. Потому что за рубежом в долларах накоплен огромный капитал частных российских компаний и их владельцев. Сырьём и энергоносителями, составляющими основу доходов бюджета, российские компании торгуют исключительно на доллары. Вот и приходится лавировать между двух зол, чтобы не сделать себе хуже в общегосударственном и мировом масштабе. Ну а простой народ стерпит под объясняющие выступления штатных экспертов-экономистов. Возврата к социализму, по их убеждению, уже не будет.

К концу 90-х гг. и правительство, и олигархи, и остальное население осознали, что реформы Горбачёва—Ельцина под влиянием западной демократии и американских консультантов завели экономику в такие политические дебри, из которых без разрушительного социального взрыва выхода уже не было. Общество и армия были расколоты, усиливались сепаратистские настроения.

При загадочных обстоятельствах 20 лет назад 6 июля 1998 г. у себя на даче погиб лидер военной оппозиции генерал-лейтенант Лев Яковлевич Рохлин. Военная оппозиция не смогла осуществить подготовленный ею план по смене власти и спасению страны от дальнейшего развала. Об этом сейчас говорят и пишут открыто. А в декабре 1999 г. власть поменялась тихо и без напряжений, как говорят, «с отставкой президента по телевизору». Страна вздохнула с облегчением.

За прошедшие с тех пор 17 лет многое было сделано по укреплению государственности и экономики, но по-прежнему капиталистической. Однако выйти из долларовой кабалы пока не удаётся и вряд ли удастся с нынешней идеологией. Это та цена, которую платит Россия за выход из социализма на вожделенный, как бы свободный мировой рынок с его реальной, а не книжной конкуренцией. Может, китайский опыт поможет найти нужное решение проблемы.

ТАВРО КАИНА

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Новенький, отливающий свежей ярко-красной эмалью, будильник громко тикает перед латунной иконкой «Донской» Богоматери на старинном деревянном комоде, почерневшем от времени и многочисленных слоёв лака. Над ним, между двумя небольшими окошками, висит, чуть склонившись вниз, засиженное мухами, будто в отметинах оспы, столетнее зеркало, в такой же тёмной, как и комод, деревянной раме. От комода к печке-голландке, разделяющей комнату на две половины, протянулся метра на четыре самодельный лоскутный половичок. С одной стороны от него громоздится рыжий, местами взрыхлённый древоточником двухстворчатый платяной шкаф и, покрашенная суриком, металлическая кровать-полупорка; с другой — впритык друг к другу притулились два «венских» стула, раскладной деревянный стол, на котором стоят патефон, коробка с пластинками «Апрелевского завода», пузырьки с лекарствами, лежат два пузатых и ветхих фотоальбома, очки в роговой оправе с привязанной к дужкам резинкой. К столу придвинута узкая солдатская

ПРОЗА

койка. Над ней, единственным многоцветным пятном, выделяется немецкий гобелен с изображением леса, криницы, домика лесника и девочки, кормящей оленёнка травой из корзинки. По стенам комнаты, там и сям, где возможно подойти поближе, развешаны в самодельных рамках, покрашенных тем же, что и кровать, корабельным суриком, наборы разномастных чёрно-белых фотографий. На подоконнике возле солдатской койки неумолчно «побрёхивает» однопрограммный радиоприёмник в посеревшей от въевшейся пыли пластмассовой коробке.

Вот и всё убранство жилой половины этого крохотного сельского дома. Собственно, и не дома даже, а кухни-летницы, как называют на Дону, то есть помещения для летних хозяйственных нужд — приготовления пищи, корма для скота и птицы, всяческих заготовок и консерваций на зиму. В станице такое строение является важным придатком к основному дому.

Для Якова Васильевича и Оксаны Семёновны Серединых летница — их последняя обитель после продажи куреня и половины подворья. Умаялись старики вести большое хозяйство, да и ненужно оно стало. Дети выросли, выучились, разъехались по городам. Живут без нужды. А старикам для себя много ли нужно? Жаль, конечно, и сада, и виноградника, и более просторного куреня, где много лет обитала их большая шумная семья. Да ничего не поделаешь. Молодость всё под себя норовит подгрести, а старость — от себя. Закатывается жизнь стариков, как солнце за Донецкий кряж. Видать, отбегали свой земной срок, отработали, отбедовали? Пора и на покой. Оксана Семёновна ещё более-менее крепится, держится из последних сил, а Яков Васильевич совсем сдал, не осталось сил даже подняться с кровати.

Громко и назойливо ведёт отсчёт утекающим секундам яркий будильник, похожий на молодого и задорного станичного кочета. В унисон с петушиной прытью будильника не умолкает «брехунок» — радиоприёмник на подоконнике, то оглашая комнату визгливыми завываниями на непонятном языке, то бесстрастными голосами дикторов, вещающих известия о сваре между депутатами и президентом России.

Оксана Семёновна колдует у печки, выгребая совком ещё тёплую жужелку от перегоревшего угля. Новый день занимается за окошком, начинать его нужно, как всегда, с растопки печи и приготовления завтрака.

— Зараз чайник поставлю, — говорит она, обращаясь к мужу. — Погреем тебя чайком. Озяб поди утром? Выстыло в хате.

Яков Васильевич молча ворохнулся в постели, давая понять, что слышит жену, но говорить с ней не стал. Не было ни желания, ни сил. Хворь всё больше и больше одолевает его тело, сознание, волю, всё глубже погружая в холодный и мутный омут угасания. Иногда он на какое-то время возвращается к реальной жизни, как бы выныривая из своего забытья. Обращается к жене с просьбами. Слушает радио. Вздыхает. Постановывает. И вновь то ли засыпает, то ли проваливается в обморочное состояние.

На этот раз, молча, поворочавшись, он вдруг сдвинул в сторону полушубок, прикрывавший одеяло. Приподнялся на локте. Выпростал из-под одеяла ноги в бледно-голубых байковых кальсонах и белых шерстяных носках домашней вязки. Стал нашаривать тапки.

— Ты чего, Яша, на ведро хочешь? — шатнулась к мужу Семёновна. — Давай помогу.

Подхватила Якова Васильевича под руку и подвинула к нему отхожее ведро. А он в другую сторону тянет. К вельветовым штанам, что перекинута через спинку его койки. И откуда силы взялись?!

— Штаны дай, «москвичку». Мне выйти надо...

— Куда, Яша? Ты же из хаты больше месяца не выходил.

— До Атлановых пойду.

— Яша, Господь с тобой! Какие Атлановы? Померли они.

— Пусти. — Вырывается Яков Васильевич. — Меня мама за домом Атлановых ждёт.

— Ой, Божечки! Мама-покойница... Ты бредишь, Яша? Мама твоя вместе с отцом ещё в двадцатом году загинула. Очнись же. — Затрясла исхудавшие плечи, силой опуская мужа на кровать.

Яков Васильевич сел. В глазах мелькнул осмысленный испуг.

— Это ты, Ксюша? — спросил он слабым невнятным голосом. — Примстилось мне чтой-то.

— Ну, кто же ещё? Горе ты мое луковое. Ложись, ложись. Я разотру тебя зараз. Борщом накормлю. Хочешь борща? Со сметаной... с чесноком...

— Я только что маму видел. Звала она: «Иди к нам, Яша, здесь хорошо».

— Не к добру это. Покойники перед смертью снятся. Выходит... ты туда засобирался?.. — Семёновна на какое-то время перестала растирать спину Якова Васильевича нашатырным спиртом и рассуждала вслух. — Выходит, бросить одну хочешь на этом свете?

— Ну, зачем ты так, Ксюша? — со слезами в голосе выдавил старик. — Рази я своей волей?

— А ты противься. До лета... до тепла... до приезда детей и внуков на побывку. Крепись, не поддавайся. Зачем тебе в стылую землю ложиться?

— Силы ушли. Кружка из рук валится. Сама знаешь, а буровишь, што попало...

— С того и буровлю, што не хочу отпускать, — устало проговорила Семёновна, укладывая мужа в постели на высоко взбитые подушки. — На всё Божья воля... Дал бы ещё трошки на своих ногах побегать, да и прибрал без мук... Ты не дремай, я зараз поесть принесу.

— Не хочу ничего.

— Так борщику.. Запашистый. На толчёном сале.

— Ну, если совсем трошки...

Оксана Семёновна положила поверх одеяла на груди мужа льняное полотенце с вышитыми красными петухами, опустила, придерживая рукой, миску с борщом. Сама в полоборота примостилась на узкой кровати и стала заботливо и терпеливо, без излишней спешки и настойчивости кормить больного. Хлеб она предусмотрительно покрошила в борщ, чтобы старик без напряжения и труда мог проглатывать еду.

— Вкусно?

— Не спеши. — Вместо похвалы пробурчал Яков Васильевич. — Дай отдыхаюсь. Всё нутро запалилось. Ты туда горького перца без меры набухала.

— Дак макнула трошки... кончик стручка. Для вкуса. Какой же борщ без острого перчика? Тебе-то счас особо полезно — кровушку твою стылую разбудит, погоняет скрозь.

— Печёт дуже. Дай запить. Молока.

Оксана Семеновна вскинулась выполнять просьбу мужа и остановилась на полпути.

— Шурочка молока-то утрешнего не приносила ещё. Узвар есть из сушки. Будешь?

— Давай узвару.

Он жадно выпил несколько глотков и отстранил голову от зелёной эмалированной кружки: «Не могу больше».

По седой, давно не бритой щетине на подбородке скатились коричневатые капли компота из домашних сухофруктов.

Семеновна промокнула их хвостом петуха на полотенце и поставила кружку с компотом на стол возле больного.

— Отдохни. Радио послушай. Я нонче ещё не слушала. Што там в Москве творица после Борискинова указа по разгону советов? Опять власть в России делют. Весь век с семнадцатого году делют и никак разделить не могут. Стоко людей загнуло в гражданскую, при рассказывании, да раскулачивании, а всё одно покою нет... Сызнова стенка на стен-

ку сходятся. За Вальку нашего тревожно, он же тоже в депутатах ходит. Не полез бы в драку. Царёк-то, хоть и пьяница, а без войны трон не отдаст. Жаден до власти.

— До царя Бориске далеко. Временный он. Захотят люди и ссодют.

— Дак депутаты захотели, а он-то раскорячился... Ни в какую не желает выметаться из Кремля. Сам всех гонит в шею. Срамота на весь мир. Кому-то — смех, а России — слёзы.

— Лишь бы не кровавые, чтоб простые люди не пострадали. А то паны дерутся, а у холопов чубы трещат... Подремаю я трошки. Сморило после еды.

Яков Васильевич устало смежил пергаментно-серые веки и вскоре провалился в свой тяжёлый сон-забытьё.

Семёновна наскоро перекусила на кухонной половине, помыла посуду в эмалированном тазу, выплеснула помой в отхожее ведро, вытерла руки фартуком и примостилась у стола смотреть альбомы. Это занятие они с мужем в последние годы повторяли всё чаще. Страница за страницей пролистывали свою жизнь от истоков к устью. Встречались со всеми живыми и мёртвыми сородичами и друзьями. Вспоминали смешное и грустное. Оживлялись в такие минуты, подтрунивали друг над дружкой, как в былые годы, раздували затухающий костерок жизни.

Иным карточкам за сто лет перевалило. Там ещё их родители со своими отцами и матерями сфотографированы. Смешные снимки. Все на них важные, наряженные, будто баре. Мужчины сидят в креслах, нога за ногу!.. Сбоку — дети. Жёны — за спинами мужей, как за увалами.

«Платье на маме праздничное... с оборками, — подмечала Оксана Семёновна, — Видно, заказывали у станичного портного. Как на царице сидит. Самой на хуторе так красиво не шить. И ботиночки шнурованные по ноге. На каблуках! Я таких до шестидесяти годов и не видывала, не то, штоб носить... Хотя и я у родителей разутая не ходила. Папа на паровой молотилке неплохо зарабатывал в немецкой экономии и по наделам зажиточных казаков, было на што одеть и обувь нас с братишкой Васильком...»

— Ах, Василёк, Василёк, зачем тебя Господь забрал так рано? — сама того не замечая, вслух запричитала Семёновна над пожелтевшим от времени снимком белоголового и большеглазого мальчика в матросском костюмчике и бескозырке, стоявшего на фоне брички с парой ладных дончаков.

— Ты штой-то сказала, Ксюша? — слабым спросонья голосом спросил Яков Васильевич, открыв глаза.

— Выскочило ненароком. Я альбом листаю. Хочешь поглядеть?

— Можно. Очки подай.

Оксана Семёновна надела мужу очки, завела за голову резинку, привязанную к дужкам. Помогла приподняться выше на подушках и подвинула свой стул к его кровати.

— Так видать? — развернула альбом на его груди.

— Чуток дальше отодвинь. Будя. Теперь вижу.. Какие вы тут чудные! Ты с матерью — в платьях, а Семён Антонович — в казакине и папахе... Граммофон на стол выставил. И штоф наливает. Фотографу, што ли?

— Так для куражу. Это ж после уборочной. Токо обнови справили, ну и вырядились каждый в своё... похварсить. Хватографы знали в ту пору, когда людям есть чем заплатить и чем похвалиться... Это в тридцатых и сороковых захужело на селе. Денег у людей не стало. Одни палочки трудодней на бумаге рисовали. За них по осени не похваришь обновами — с голоду бы не помереть... А нас как раз угораздило пожениться.

— Срок подошел, вот и угораздило. Природа своё требовала.

— Мне-то ещё шестнадцать не исполнилось, а ты посватал... Эх, была бы жива мамочка родимая, пожалела бы дочку, не гнала от себя раньше времени. Да померла мама, сгорела, как соломинка. А мачехе не терпелось ссадить с шеи и перекреститься на радостях, что сбагрила лишний рот в чужие руки...

— Так разве в плохие руки? Ты вспомни, Ксюша, много ли о ту пору завидных женихов было? Разорение скрозь, упадок. По хуторам и станицам одна голытьба осталась. Всех, кто более-менее хозяиновал, покулачили, сослали, куда и не снилось никому. А я, хоть и сирота, но полную начальную школу осилил, бухгалтерские курсы...

— Не думала я тогда про всё такое... Хотелось еще годок-другой в дочках побыть, с подружками погулять, а не своих детей рожать.

— Ну, теперь-то што об этом толковать? Не повернёшь назад.

— Не повернёшь... А всё же обида осталась... Не на тебя — на батюшку мово. Даже мачеха мою сторону приняла. А он сказал, как отрубил: «Не позволю хорошего парня обижать отказом. Достойные женихи на дороге не валяются. Недосуг ему ждать, пока ты за ум возьмёшься и перестанешь с подружками на вечёрках околачиваться да лясы точить. Пора самой свою судьбу строить, свою семью заводить. Быстрее поумнеешь». Отцовской воле грех перечить. Вот и пошла я, считай, силком замуж, вдвоём с тобой бедовать, сынов и дочек наживать.

— Всем в ту пору не сладко жилось. Все за палочки трудодней горбатились. Но выживали же? И мы как все. Хозяиством помаленьку обзаводились. Хату построили. Пусть саманную, с земляным полом, но свою. И радостно было. Ведь так? Вот погляди на карточку, где мы с первенцем нашим снялись. Ведь смеёмся во весь рот. Юрик в портянку вместо пелёнки завернут, а мы рыгочим, как дурные.

— И впрямь дурные! Я ноги под лавку прячу, штобы не видно было худых сандалий. Чулок вовсе не было, даже бумазейных. Да што чулок? Рейтузы одни были, застиранные до дыр, и те зимние. Стыдобоушка.

— Но смеёмся же чему-то?

— Чёрт его знает, чему!.. Молодые были, здоровые, — примирительно вздохнула Семёновна. — В молодости все беды нипочём... Тут вот гляди — Нюра в школу собралась. Люда провожать её наладилась. А Никитка на них абреком зыркает, завидку его берет... Байстриук желторотый, а угрожал сётрам хворостиной: «сяс дам вам»...

— Да уж куда там, вояка был! А не стал, как Юрик, Слава и Валентин, офицером. За Нюрой и Алей учительствовать подался.

— Оно, конешно, так... Но характер у Никиты всё одно командирский, иначе не вышел бы он в директора, — с довольными нотками в голосе проговорила Семёновна. И тут же жалостливо добавила, показывая на новый снимок: — У тебя в сорок первом году вид был совсем не геройский. Галихве широченные. Гимнастёрка велика. Двоих, таких как ты, в такую амуницию поместить можно. Худющий как вьюноша.

— А всё-таки сапоги выдали, не ботинки с обмотками, как другим красноармейцам. Писарем назначили. Выходит, уважили за грамотность, — погордился чуток Яков Васильевич.

— То и всё уважение за мучения твои на фронте и в плену, — вздохнула жена. — Да ещё будильник, што передали из сельсовета на нынешний праздник Победы. Дюже уважили!

Старик не нашёл, что ответить. И молча положил жилистую и бугристую, будто связанную в нескольких местах морскими узлами, крестьянскую ладонь на военную фотокарточку, бережно потрогал её, словно нащупывал пульс давно минувшего времени, и смежил дрогнувшие веки.

Семёновне передалась его внутренняя боль и она, чтобы как-то загладить свою невольную вину и смягчить переживания мужа, заговорила о той поре иным тоном:

— А я всю войну верила, што ты живой... Мне в ночь перед получением письма о твоей пропаже без вести ворон приснился. Токо он хотел сесть на хату, я как шуганула: «Кыш, про-

клятый!» Он и улетел. Сон вещим оказался — дождалась своего солдата живым. Почти через пять лет, но дождалась... А тебе знамений не было?

— Знамений? Не помню, — воротился к разговору после минутного приступа душевной слабости Яков Васильевич. — Мне Митрофан Захаров долго снился... Наш полк в поле под Миллерово минами накрыло. Мы с Митрохой после призыва старались всегда рядом держаться. Всё ж земляки, с одного хутора. Кто ещё подсобит в беде, ежели не земляк? Вот и в тот день рядом были, кашу хлебали из котелков. За кой день горячей пищей подхарчились? Хоть и не великое благо — солдатская перловка с запахом мяса, а душу греет. Кто-то уже и «козью ножку» крутить надумал, пыхнул дымком в небо. А оттуда как шарахнет немецкий гостинчик — навесная мина. Потом — вторая... третья... И началось светопреставление! Все бойцы по щелям забились. А фрицы и в траншеи навешивают. Слева, справа, спереди вздымаются чёрные фонтаны земли. Осколки секут брустверы. Уж кто-то неподалёку хрипит предсмертно. Всё ближе и ближе к нам с Митрохой мины рвутся. И тут меня как надоумил кто-то — надо в воронку от уже разорвавшейся мины прыгнуть, второй раз в одно и то же место не попадёт.

— Прыгаем в воронку перед бруствером! — заорал я Захарову и одним махом перелетев насыпь перед окопом, сиганул в разворочанную недавним взрывом и вонючую от горелого пороха глубокую лунку. Скукожился в ней, как в мамкином животе. Мысли токо об одном: «Спаси и сохрани, Господи!» Митрофан то ли не услышал меня, то ли не захотел из окопа вылезать... Всё ж — укрытие, своими руками выкопанное. Когда разрывы отдалились, я тоже пополз к нашей траншее. Спрыгнул вниз. Гляжу — народ отряхивается от песка, в себя помаленьку приходит. Митроха в своей нише тоже ворохается. Стало быть, живой. Привалился спиной к одной из стенок и што-то руками вокруг себя нашаривает. Может, винтовку?

— Живой, земля? — окликаю радостно.

А он и повернулся ко мне... Господи!.. Лицо серое, без кровинки. А в руках... собственные кишки держит. Это он их собирал по земле. Молчит. Трясётся. И смотрит на меня с жутким недоумением: «Как же так, ты жив, а мне конец?» Спазма у меня началась. Выворачивало до желчи. А потом схоронили Митрофана Захарова и других погибших в овраге за боевой позицией. Крест из патронного ящика сделали. Фамилии и имена написали. Может, и нашли после войны солдатскую могилу, обелиск поставили, а может, и нет. Скоко таких могил до Берлина раскидано по местам боёв! Не

сосчитать. Иных и хоронить некому было. Остались в траншеях да окопчиках. И у многих погибших одна фамилия — «неизвестный солдат»... А ты, Ксюша, говоришь «будильник недостойная награда». Будильник, он именной. А кто тех, безымянных воинов, защитивших родину, помянет? Мне Митрофан долгое время чуть ли не каждую ночь грезился. Держит кишки в руках. Молча в глаза глядит с недоумением. Потом забылся. Страху-то я и опосля натерпелся немало.

— Ужаси какие, Яша. Ты мне про них раньше не рассказывал.

— Дак зачем? Мне и самому муторно было ворошить эти страхи. Нервы-то никудышные. А вот наемни сызнова наведалься дружок фронтовой... Вот я и вспомнил.

— Жалкий ты мой! Натерпелся. — Семёновна положила свою пухлую тёплую ладонь на изрядно поседевшие у висков, но всё ещё не выцветшие полностью, тёмные волосы мужа. Провела пальцами по его многодневной щетине на щеках. — Одичал-то как, зарос. А не позвать ли нам Петра Григорича? Пушай поскребёт тебя, подмолодит трошки. А то штой-то соседки реже заглядывать стали. Разонравился ты им, поди, такой-то?

— Ну, Ксюша! — умоляюще возразил ироническому намёку жены Яков Васильевич.

— Что «ну»? Скажи уж лучше, как выкобенивался, сыми грех с души.

Старик с обидой отвернул голову к стене, тихо выдавив слова:

— Брехали сплетницы, а ты и поверила.

— Брехали! — продолжила не злобно подтрунивать Семёновна, теребя мужа за рукав. — А куда ты на лисапеде ездил, пока я корову из стада встречала, доила её, да управлялась на базу? Небось, к Нюське-парикмахерше? Ы-ых! Прячешь теперь бесстыжие глаза. Так бы и выцарапала их, да грешно с хворым воевать.

— Ну когда ты угомонишься? Постригаться и бриться я ездил. Скоко лет прошло, помирать уж пора, а ты всё квохчешь, — недовольно бормотал Яков Васильевич. И, чтобы отвлечься от неприятных для него слов, протянул руку к приёмнику, прибавил громкость.

Ровный и бесстрастный голос диктора читал последние известия: «Третьего октября «Трудовая Россия» и РКП планировали провести митинг на Октябрьской площади...»

— Ты, прихлебный, не увиливай от ответа. — Не унималась Семёновна. — После того бритья у тебя всё бельё женскими духами разило...

Старик молчал. А голос из репродуктора продолжал читать информацию из Москвы: «К четырнадцати часам на Октябрьской площади собралось примерно две-три тысячи человек под красными и чёрно-жёлто-белыми флагами. Однако столичная мэрия не дала разрешения на проведение мероприятия. Площадь была перекрыта силами ОМОНа и внутренних войск. Колонна демонстрантов развернулась к Крымскому мосту. После безуспешных переговоров подразделения ОМОНа, перекрывавшие Крымский мост, были атакованы демонстрантами...»

До Оксаны Семёновны дошла суть сообщения из столицы, и она тоже прислушалась к словам диктора. Он сообщал: «...Применение таких средств, как слезоточивый газ, дубинки, успеха не принесло, и участники демонстрации прорвались к Крымскому мосту. В ходе короткой схватки был ранен боец ОМОНа, сброшенный с моста на асфальт. В четырнадцать часов пятьдесят минут колонна численностью около четырёх тысяч человек направилась к Зубовской площади. По словам демонстрантов, они намерены двигаться к Белому дому. Манифестанты действуют крайне агрессивно. Во главе колонны идут боевики. Они забрасывают омовцев камнями, орудуя железными прутами. Бьют стёкла стоящих у обочин автомобилей. Очередную сводку новостей мы передадим в шестнадцать часов».

— Што творится! Опять революция! — нарушила молчание Семёновна.

— Да уж хорошего мало, — отозвался старик. — Довели народ до возмущения. Теперь всякого можно ждать... Сходи и впрямь за Петром Григоричем. Пусть побреет меня. Может, ещё чего узнаем. У них — телевизор.

— Я зараз, — охотно засобиралась Оксана Семёновна, надевая заношенную бледно-синюю фуфайку и серые галоши. — Замкну дверь снаружи, штобы на свиданку не утёк.

— Тю на тебя, зубоскалка...

...Семёновна воротилась часа через полтора и без соседа. Яков Васильевич не спал, слушал радио. Встретил жену беспокойным вопросом:

— Ну, што там в Москве происходит?

— Ужаси, Яша! Народ взбунтовался. На милицию кидается. Та и разбежалась. Дом Лушкова захватили. Всё бурлит. Ружья у них, автоматы, грузовики. Ельцин сбех с Кремля. Революция...

— Ты што так тарахтишь, гутарь спокойней, по делу.

— Как спокойней? Говорю тебе — ужаси! Революция сызнова. Народ депутатскую сторону взял, пошёл супротив Ель-

цина. Милиция сдаётца. Я Петра Григорича просила до Вальки нашего дознавнича.

Яков Васильевич нетерпеливо приподнялся с подушек:

— Ну и как?

— Дозвонились до Тали. Там он, скаженный. Дома не ночует. Звонил токо. А потом в депутатском совете связь отключили. Ничего Талья про него не знает. Совсем он неуправляемый. Всюду в огонь лезет. А там не шуткуют. Всурьёз подстрелить могут. Беда, Яша, беда!

— Цыц, курица! Не клич беду. Не такой Валька дурной, чтоб башку без нужды под пули подставлять. Всё ж — полковник, кумекает в военных делах поболее нас. Разберётца как-нибудь... А милиция, говоришь, сдаётца?

— В Лушковом доме сдалась. И те, што окружали депутатов в ихнем совете, тоже ушли...

— Ушли или перешли на сторону Совета?

— Кажись, ушли. Так вроде в телевизоре сказали. А што же им пьянь кремлёвскую собой затулять, с народом воевать? Нет уж! Обдурил всех, ограбил, страну порушил... Надоело людям терпеть. Милиция, она из народа набирается. Супротив не будет. Он и милиции денег-то не платит.

— Не платил несколько месяцев, а потом всё возвернул и сверх меры добавил. Я по радио слыхал. Многие сразу забываю, об чём брешут, а про подкуп милиции сразу в мозги втемяшилось. Армии тоже заплатил. Неспроста это, ох, неспроста!

— Думаешь, нечисто? Опять народ дурят?

— А чего нас дурить? Мы весь век задуренные. Перемогаемся на своём базу помалу и ладно. А вот тех, кто супротив ельцинского кагала пошёл, депутатов и сочувствующих им, могут замануть в ловушку, да и прихлопнуть...

— Яша, ну вот и ты меня пужаешь. Я и так за Вальку трясусь вся. Ну што ево понесло в совет энтот? Зачем поперёк Кремля пошёл? Полковничий чин получил, квартиру в Москве дали, машина есть, дача есть, жена, детишки... Про семью бы думал, как уберечь в такие-то времена... Талья жалилась, што не сидица ему дома. Шатун, говорит. Неприкаянный какой-то последыш у нас получился. — Оксана Семёновна промокнула рукавом халата наворачнувшиеся на глаза слёзы.

— С тово и неприкаянный, што душа болит от несправедливости и волчьих законов новых хозяев жизни. Мы ж ево не волчонком растили, а штоб про людей думал, по совести поступал.

— А другие — нешто волчатами?

— Кто как! У каво хватило ума детей не упустить, у каво и нет. Доброму-то учить надо. А зло само, как сорняки, подымица.

— Яша, ты думаешь, их в ловушку заманивают?

— Не знаю я, Ксюша. Голова совсем дурная стала. Раньше такими цифрами ворочал, песен и стишков уйму помнил, хитрости разные разгадывал. А теперь всё кругом идёт. Мысли сбиваются, путаютца. Токо я не забыл, как нас под Харьковом в котёл заманули. Без артиллерии, без запаса патронов, без тылов. Вроде бы дали немцы слабину на нашем фронте, пока им под Москвой войска Жукова бока мяли. Тимошенко с Хрущёвым тоже отличиться перед Ставкой захотели, погнали нас в контраступление. Образовался выступ или мешок на много километров. При первой же возможности фрицы и завязали его намертво... Малыми усилиями большие победы не даютца. Потому беспокоино мне. Ты вот что, Ксюша, отбей Валентину телеграмму, что хвораю я дюже, можем и не увидица, если вскорости не приедет. Фельшаром заверь. Может и доведётца ещё на этом свете нам встренутца? Совсем штой-то мне похужело. Знобит. Колючки по всему телу, особливо в ногах.

— Переволновался ты. Меня тоже со стороны в сторону хиляет. Наверно, давление прыгнуло? Давай я тебя чаем с малиной напою и прилягу, перемогусь трошки. Нельзя мне хворать, никак нельзя.

Оксана Семёновна сходила на кухню, принесла кружку с чаем и, поя мужа, увеличила громкость радиоприёмника. Оба прислушались к новостям.

Диктор взволнованно оповещал, что тысячи сторонников Руцкого и Верховного Совета предприняли вооружённую попытку захвата останкинского телецентра... Радиостанция «Маяк» вынужденно прерывает свои передачи.

— Господи, спаси и помилуй! — зашептала Оксана Семёновна, крестясь на латунную икону. — Отведи смерть от раба твоего Валентина, сохрани его для нашей немочи!

Глава 2

Генерал Статейнов был не из обоймы ярых служак, не типичный образец ходульной выправки и лихой готовности то и дело вскидывать руку под козырёк перед начальством или, для важности, без особой нужды отчитывать подчинённых, чтоб служба мёдом не казалась. Его округлое моложавое лицо без резких морщин и грустные серые глаза выдавали добрую и думающую натуру, а совершенно седой, аккуратный ежик густых волос подчёркивал породистую интеллигентность. Редкий типаж в Российской Армии конца двадцатого века. На фоне массы армейских и милицейских «бульдогов»

Ельцина он явно выглядел белой вороной. «Ему бы — в дореволюционные времена или в фильмы о закате русской элиты» — первое, что пришло на ум полковнику Середину, пока он шёл по просторному кабинету к столу начальника.

Увидев вошедшего, генерал поднялся с кресла и вышел из-за письменного стола навстречу. Был он среднего роста, немного полноват для своих сорока восьми лет, несуетлив в движениях. Первым протянул руку для приветствия и некрепко пожал ладонь полковника, словно боялся ненароком причинить ему боль. Произнёс с едва заметной грустной улыбкой:

— Ну, здравствуй, путчист! Жив, здоров?

— Здравствуй, Георгий Иванович! Как видишь, цел, условно здоров, если не считать нервных потрясений, — с горькой усмешкой, спрятанной под копнистыми усами, ответил Середин и тут же добавил, — Бог не без милости, а казак не без удачи!

— Не знаю, как смотреть на твою «удачу». Слышал уже, наверное, про приказ об увольнении всех офицеров, принимавших участие в защите Верховного Совета? Присаживайся, поговорим. — Генерал указал на стул с противоположной стороны стола для совещаний. Взял пепельницу и пачку сигарет со своего рабочего стола, заваленного рукописями, журнальными вёрстками и корректурами. — Кури.

— Да я уже два года, как завязал с этой зависимостью. Решил, что лучше рюмку плеснуть на колосники, чем травить организм никотином. На сосуды отрицательно действует, на бронхи и лёгкие, отплёвываться по утрам от мокроты надоело.

— Это верно, — согласился генерал и щёлкнул зажигалкой, прикуривая сигарету. — А я вот никак не брошу. Слаб человек...

Несколько секунд он, молча, затягивался едким дымом и, чуть прищутив глаза, будто доктор, внимательным взглядом ощупывал собеседника. Убедившись, что видимых изменений во внешнем облике полковника нет, проговорил:

— То, что ты не попал под разрывы танковых снарядов и под омововскую рихтовку, это, конечно, удача. Говорят, порезвились они в Белом доме и вокруг него?

— Всяко было. — Щёку полковника искривила горькая гримаса. — Победителей не судят... Если б не «альфовцы» и «дзержинцы», пришлось бы ещё хуже... Рано или поздно воздастся ельцинским «героям» полной мерой за кровь мужиков-правдолюбов, молодых парней и девчонок, пришедших защищать не Хасбулатова с Руцким, а закон и конституцию, и убитых за это... Да что говорить? Ты же сам всё пони-

маешь... Небось смотрел прямые репортажи штатовских телеканалов с крыши американского посольства и про бейтаровских штурмовиков слышал...

Полковник явно заводился. И чтобы унять поднимавшуюся в душе ярость, умолк, глядя куда-то сквозь генерала. Темноволосый, с тонким прямым носом, смуглый от природы, резкий в движениях и словах, Середин был больше похож на кавказца, чем на русского, и напоминал в этот момент нахохлившегося беркута, сидящего на скале.

— Наверное, не всё так однозначно? — нарушил молчание генерал. — Не обошлось, конечно, без влияния пятой колонны, но провокаторов и придурков в России и без них хватает... Ты разве не видел в Верховном Совете истеричных типов под красными знамёнами или баркашовской свастики?

— На митингах видел, на баррикадах не встречал. Орать в толпе — одно, а жизнью жертвовать — совсем другое.

— Зато телевидение ежедневно крупным планом показывало орущих: «Вся власть Советам!», «Долой жидов и банду Ельцина!»... Портреты Сталина таскали, как иконы. А штурмовать мэрию и Останкино разве не параноики придумали?

— Нет, — мрачно ответил полковник, — не параноики. Это только преподносится так для обывателей, слепо верящих телевидению и газетам. На самом же деле чётко сработала система агентов-провокаторов из спецслужб, думаю, не только наших. Особенно кадры Савостенко постарались. Да какой только швали не было в их рядах?..

Генерал улыбнулся и не без иронии предложил:

— Тогда добавь в этот список и ЦРУ с Моссадом...

— И они поработали, вне всякого сомнения, — серьёзно ответил Середин. — Иностранцев из журналистской братии и прочих соглядатаев немало крутилось в Верховном Совете. Но они были как бы за кадром, а «савостенковцы» до введения в Москве чрезвычайного положения третьего октября, то есть до команды на отстрел депутатов и их сторонников, совершенно открыто расхаживали по кабинетам, собирали и передавали оперативную информацию. Многие защитники Белого дома недоумевали от их откровенной наглости и беспомощности службы безопасности Верховного Совета. Сейчас я не уверен, беспомощность ли это?

Зазвонил один из телефонов. Статейнов прошёл на своё рабочее место и накоротке переговорил с кем-то из авторов, потом нажал клавишу местной связи и попросил секретаршу:

— Наташа, не соединяй меня ни с кем, кроме «арбатовцев». Говори, что уехал на совещание. У нас с Серединым серьёзный разговор. Позаботься, чтоб не мешали.

Генерал вновь сел напротив сослуживца и предложил:

— Рассказывай дальше свою версию про агентов-провокаторов.

— Понимаешь... — Полковник задумался на несколько мгновений, восстанавливая логическую цепь своих размышлений, потом, связав её оборванные звонком концы, продолжил: — Много было странностей в Белом доме, которые я пока не могу объяснить. Вначале вроде бы большинству из нас всё было ясно — Ельцин своим указом номер 1400 от двадцать первого сентября грубо нарушил Конституцию Российской Федерации, волонтаристски взял на себя функции и депутатов, и избирателей, упразднив Верховный Совет. Это — незаконное действие, переворот в пользу одной из ветвей государственной власти. Так?

— Ну, в общем так. — Согласился генерал. — Я после выступления Ельцина с обращением к гражданам России со многими своими приятелями из Министерства обороны и Генштаба толковал. Почти все они считали действия президента неправомерными. Кто-то больше, кто-то меньше, но их голоса были не на стороне главнокомандующего. В стране явно запахло гражданским неповиновением.

— Вот-вот, — одобрительно подхватил мысль генерала Се-редин. — Это только пламенная русофобка Новоборская, да подобные ей ядовитой слюной брызгали: «Горячо одобряем и поддерживаем решение президента... В случае конфронтации будем защищать президента с оружием в руках». Но большинство россиян почувствовали, что Ельцин, поправ основной закон страны, лишил полномочий не депутатов, а себя. С 21 сентября он утратил право выполнять обязанности президента. Я примерно так и сказал казакам на экстренном круге Московского землячества. Добавил ещё, что дело совести каждого, какую сторону выбирать. Тут неволить нельзя, особенно когда пахнет кровью. Я лично загрузил свою машину медикаментами и поехал в Верховный Совет. Представляешь, когда протолкался по московским уличным пробкам до зоопарка, то больше половины участников круга были уже возле Белого дома, записывались в добровольные дружины.

— Да уж видел! — улыбнулся Статейнов. — Все телевизионщики охотились за реликтовыми сидельцами. Особенно часто одного рыжебородого улыбчивого есаула с шашкой показывали. Не твой?

— Мой конечно! — Впервые за время разговора около небольших, глубоко посаженных глаз полковника обозначились лучики доброй улыбки, сделавшие более радушным его тя-

жёлтый взгляд. — Митя Льдов из Подольска. Он казачьи караулы менял, вот и попадал частенько в объектив телекамер.

Вскоре улыбка истаяла на лице Середина, и оно вновь стало суровым, как и голос:

— Четвёртого октября его одним из первых прошли очередь. Лихих казаков не только телевизионщики отыскивали, но и наводчики-операторы бронетранспортёров. Слава Богу, жив остался... Только я не об этом говорил, а о выборе казаков. Большинство пришли на Краснопресненскую набережную, чтобы стать живым щитом вокруг Верховного Совета. Поступили мы в распоряжение депутата-генерала Белова, он казачество курировал. Настроены были на деятельную помощь, а не на митинговые страсти. Собрал я и деловых казаков Москвы во главе с кошевым атаманом Кутиловым и его заместителем Шаровым. Никто не отказался помочь — кто деньгами, кто продуктами и лекарствами, кто съёмом квартир с телефонами для связников, даже мебельными фургонами для оперативной перевозки отрядов в нужное время, в нужные места. Продукты и медикаменты пошли в дело быстро. А вот другими нашими возможностями никто из руководителей Верховного Совета не воспользовался. Даже телефоны не задействовали. Вплоть до отключения связи и света руководили из своих кабинетов, будто не ведали, что каждое их слово прослушивается, а действия упреждаются.

Конечно, заседания съезда народных депутатов, решение Конституционного суда, переговоры у Патриарха были нужны, особенно на первом этапе. Но вскоре они переросли в бесполезное сотрясение воздуха. А указы Руцкого о снятии силовых министров и назначении на их должности виртуальных кандидатур как понимать? Как шаг отчаяния или полную потерю ощущения реальной обстановки?

Хотя вопрос был риторическим и напрямую генералу Статейнову не адресовался, он всё же недоумённо пожал плечами и ответил такой же неопределённой фразой:

— Чёрт его знает...

— Вот и я не знаю однозначного ответа. — Середин, раздумывая, тихонько забарабанил пальцами правой руки по столу. — Отчаяние, бессилие или неспособность выйти из замкнутого круга? Милицию, внутренние войска и ОМОН, по всему видно, прикормили заранее. Но и там не было слепого подчинения приказу, особенно среди «дзержинцев». Многие из них смотрели на нас сочувственно, как на заложников ситуации, а не врагов. Меня сопровождал до станции метро старший лейтенант из дивизии Дзержинского. Я показал ему журналистское удостоверение, и он повёл в обход «чистили-

ща». Его пытались остановить двое омовцев: «Ты что, старлей, приказа не знаешь? Или служить не хочешь?» А он представляешь, что ответил? Он сказал: «С такими, как вы, не хочу!» Нормальным человеком оказался. Жалею, что в той лихорадочной обстановке не записал его фамилию и подразделение. Запомнил только эти слова. Вроде бы молдавская фамилия была у парня. Но если в дивизии Внутренних войск были такие настроения, что говорить об армейских и флотских частях? Не втянись вожди Белого дома в штурмовую провокацию третьего октября, возможно и иначе бы всё повернулось?

— Да я и сам сочувствовал белодомовским сидельцам до этого дня, — продолжил разговор генерал. — До показа телевидением матерной истерии Макашова, призывавшего штурмовать «Останкино». Знаю, что и многие новоарбатские штабисты до последнего надеялись на «нулевой вариант» с пере-выборами, на то, что армию не втянут в кровавую бойню. Не дождалась. Повели провокаторы стенка на стенку.

— Ну что ты, Георгий Иванович? Бог с тобой! — Болезненная гримаса вновь искривила губы полковника. — Стенка на стенку — это честный кулачный бой наших предков, демонстрация молодеческой удачи. Там всё было без подвоха, и поэтому побеждали всегда более сильные и сплочённые. А в данном случае продемонстрировано изощрённое иезуитство — заманивание в силовой капкан. И воскресный день третьего октября выбран не случайно, а чтобы больше противников режима можно было собрать и без сожаления расправиться с ними. Для правящего клана протестующие — не люди, а грязь под ногами, мешающая двигаться к вожделенной цели. К тому же в воскресный день новостных выпусков в средствах массовой информации меньше. А чтобы заткнуть рот более-менее объективным телерадиокомпаниям и отключить им эфир, необходимо было обязательно пострелять в «Останкино». Ну а карманные «журналисты» скажут о «погромщиках», посягнувших на четвёртую власть, всё что нужно. Тогда можно давить «гадину» беспощадно. Что и было сделано. Таков был сценарий кремлёвских мудрецов на удушение оппозиционных настроений. А ты говоришь «стенка на стенку»!

Какое-то время оба помолчали, поскольку сказанное Серединым было вполне логичным объяснением драмы, разыгравшейся перед телецентром «Останкино». Потом полковник опять заговорил:

— Выманить защитников Верховного Совета из-за баррикад, чтобы взорвать сочувствие россиян, до той поры не удавалось. В команде президента придумали в качестве «за-

пала» использовать патриотические объединения «Трудовая Россия» Ампилова и «Фронт национального спасения» Константинова. Там были собраны радикально настроенные сторонники народных депутатов, и среди них оказалось немало перманентных революционеров. Вот в эти организации и напичкали «подсадных уток» от Савостенко. Это они громче всех орали «На мэрию!», когда выяснилось на Октябрьской площади, что столичные власти не дали разрешения на проведение митинга. Они же готовили бутылки с зажигательной смесью и подогревали протестующих «бесстрашными» экстремистскими выходками на Крымском мосту и Смоленской площади. Цепи защитников правопорядка, как и задумывалось по сценарию, «дрогнули» и «разбежались», оцепление вокруг Дома Советов «испарилось». И участников марша протеста понесло: «Вся власть Советам!», «Долой клику Ельцина!», «Руцкой — президент!», «Даёшь Останкино!»... Как говорится, «крышу сорвало». Казаков с трудом удалось удержать возле Верховного Совета, чтобы остались на постах и не поддались общему порыву. Но честно скажу, что и меня охватила в тот момент какая-то безумная лихорадка решительных действий, подогреваемая ощущением энергичного прорыва духа из откупоренного сосуда. И только лёгкость преодоления милицейских заслонов и взятия мэрии не давала покоя. Ещё со скифских времён известен тактический приём «вентерь», названный так по одноимённой рыболовной снасти. Рыба заходит туда через узкую конусную горловину, а обратно выйти не может. Скифы успешно использовали этот приём во время войны с персами. А потом и казаки веками заманивали в «вентерь» своих противников. Вот и вспомнилось мне про эту хитрость третьего октября, втемяшилось в голову, как заноза. Вроде бы и радуюсь вместе со всеми первым победам, обнимаюсь, жадно ловлю новые сообщения о передвижениях повстанцев по Москве... и не верю в реальность достижений, жду подвоха. А отцы-командиры, видимо, поверили. Поддались на провокацию, стали скандировать вместе со всеми: «На Останкино!», «На Кремль!»... Милицейскими «пукалками» размахивали с азартом хозяев ситуации. И нарвались по полной программе на боевой кулак...

Полковник внезапно смолк, то ли вспоминая подробности гнусной игры с оппозиционерами и жестокой расправы над ними, то ли подбирая слова, которые всё труднее и труднее давались ему для описания нестандартной ситуации. Его «колючие» глаза со стальными бликами вновь были устремлены сквозь собеседника, сквозь стены кабинета на окро-

вавленную площадь перед телецентром, в разбитое тысячами пуль и сотнями снарядов горящее и стенающее здание Верховного Совета.

Генерал молча курил уже не первую сигарету, ждал, пока сослуживец справится с прихлынувшими чувствами. Он знал Середина с лейтенантской поры, когда впервые прочёл в военной прессе его аналитические материалы, стихи и рассказы. Был инициатором его перевода в Москву. Знал казачий характер товарища, постоянное стремление к рискованному поиску истины там, где его не просили об этом, просто по велению души. Знал привычку впрямую говорить и писать о том, что думает. С таким прямотушием он не мог рано или поздно не попасть в какой-нибудь неприятный переплёт. В девяносто первом году чудом не оказался среди участников путча, поскольку незадолго до этих событий рассматривался на должность референта министра обороны. Но, как говорится, Господь отвёл. Стал одним из инициаторов по созданию в Москве казачьего землячества, а потом и общероссийской казачьей общественной организации. Нажил по этому случаю кучи неприятностей на службе и в семье, потому что вынужден был жертвовать тем и другим во имя становления Союза казаков. Конечно же, ему обязательно нужно было противостоять молдавским и румынским националистам в Приднестровье во время проведения там спецоперации «Троянский конь», а теперь вот ещё засунуть голову в белодомовскую мышеловку.

Статейнова подмывало озвучить свои мысли, но он не успел сделать этого, Середин заговорил снова, отрывисто, будто подталкивал слова пинками:

— Понимаешь, это была не спецоперация по силовому навязыванию президентского правления. Это был российский холост... садистское истребление законопослушных людей...

— Гражданская война во все времена и во всех странах была немилосердной к участникам с той и другой стороны, — заметил генерал.

— Не-ет, ты послушай, — Середин уже не мог остановиться. — Это были не просто наши противники, такие же русские солдаты и офицеры. Это были сатанисты, поправшие в себе всё русское, православное. Они первым делом расстреляли крест и икону на площади перед Верховным Советом. А потом начали косить из всех стволов ещё не успевших проснуться людей — мужчин, женщин, стариков, детей... Всех, кто попадал в прицел, будь он с оружием или без него, для убийц это не имело никакого значения. Всех... всех... всех, под корень, чтобы даже духа сопротивления не оставалось...

— Валентин, ну вы бы на их месте, наверное, так же... — попытался возразить Статейнов.

Но полковник, не дослушав его, ожесточённо процедил сквозь зубы:

— Не могу я представить себя на их месте. Не могу... Стрелять в безоружных женщин и детей... Достреливать раненых... Истязать и убивать пленных... Не могу. Не по-русски это. Не в наших традициях. Только манкурты с выхолощенными душами так поступать могут.

Он вдруг наклонился над столом ближе к генералу, словно собирался сказать что-то важное, из ряда вон выходящее, только что открывшееся его сознанию:

— Ты представляешь, что на самом деле творили ельцинские трубадуры после разрушения СССР под усыпляющую болтовню об общечеловеческих и демократических ценностях? Они изымали души у русских людей. У парней из крестьянских и рабочих семей, их-то отпрыски в армии и милиции не служат. Они отравляли сознание молодых людей враньём о свободе личности, преимуществах рыночной экономики над плановой, собственнических интересов над общественными, прав над обязанностями. Они внушали, что самое важное быть сильным, богатым, успешным. Кто не попал в эту категорию — примитивный «отстой». Они делали из солдат России роботов для охраны новых хозяев жизни и уничтожения своих же соплеменников, но не продавших душу за красивые посулы... Я, кажется, начинаю понимать апокалиптическое число «зверя» из послания Иоанна Богослова — конец света наступит, когда две трети населения земли превратятся из людей в биологических роботов. Понимаешь?

— Ну, ты, казак, куда-то шибко далеко ускакал. Я бы сказал, не в ту степь, — как-то неуверенно произнёс Статейнов. — Пожалуй, без ста грамм никак не догнать твоих мыслей.

— Я же серьёзно говорю, как старому другу и соратнику.

— И я — серьёзно. Рабочий день закончился. — Генерал встал и жестом пригласил собеседника подняться. — А мы с тобой ещё не добрались до главного вопроса нашей встречи. Пуд соли наверняка съели за время совместной службы, нужно бы и запить её чем-нибудь приятным для души и тела.

Он потянул на себя одну из секций книжной стенки и открыл вход в комнату отдыха.

— Проходи. Садись в кресло. Точнее, присаживайся. Садиться не желаю никому из знакомых, особенно другу. Хотя никто в наше время ни от чего не застрахован. Сидели Язов с Крючковым. Сегодня Руцкой, Макашов и Ачалов на нарах

парятся. Так что не будем беду накликасть. Лучше выпьем коньячку за здоровье и нашу былую совместную службу.

— Намёк понял, — без эмоций отчеканил полковник. Он не спешил сесть в потёртое кресло с зелёной обивкой, стоявшее возле овального столика, повидавшего немало известных военных писателей и журналистов. Слегка разминал ноги после долгого сидения, приподнимаясь на носках ботинок, и наблюдал, как Статейнов достаёт из холодильника фрукты, тарелку с нарезанной колбасой и сыром, початую бутылку дагестанского коньяку «Лезгинка», разливает его в хрустальные рюмки.

— Ну, шоб наша доля нас не цуралась! — несколько с наигранной весёлостью предложил генерал.

— Шоб краще в свити жилося! — На такой же бодрой ноте подхватил полковник.

Они чокнулись, продолжая стоять возле столика. Выпили несколькими глотками пахучий коричневатый напиток. Немного подождали, пока он распустит благодный бутон в груди. Потом Статейнов разрезал яблоко и протянул половинку Середину.

— «Хлеба горбушку и ту — пополам» — иронически процитировал полковник.

— Валентин, надеюсь, что без обиды? — напрямую спросил генерал, глядя в глаза сослуживцу. — Я ведь пытался удержать тебя от твоего казакования с депутатами. Предлагал должность своего заместителя. Но ты сделал иной выбор.

— Я тоже надеюсь, что ты не думаешь, что я сделал выбор ради предложения Бабурина, прозвучавшего на съезде, — повысить всех офицеров, вставших на защиту Закона и Конституции, в звании на одну ступень?

— Нет, конечно. — Генерал снова наполнил рюмки. — Но признайся честно, не жалеешь сейчас, что отказался от моего предложения?

Полковник на несколько мгновений задумался. Потом, найдя нужный аргумент, тоже посмотрел в глаза друга и задал встречный вопрос:

— И ты скажи откровенно, продолжал бы уважать меня сейчас, угощать коньяком, если бы знал, что ради личного благополучия я предал людей, веривших мне и пошедших за мной на опасное противостояние ельцинскому режиму?

Генерал, ничего не ответив, поднял рюмку и кивнул Середину, давая понять, за кого и за что он пьёт.

Минуты две они молча закусывали. Затем Статейнов, как бы размышляя вслух, проговорил:

— Наверное, самое лучшее сейчас, чтобы не подставлять тебя под горячую руку министерских службистов, вывести

за штат, а через несколько месяцев, когда буря поутихнет, уволить по организационно-штатным мероприятиям. Слава Богу, планку выслуги лет сейчас понизили и военную пенсию ты заработал. Больше ничего разумного по твоему поводу в голову не приходит. Сам-то что думаешь?

— Думаю, что ты был и остаёшься верным другом... Тебе Господь доверил решать мою судьбу. Вначале поднять на самый верх военной журналистики, забрав в Москву из дальнего сибирского гарнизона. А теперь вот и прикрывать моё вынужденное отступление с завоёванных позиций...

Полковник хотел сказать ещё что-то о своей искренней благодарности товарищу по службе, но тот как-то грустно улыбнулся и оборвал его:

— Не суесловь! Сам же мне говорил пословицу восточных мудрецов: «Имеющий в кармане мускус, не распространяется об этом. Запах мускусного ореха говорит сам за себя». Так?

— Всё верно запомнил.

— Вот и давай выпьем за нашу дружбу и совместную службу. И дай Бог не пойти ко дну в штормовой России!

Глава 3

Нет на свете ничего отрадней, чем возвращение в родительский дом, когда тебя ждут там с неизбывной любовью самые родные люди. Из любого края земли. В любое время года. На любом транспорте. На самолёте — сквозь молочную пену облаков. На поезде — мимо чужих, и, оттого не притягательных для души городов и сёл. На машине — по асфальту знакомого с детства шоссе, по буеракам и колдобинам сельского просёлка. Даже пешком — в сгущающихся сумерках, ориентируясь по звёздам, мерцающим над отчей крышей, по запахам родной земли, по светлячкам деревенских огней, по залиvistому лаю соседских собак. Невозможно остановиться на этом пути — ноги сами ведут к заветному дому, а сердце мечется в груди, как заполошная собачонка, почуявшая хозяина.

Валентин Середин опоздал на последний паром из райцентра и вынужден был добираться пешком от остановки автобуса возле консервного завода до плотины шлюзов напротив родной станицы. Километра три-четыре. Дорога, хоть и была посыпана песком и гравием, но давно не ровнялась, раскисла от частых осенних дождей. Идти по ней в темноте было непросто. Хорошо, что догадался сапоги надеть, а не туфли. Было бы совсем худо. И всё же вовсе не досада вела московского гостя по заезженной и разбитой дороге, а трепетное

ожидание близкой встречи. Душу переполняли радость от узнавания знакомых с детства мест, беспокойство за постаревших и больных родителей, и в то же время — какая-то интуитивная надежда, что его приезд взбодрит стариков, сможет встать на ноги, и они ещё споют вместе любимую семейную песню «Вот кто-то с горочки спустился». Полковник даже явно представил, как сидит между отцом и матерью на лавке, обнимая их за плечи, и они в три голоса выводят:

*Вот кто-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идёт?
На нём защитна гимнастёрка,
Она с ума меня сведёт...*

Мысли о стариках разлили в душе щемящую нежность, она стремительно разрасталась в груди, ширилась и, не помещаясь в ней, давила на горло тяжёлым комом, пощипывала глаза подступившими слезами.

Вдоль дороги шушукались о чём-то своём, будто старушки на скамейках, ветви прибрежных верб и тополей с ещё не облетевшей листвой. Возились в кустах, то ли устраиваясь на ночлег, то ли выйдя на промысел, невидимые зверушки или птицы. С каждым шагом нарастал шум падающей с плотины воды. А когда путник дошёл до бледных каменных крестов немецким военнопленным, строивших гидроузел, навстречу ему метнулся знобкий речной ветерок, проводя по лицу своими влажными и холодными щупальцами, будто невидимый страж реки пытался на ощупь определить, кто такой пожаловал на берег Дона.

— Да свой я, тутошний, — остановился Валентин перед шлюзовой камерой. — Здорово живёшь, батька Дон! Прибыл на побывку.

— Што надо? — строго окликнул с плотины незнакомый охранник.

— Перейти на другую сторону к родителям в гости. — Ответил Валентин.

— Чей будешь?

— Середин.

— Штой-то не помню таких. На каком краю живут?

— На выезде в Бугры, рядом с Григорьевыми. Таких знаете?

— Кто ж Григорьевых не знает? Сашка и его жинка — известные люди в станице. Кажись, и твоего батю вспомнил, в конторе раньше работал, — уже без настороженности проговорил охранник. — Опоздал на паром, што ли, пешодралом топал от консервного?

— Опоздал, — подтвердил гость.

— Проходи тогда, земляк. Звать-то как?

— Валентином.

— Как сойдёшь, Валентин, на той стороне, иди в станицу берегом, по песку. Так грязи меньше намотаешь на сапоги. А потом — не по Рыбацкой, а мимо клуба. Там асфальт положили до мастерских. Ну, а до дома своего по переулку, как получится. Колеи там такие, что утопнуть можно.

— Спасибо за совет, — поблагодарил Середин заботливого земляка, мысленно представив расхлябанные машинами и тракторами колеи на родительской улице, кое-где засыпанные песком и жужелкой. А местами только возле заборов пробраться можно по выдавленным и заветренным грыжам чернозёма. «А ведь бегал когда-то и в клуб, и на свидания по этой квашне» — с невольной улыбкой подумал Валентин. А вслух проговорил: — Доберусь как-нибудь. Дома и кочки родные помогут. Вы привет Петру Столярову от меня передайте. Он мой одноклассник, вроде бы, тоже на шлюзах работает.

— Тут работает, — подтвердил охранник. — Утром порадую его.

— Пускай в гости заходит. Я дней на десять, а может, и больше. Родители хворают, надо помочь.

— Это да, в старости без догляда худо, — согласился постовой. — Да ты ступай домой, а то протянет тебя наш «сверко» и сам сляжешь.

— Ну, бывайте здоровы! — помахал ладонью правой руки Валентин. — Свою фамилию назовите. Может быть, мы знали друг друга раньше?

— Семёнов я, Андрей Васильевич, но не местный уроженец. В примаках живу лет двадцать. Поэтому, скорей всего, не знались мы.

— Ну вот, теперь будем знакомы. Надеюсь, ещё увидимся? — Кивнул Середин и, повернувшись, пошёл по гулким металлическим мосткам к противоположному берегу.

Шумел рукотворный водопад. Остро пахло водорослями, илом, стылým металлом, мазутом и ещё какими-то неведомыми в его детстве запахами, потому что тогда шлюзы только строились и Дон не был перегорожен плотиной. На подходе к станице посторонние запахи пропали. Воздух наполнился привычными и от того приятными настоями полыни, увядающей листвы и травы, ещё не слежавшегося лугового сена, угольным дымком из печных труб, аммиачными испарениями скотных дворов, гашёной известью от подбеленных садовых деревьев и уже не пьянящим, как летом, едва уловимым ароматом настурций, петуний и бархатцев, доцветающих в станичных палисадниках.

Кое-где на столбах горели электрические фонари, накрытая бледно-жёлтыми шапками света роскошные цветники возле домов.

Валентин невольно любовался этими цветочными вернисажами из астр, георгинов, роз, хризантем, других цветов и с нежностью думал о своих земляках: «Какой неистребимой тягой к красоте нужно обладать, чтобы, несмотря ни на какие трудности времени, житейские невзгоды, унижение нищетою, продолжать из года в год сажать такие прекрасные цветы, холить и лелеять их?! И ведь не на продажу. Не для выживания. А только ради самой красоты, чтобы не исчезла она из их жизни. Как объяснят эту особенность русского характера оголтелые рыночники, в какую нишу меркантильной целесообразности пристроят?»

До родительского домика он добрался вполне благополучно. С замиранием сердца открыл запор на калитке. Света в окнах не было. Родители всегда довольно рано ложились спать, чтобы с рассветом быть уже на ногах, а зимой и задолго до рассвета. Счистив грязь с сапог о металлический скребок возле ступенек, пошаркав подошвами о старый половичок перед дверью, Валентин постучал в ближайшее окошко. Через несколько секунд на жилой половине дома загорелась лампочка и он увидел по тени на занавеске, как мать торопливо набрасывает халат и идёт к окну.

— Кто там? — раздался глуховатый, осевший от сна голос.

— Мама, это Валентин.

— Сыночек! Валик! — изумлённо воскликнула мать и метнулась в сени, открыла дверь и, как была в незастёгнутом халате поверх байковой ночной рубашки, прильнула к сыну, обхватив руками за шею, стала торопливо тыкаться мягкими губами в его подбородок, щёки, заросшие за время поездки колючей щетиной.

Сын одной рукой обнял мать, а другой прижал её голову к своей щеке и поцеловал седые волосы, заплетённые, как всегда, в косу и «короной» уложенные на голове.

— Здравствуй, родная! Прости, что разбудил, не успел на паром, пришлось пешком через шлюзы идти.

— Слава Богу, дождались! — Оксана Семёновна чуть отстранилась от сына, оглядывая его в тусклом свете из окошка и всё ещё не до конца веря в реальность происходящего. — Ну, пойдём в дом, на свету разгляжу тебя хорошенько.

И пока Валентин снимал сапоги, вешал куртку и кепку, мать суетилась вокруг него, пытаясь помочь в том, что сыну и самому несложно было сделать.

— Мамуля, да успокойся ты. Никуда я не денусь. Взял отпуск на десять дней по семейным обстоятельствам.

— Вот и славно! — обрадовалась Оксана Семёновна, всё ещё не отрывая глаз от сына, расчёсывавшего свою густую шевелюру перед маленьким зеркалом над рукомойником. — Седеть начал. А в остальном такой же... Хотя нет, глаза изменились, строже стали. Раньше в них бесенята прыгали, а зараз нету.

— И ты, мамуля, не сильно изменилась. Такая же красивая и статная, как столбовая дворянка, будто всю жизнь только собой и занималась. Породу сразу видно — атаманша! Только чуток пониже стала...

— Ну, ты и завернул: красивая!.. Спеклась совсем...

— Батя как, не лучше ему?

— Спит зараз. Ему какую-то микстуру сонную прописали. Ежели сам не проснётся, будить не будем. Слабый совсем.

— Ладно, пусть отдыхает, я только гляну на него одним глазком.

Валентин шагнул за занавеску, разделявшую помещение, и увидел спящего отца, точнее, только его исхудавшее лицо, не закрытое одеялом. Щёки впали. Вокруг глаз образовались тёмные круги. Нос заострился. Синеватые губы приоткрыты, как у ребёнка. Резко выступил кадык на морщинистой шее. Густые, клочковатые брови сведены к переносице. И оттого лицо выглядело суровым и беззащитным одновременно. Но дыхание было ровным, не хаотичным, как у смертельно больных людей.

Сын наклонился над спящим отцом и легонько прижался щекой к его выпростанной из-под одеяла руке. Потом вернулся к матери, наблюдавшей за ним из кухни, и тихо, но уверенно произнёс:

— Мам, всё будет хорошо. Вот увидишь, отец выздоровеет. Мы с ним ещё по станице прогуляемся.

— Дай-то Бог, чтоб так и вышло! — растроганно произнесла Оксана Семёновна и промокнула глаза кончиком рукава халата. — Мой руки, зараз повечерять соберу.

— Мам, ты не очень там... Я бы кислого молока с хлебом поел, и достаточно на ночь.

— Ой, сыночек, дак я насчёт кислого молока не расстаралась. Завтра попрошу, чтоб больше приносили. Литра два. А то нам с дедом совсем мало надо.

— Прости, мама, я тоже забыл, что Квитку продали. По старой памяти сморозил... Попью чайку с хлебом и абрикосовым вареньем.

— Узвар из сушки есть, пирожки с курагой. Зараз достану из погребца и жердёловое варенье.

— Да я сам, мамуля. Только ключ от погребицы дай.
— Мы ж не замыкаем никогда. Замок только наброшенный. А выключатель справа на дверной коробке.
— Помню.

Через несколько минут Валентин привычно расположился на широкой лавке возле обеденного стола и с аппетитом поглощал испечённые матерью пирожки, ел янтарное абрикосовое варенье и запивал душистым компотом из сушёных яблок, груш и вишен. Коротко сообщал столичные и домашние новости, без волнительных подробностей.

Оксана Семёновна сидела на табуретке возле не остывшей ещё печки, благостно опутив натруженные руки на колени, и замороженно любовалась сыном, слушая и не очень-то вникая в его отрывочную информацию. Её смуглое, немного опухшее лицо с карими глазами, от которых солнечными лучами разбегались улыбчивые морщинки, было умиротворённым и светилося нескрываемым материнским счастьем.

Глава 4

— Папа, ты не спишь? Слышишь меня? — Валентин наклонился над отцом и взял его измождённую руку, перевернул синими жилами вен, в свою ладонь, покачал её из стороны в сторону. — Я Валентин, твой младший сын.

Он увидел, как дрогнули веки глубоко запавших глаз, и по бледно-серому лицу пробежала виновато-радостная гримаса. Непослушные веки, как заржавевшие железные створки, с трудом разошлись, и на сына из подслеповатых, окантованных краснотой глаз устремился ощупывающий взгляд.

Сначала шевельнулся острый кадык на шее, потом напряглись бесформенные синюшные губы, и из них вырвался сильный полусёпот:

— Ты приехал, сынок?

Отец попытался сжать руку сына, но только едва заметно качнул её, на большее сил не хватило. Его глаза подёрнулись маслянистой плёнкой подступивших слёз:

— Слава Богу, встретились! А я уже не надеялся увидеть тебя.

Валентин приник щекой к многодневной колкой щетине на лице отца, бережно обнял его за плечи. Чтобы скрыть волнение, проговорил излишне бодрым голосом:

— Здорово, батя, здорово! Да разве мог я не приехать, когда такую тревожную телеграмму про твою болезнь получил?

— Всяко бывает. Мы с матерью дюже переживали, что ты мог погибнуть под бомбёжками в том горемычном Совете.

— Обошлось без бомбёжек, отец. Из бронетранспортёров и танков постреляли, это было. Но, как видишь, живой и невредимый.

— Ну и славно. Подыми меня трошки выше, а то плохо вижу тебя. В тумане всё... Так лучше. А чего же ты не в форме?

— Да я же в отпуске. Форма на службе надоела.

— А мы бы с матерью погордились, — Яков Васильевич попытался улыбнуться, но мышцы лица плохо подчинялись ему, и улыбки не получилось. — Три сына-полковника... это не только для нашей семьи, но и для станицы почётно!

Отец постепенно приходил в себя после ночного болезненного забытья. Недаром говорится, что сон — это временная смерть. Слова старика становились осмысленней, а речь более связной, голос крепчал. И хотя это был ещё не прежний голос главы семьи, твёрдый, наставительный, который привыкли слышать дети, но и на голос умиряющего он не походил. И сын с радостью подметил это:

— Батя, а ты не так плох, как я себе представил. Мы с тобой ещё споём и спляшем...

— Шуткуешь, сынок? Отплясал я своё. Не сдюжаю хворобу. Кровь не греет совсем.

— Ты со своими выводами не спеши. Чтобы кровь грела, её горячить нужно. Двигаться. Питаться нормально... А ты? Ничего не ешь. Лежишь сутки напролёт, не поднимаясь. А хочешь, чтобы кровь циркулировала по организму.

Валентин выговаривал отцу с улыбкой, чтобы невзначай не обидеть больного, но в то же время — твёрдым командирским голосом, будто ставил задачу своему подчинённому:

— Начнём с тобой делать массаж и зарядку каждый день, через неделю запросишься по двору прогуляться.

— Нет силы, чтобы подняться, — оправдывался отец. — Ноги не слушаются, живот отказывает. Раньше хуч до уборной доходил, а теперь и на ведро — только с помощью матери, да и то... стыдно говорить...

Яков Васильевич замолк, с трудом сдерживая волнение. Перемолол желваками прихлынувшую досаду и продолжил жаловаться, снизив голос:

— Теперь, сынок, не всегда и на ведро получается... Иной раз и не донесу... Матери забот прибавляю. Как с грудным дитём нянькается — подмывает да пелёнки меняет. Негу сил моих совсем. Так-то вот старость проявляется — опять в детство впадаем. Да только некому нас обихаживать, мать сама на ладан дышит, а вы далеко разлетелись из родного гнезда. Разве что похороны соберут вместе? Видать, скоро уж в последний путь отправляться.

— Туда все отправимся когда-то, — проговорил Валентин, — но спешить не надо. Не ты ли рассказывал про цыганку, что нагадала тебе жить до девяносто пяти лет и умереть весной? Мам, ты помнишь?

Из-за занавески выглянула Оксана Семёновна, хлопотавшая на кухне:

— Чиво ты спросил, сынок?

— Ты помнишь предсказание цыганки отцу? Сколько она лет жизни ему напорочила?

— Кажись, девяносто пять...

— Вот! Девяносто пять! Я же помню. А ты, батя, говоришь, что скоро собираться в мир иной... Нет, мы ещё повоюем с безносой дамой. Мы ещё встанем на ноги и выпроводим её за порог... Сегодня встанем! — уверенно заявил Валентин.

Сын намеренно играл роль оптимиста, чтобы не показывать свою жалость к старческой немощи, не подписываться под уже вынесенным Яковым Васильевичем самому себе приговором. Семейное предание о цыганке было маленькой «соломинкой надежды» из народной поговорки про утопающего, который и за соломинку хватается. Валентину очень хотелось, чтобы отец ухватился за бывшее предсказание, часть из которого про войну и плен уже сбылась, и захотел бороться за свою жизнь. Ведь без веры и желания самого человека одолеть болезнь, любые лекарства и усилия врачей принесут мало пользы.

Глядя на беспомощного отца, Валентин вспомнил своё дошкольное детство, когда он завидовал взрослой жизни родителей и старших братьев. Ему казалось, что они свободно делают всё, что хотят, а он опутан по рукам и ногам всяческими запретами — туда нельзя, сюда нельзя, ничего без разрешения взрослых нельзя... Как он мечтал, ворочаясь в постели, заснуть ребёнком, а проснуться взрослым, самостоятельным человеком. Мечтал, не торопясь, идти под ручку с самой красивой станичной девушкой по Рыбацкой улице в клуб на танцы или в кино, небрежно кивая старикам и старухам, сидящим на лавочках и внимательно разглядывающим парочку влюблённых. Наивные детские мечты, но кого они не посещают? Много лет спустя появилось другое горячее желание — задержать стремительный бег времени, чтобы отодвинуть родительскую старость на более поздний срок. Да время не песочные часы, его не повернёшь обратно. Главное, наверное, даже не в желании продлить жизнь родителям, а в том, есть ли ещё шанс чем-то облегчить старость самых близких людей.

— Мужчины, — подала голос Оксана Семёновна, — завтрак готов. Сыночка, мой руки и садись за стол, а я зараз покормлю отца и сяду тоже.

— Мам, давай вместе батю покормим.

— Дак я уже привычная, а ты с большими стариками не нянькался. Садись, садись. Завтрак — на столе. Зачем же ему остывать? Я кашки отцу сварила на молочке...

Она села на край кровати и стала неторопливо кормить Якова Васильевича манной кашей, давая запивать топлёным молоком.

— Ты зачем его из ложки кормишь? — удивился Валентин. — Он же так вскоре вообще руки не сможет поднять. Давай-ка поднос. Ставь миску с кашей. Ложку бате в руку дай и пусть упражняется...

— Валёчек! — опешила мать. — Дак он же перемажется кашей пуще малого дитя.

— И пусть. Оботрётся салфеткой. Если надо будет, полотенце намочим.

— Сынок...

Но Валентин решительно отстранил мать и занял её место подле отца. Подал ему ложку, приговаривая:

— Не ленись, Яков Васильевич. Будем считать это действие первым упражнением нашего комплекса твоей физической реабилитации. Согласен?

— Попробую, — нерешительно ответил отец. — Руки не слушаются давно.

Координация движений у него была явно нарушена. И, зачерпнув каши, он с трудом донёс ложку до рта, опорожнил её.

— Ну вот видишь, вполне справляешься с данной процедурой сам! — подзадорил сын. — Лиха беда — начало!

Яков Васильевич ещё несколько раз повторил манипуляции с ложкой. На губах и подбородке остались белые отметины от каши. Но он впервые после долгого перерыва ел самостоятельно и был удивлён и обрадован этим.

— Кажись, могу ещё и сам... Дай, сынок, запить.

— Так и кружку бери с подноса сам.

Кружка с топлёным молоком оказалась неподъёмной для ослабевшей руки старика. Она кренилась, дрожала, но никак не отрывалась от подноса.

— Мам, дай нам ещё одну кружку. — Попросил Валентин.

— Валёчек, не мучил бы ты отца, — взмолилась Оксана Семёновна. — Негожий он уже для этих дел. Сам же понимаешь, что негожий...

— Мама, дай нам пустую кружку!

— Зараз, сынок. Возьми...

Валентин перелил часть молока в пустую кружку и поставил её на поднос. Предложил командирским голосом:

— Дерзай, казак!

Отец с трудом, приподнял её за ручку, с большим креном поднёс к губам.

— Помогай второй рукой. Пей, как из махотки пил на сенокосе. Помнишь?

— Помню, — процедил отец, тяжело глотая жидкость. Капли молока расплёскивались по губам, стекали в уголках рта. Но старик опорожнил кружку и плюхнул её на поднос. — Хух, чижало!

— Ещё добавить?

— Нет, будя. Зараз больше не осилю.

— Ну, передохни. Через часик ещё можно подзаправиться главным человеческим топливом. С рождения до смерти на нём держимся. Тут вся таблица Менделеева собрана. Малыши на ноги встают, и ты встанешь. На-ка, утрись. — Валентин протянул отцу полотенце.

Яков Васильевич поелозил полотенцем по губам и подбодродку, потёр шею, лоб. Выдохнул облегчённо:

— Ажнык упрел.

— Ешь — потей, работай — мёрзни! — хохотнул Валентин, довольный результатом своего первого эксперимента. — А ты говорил «не спляшем». Ещё как спляшем! Перекури пока, а мы с матушкой тоже малость подзаправились. Давай, Оксана Семёновна, теперь позавтракаем, чай заработали кусок хлеба?

Сын сел рядом с матерью на длинную и широкую лавку, занимавшую почти треть пространства кухонной части дома. Похлопал рукой по вытертым до лоска от частого сидения некрашеным доскам:

— Это на ней же ты меня купала в оцинкованном корыте?

— Дак я и не помню, скоко ей лет. Может статца, что и на ней... А ты и корыто старое не забыл?

— Как забудешь? Я же во время половодий его вместо лодки использовал. Плавал в нашем саду и по Гусиному ерику вместе с Санькой Григорьевым и другими дружками. У нас целая корытная флотилия весною организовывалась. От Бати налыгача перепало, когда кувырнулся с этого плавсредства, чтобы не моржевал без спросу.

Из комнаты донёсся хрипловатый но довольно внятный голос Якова Васильевича:

— Не за купание поучил, а за то, что не побёг домой, а стал сушиться у костра на берегу. Хорошо — только простудой отделался. Мог бы и лёгкие застудить, и почки... У меня в войну было своё вынужденное купание в студёной реке, а зараз всё вылазит наружу. Напомни после завтрака, расска-

жу, а то память ничего долго не держит, мелькнут какие-то воспоминания, и пропадут. Дырявая башка стала.

— Обязательно напомню. Я давно собирался порасспросить тебя о войне подробнее. Да то у тебя, а потом и у меня времени на это не хватало. А сейчас спешить некуда. Погуторим по душам.

— Добро! — согласился старик.

— Растормошил ты батьку, погуторить ему захотелось, — с довольными нотками в голосе проговорила мать. — А то всё молчком, молчком... Редко когда раскачаю его на разговор. Вижу — не спит, чего-то мозгует, достаю альбом, рассказываю. Вроде бы оживает. Повспоминаем трошки. Душа и отогреется... Пожил бы хуч до весны. Ночей не сплю возле него. А всё-таки легче, когда в доме живой человек есть. Всё не одна.

— Ох и вкусные у тебя катламы, мамуля! Ни у кого ничего подобного не ел. Твой фирменный рецепт?

— Какой там ришепт? Как моя мама эти пышки пекла, так и я. На кислом молоке, яичках, постном масле, тесто круче завожу. Вот и всё.

— Так уж и всё? Кабы так просто было, и дочки бы так же вкусно готовили. А то ведь не дюже так...

— Ну, не знаю. Каждый человек на свой лад всё делает. Точь-в-точь никто не повторяет.

— Вот и я говорю, что на твой лад катламы самые вкусные получаются.

— Ну и на здоровье! Ты бы пухляковского винца покушал. Твоё любимое. Влить трошки? Не знаю, как получилось в нынешнем году. Из-за болезни отца некогда было вино как следует доглядать. А оно не любит беспризорства. Чуть что не так, перекисает. Вроде не обукислось. Совсем мало сделала. Угостись.

— За твоё и папино здоровье! Дай вам Бог ещё многие лета!

— Дай-то Бог!

Валентин с удовольствием опорожнил жёлтый пластмассовый стаканчик и с аппетитом стал закусывать румяной жареной лепёшкой, макая её в крутую деревенскую сметану.

Самодельный деревянный стол, застеленный цветной клеёнчатой скатёркой, эмалированные тарелки с зелёными ободками, графин из красного стекла, увитый виноградными гроздьями, поточенная шашелью старинная посудная горка... Такая бесхитростная деревенская утварь, привычная с детства, простая крестьянская еда умиляли и согревали душу чувством погружения в родную стихию. Валентин, не смотря на тревожную ситуацию в доме, впервые за несколько месяцев

ощутил состояние защищённости от агрессивной среды и какого-то внутреннего комфорта.

— Господи, как же хорошо дома! — произнёс он, обнимая мать и склоняя голову на её плечо. — Нигде нет такого покоя, как в родительском доме. Кажется, только сейчас по-настоящему начинаю понимать выражение «чувствовать себя в своей тарелке». Спасибо вам...

— Не за что, сынок, — ответила Оксана Семёновна, — что же ты ничего не ешь? Все катламы остались на тарелке.

— Да что ты, мамуль? Вон как бурдюк набил. — Валентин провёл рукой по животу. — Разве у тебя можно голодным остаться? Вы с батей всегда хлебосольством отличались. Спасибо за то, что вы такие славные у меня!

— Ну, скажешь, славные! Обыкновенные, как и все деревенские. Не учёные наукам. Живём, как исстари заведено. Отец-то, куда ни шло, четыре класса до революции окончил, а я совсем безграмотная...

— Да разве в грамоте дело, мамуля? Добрые вы, независтливые, радушные, покладистые. Друг с другом в мире живёте и со всеми соседями. Ничего от жизни не просите, а сами последний кусок отдать готовы тому, кто нуждается. Я же помню, как ты нищих принимала, если кто-то милостыню просил. Не у калитки что-либо подавала, чтобы побыстрее отделаться, а в дом приглашала, кормила, расспрашивала о беде их. Сочувствовала. Это так редко сегодня встречается.

— Выдумщик ты наш! Насочинял себе. Ничем особым мы от других людей в станице не отличаемся. Живём как все.

— Ты хоть с одним человеком поругалась за свою жизнь?

— Может, и поругалась, не помню.

— И я не помню такого случая. А отец хоть раз приходил домой пьяным? Дебоширил? Матерился?

— Ты же знаешь, не пил он никогда. Только пивка трошки. И то по праздникам. И не матился никто из нас — грешно это. Дебошей тоже в доме не бывало. А вот под горячую руку отцу лучше было не попадать... Про налыгач помнишь поди?

— Раза три перепало. Но за дело.

— Вот и я не драговала его, што б не закипал.

— А ты говоришь, как все... Всё-таки по своим законам жили?

— По божеским и человеческим. Как родители научили.

— Мать, подь сюды, — позвал Яков Васильевич. — Подсоби по нужде подняться.

Валентин опередил Оксану Семёновну и первым подошёл к отцу:

— Давай я помогу.

— Соромно сынок. Мы привыкли уже вдвоём обходиться, — в два голоса слабо возразили старики.

Сын, не обращая внимания на возражения, наклонился над отцом и, без особого напряжения подняв на руках исхудавшее тело, опустил Якова Васильевича возле отхожего ведра:

— Спускай кальсоны и садись, делай своё дело. Чего здесь стесняться? Дело житейское. Вы меня на горшок сажали, стеснялись? Теперь мой черёд пришёл.

Валентин так уверенно управлялся с отцом, будто заправский санитар, что неловкость ситуации быстро развеялась.

— Я, батя, постараюсь усовершенствовать это приспособление под нужник. Будешь восседать, как король на троне, без посторонней помощи.

— Это как же?

— Поморокую малость. Типа кресла с дыркой. Как переносные биотуалеты на Западе.

— Нам до ихних мудрёных штук не дожить, — вздохнула Оксана Семёновна.

— Свои придумаем, коль жизнь заставляет.

— Попробуй, а то дюже несподручно на ведро по большому ходить, — пожаловался отец.

— Ну, Яков Васильевич, с облегчением! Получше стало?

— Полегшее вроде...

— Тогда, может быть, прогуляемся по комнате?

— Што ты! Не сдюжаю я.

— А давай попробуем. Ты и давеча говорил, что не сдюгаешь, а осилил-таки завтрак самостоятельно. Человек не знает своих скрытых возможностей. Нужно испытывать себя.

— Валёчек, — взмолилась мать, — Ему покой нужен.

— Жить ему нужно, мама. А для этого движение необходимо, чтобы сердце ритмичнее работало, кровь гоняло по жилам.

— Ну, гляди. Тебе видней.

Родители после приезда Валентина как-то быстро перешли в подчинение к нему, то ли почувствовав силу и уверенность в словах и действиях сына, то ли стесняясь своей стариковской беспомощности. Они не перечили ему и покорно выполняли всё, о чём просил.

— Давай, мамуль, тёплой водички и полотенце. Мы сейчас водные процедуры проведём, а потом и побреемся. Красоту наведём. Оденемся и пойдём вдоль по Питерской.

Постелив целлофановую плёнку на кровати, Валентин минут пятнадцать обмывал отца, протирал его тело, массажировал. Помог надеть чистое бельё. Потом стал намыливать

щёки и сбривать многодневную щетину. Старался не поранить дряблую кожу, но всё равно доставлял какие-то неприятные ощущения старику.

Яков Васильевич болезненно кривился, что-то бубнил под нос, поднимал руки к станку, давая знать, чтобы сын усердствовал не так рьяно.

Когда бритвё подходило к концу и не выбритым остался только небольшой участок на подбородке, Валентин предложил:

— Попробуй теперь сам добриться.

Вначале станок, как до этого ложка, плохо слушался онемелых пальцев. Старик порезался. Из царапины выступила капелька алой крови.

Но сын продолжал подзадоривать отца:

— А говорил, крови не осталось. Вот она родимая. На-ка посмотри, — протянул салфетку с расплывшимся пятном.

— Течёт коудова.

— Течёт. Значит, о жизни думать надо, а не о смерти. Мам, дай рубашку покрасивее.

— Яша, какую тебе сорочку достать?

— Давай вышиванку, что на золотую свадьбу надевал. Валя не смог тогда приехать, пусть зараз поглядит на жениха.

— А штаны какие, от костюма, што ли?

— Мама, дай лучше вельветовые, — подсказал Валентин. — В них променад удобней совершать и теплее.

Семёновна подала сыну косоворотку со стоячим воротником, расшитую красными нитками, и вельветовые брюки.

Вдвоём они быстро одели Якова Васильевича. Оксана Семёновна причесала его своим гребнем. Валентин поднёс маленькое настольное зеркало, проговорил шутливо:

— Совсем другой коленкор! А?

— Пригожей стал, помолодел кабыть, — согласилась мать.

— Насмехаётся, — пробурчал старик, но в зеркало заглянул и примял рукой торчавшую прядь седых волос. — Щетину соскрёб, вот и на человека стал походить.

— Теперь — носки, тапки и — «Цыганочку» с выходом, — продолжал шутить Валентин. Он помог отцу встать на ноги и жестом пригласил мать взять под руку отца с другого бока. — Тронулись, не спеша, до печки и обратно. Так! Разворачиваемся! Ровнее шаг! Степенно гуляем, не горбимся! А барышни улыбки дарят нам...

— Ох, прихлебный, смешно ему! А отцу какво? — не строго посетовала мать. — А давно ли ты на батьке верхом сидел? Погонял: «Но, поехали!» И отец бегал по саду с тобой на плечах, пригибаясь под деревьями. Эх, годочки, годочки!

Ускакали, не воротишь! Теперь вот ты с отцом нянчишься, сызнава ходить учишь. Да, видать, отбежали мы свой срок.

— Это ещё поглядим, отбежали или нет! Космонавты после возвращения на землю тоже первое время не могут передвигаться самостоятельно, но расхаживаются в конце концов. А мы чем хуже? Или не донцы-молодцы?

— Тормози, сынок. Передыхнём. — Яков Васильевич устало опустился на кровать. — Фух, аж в голове помутилось и сердце запалилось. Отвык организм двигаться, обленился.

— Я не возражаю, перекур так перекур. Ты про фронтовое купание обещал рассказать. Давай подушки под спину подложу, чтоб удобней сидеть было. Так где тебя угораздило попасть в зимнюю реку?

— Знаешь, сынок, иногда диву даюсь, что с моей памятью сталось! Что было намедни, не помню, а то, что ещё при жизни родителей происходило, стоит перед глазами, как наяву. Фронтовые будни тоже не стираются из памяти. В первый день 1942 года выгрузились мы из эшелона под селом Богодаровка на Украине. Выдали нам паёк, сто грамм «наркомовских» и скомандовали: «Вперёд, славяне! Устроим фрицам новогодний подарок!» Вёрст двадцать пять—тридцать мы ломанули где бегом, где ползком...

— В январе 1942-го? — удивился Валентин. — Я считал, что только под Ростовом и Москвой были контрнаступления, а в остальных местах лишь пятились наши фронты.

— Как видишь, были, но какой ценой? На трое суток нашего запала хватило. Выбили фрицев из окопов и блиндажей первой линии, погнали по степи, чтобы и они испытали, как жареный петух в задницу клюёт, чтобы свой «фатерлянд» вспомнили, от дурных мыслей о восточных колониях избавились. Немало их осталось удобрять наши чернозёмы. Но и наших хлопцев загнуло немало. Снаряды, патроны расстреляли. А тылы за передком не поспевали, да и боезапас в то время ещё дуже скудный был, харч солдатский тоже некудышний. Тяга — лошадиная, да на своих-двоих. Далеко ли таким макаром прорвёшься? Короче, выдохлось наступление. Стали в землю закапываться и мы, и они. Токо мы сами роем сапёрными лопатками, а им специальные строительные батальоны укрепления готовят — с блиндажами, траншеями, отхожими местами. Немцы умели беречь своих солдат. В общем, позиционная война пошла. Пужанём друг дружку пулемётно-миномётным огнём и сидим, как кроты в земле. Никто наступать не решается.

— Немцы, наверно, под Москву тогда силы с других фронтов перебрасывали?

— Так и было. Германские части под Москву снимали, а на их место румын ставили. Прибегли как-то до нас две женщины с той стороны фронта. Рассказали, что немцы из их деревни уехали и зашли румыны. Ещё те вояки! В окопах не сидят. Шарят по домам и сараюшкам, мародёрничают да баб лапают... «Не вояки! — смекнул наш политрук Руев. — Поучить бы гадов!» Женщины обещали провести человек десять скрытно в свою деревню. Уверяли, что этих сил вполне хватит, чтобы справиться с румынскими оккупантами. Я по распоряжению политрука собрал десять добровольцев, и мы отправились отбивать охоту румынам завоевывать русские земли. Пробрались в деревню. Понаблюдали трошки. Убедились, что женщины правду сказали — немцев нет, а румыны по хатам разбрелись. В одном из домов их командиры собрались, самогонку попивают, салом закусывают, девчат оглаживают. Ну, совсем обнаглели, даже охранения не выставили. Политрук хлопцем указал, кому что делать, и мы приступили к выполнению задачи. Я дверь в этот гульбарий распахнул. Руев с револьвером — туда, я за ним с винтовкой на изготовку. По-румынски никто из нас не силён. Так старшой наш по-немецки выпалил: «Хенде хох!» Румыны обомлели. Вскочили все до единого, руки подняли. Никто к оружию не потянулся даже. Залопотали что-то на своём тарабарском. Да кто же разберёт, што они плетут? Тут один из офицеров, такой представительный, в годах, видать, командир ихний, говорит на русском: «Не стреляйте, братья славяне, мы — друзья. Не хотим воевать за Гитлера, сдаёмся в плен!» Вот так дело! Без единого выстрела мы два взвода румынских вояк в плен взяли. Даже оружие не стали забирать у них, чтоб самим не тащить, только патроны изъяли. Хлопцы повели их в расположение нашего полка, а я в доме задержался малость. Решил кое-чего со стола собрать, чтобы подхарчиться с односумами домашними закусками. Девки сами в торбу пихают: «Возьмись, дядько!» Поблагодарил девчат, загрузился и потопал восвояси. Иду торопко, по сторонам оглядываюсь, чтобы случайно на неприятельский секрет не нарваться. А тут, как на грех, луна из-за туч выкатилась и всю округу высветила. Вижу — из немецких тылов несколько всадников за мной устремились, да не румыны, а фрицы. Ну, думаю: «Эти угостят меня досьята! Помоги, святой Николай-угодник, до своих добраться!» И ходу, что было мочи, к реке, разделявшей позиции. Наши дежурные пулемётчики заметили погоню за мной, огоньком подмогнули, отсекли тех кавалеристов. Да пуля-

то верней коня настигнет на открытой местности. Бегу, петляя зайцем влево, вправо, чтобы в прицелы не попасть. Время хоть и зимнее, но была оттепель. Лужи лёд запятнали. Не углядел среди тех пятен полынью, ухнул в неё со всего хода. Винтовкой токо зацепился, как слегой. Шумлю хлопцам: «Спасайте, сам не выберусь!» Держусь за винтовку и барахтаться боюсь, чтобы закраины ледяные не обломать. Тода всё... Браты кинули мне конский гуж, потрошки, по-трошки и вытянули на берег. Сидор тоже достали. Он слетел с меня при падении и чуть ли не до самого берега докатился. Внутри него, помимо сала, лука, хлеба, огурцов солёных, яиц сваренных, картошки в мундире, ещё и самогонка из буряка оказалась. Дюже пригодилась — меня ею растёрли хлопцы.

— И для согрева внутрь дали принять... — с улыбкой дополнил рассказ отца Валентин.

— Не, не пил даже на фронте. Я спирт и табак на хлеб менил. Иногда даже — на тушёнку. Но было это недолго, как и затишье на фронте. Как-нибудь расскажу, что дальше было. А зараз так думаю: то купание и сказывается нынче, не зря оно приснилось мне этой весной, после чего и начал хворать сильно.

— Яша, чего придумывать? — возразила Оксана Семёновна. — Вбил себе в голову.. Старость это. Вот и весь сказ.

— Ладно... тебя, мать, не переспоришь, — махнул рукой Яков Васильевич, — токо под старость прежние болячки завсегда наружу вылазят. И у каждого — свои. С этим ты согласна?

— Наверно, так...

— Ну, что, солдат, передохнул? — подошёл к отцу Валентин. — Пора нам возобновить наступление на твои болячки. Поднимайся в атаку.

— Загонишь ты батьку в гроб, Валёк, — попыталась завести свою прежнюю песню Оксана Семёновна.

Но сын поправил её:

— Не загоню, а наоборот — выгоню из гроба, это точно! Подымайся, батя, и моли своего ангела-хранителя, чтобы ноги не подводили. Вперёд, пехота!

Теперь они вдвоём, а не втроём, как первый раз, стали прохаживаться по комнате от комода до печки и обратно. После очередного разворота Валентин убрал свою руку из-под локтя отца и предложил:

— А теперь пробуй сам двигаться.

Старик на несколько мгновений остановился, будто убеждался в своей остойчивости без посторонней помощи. По-

том, слегка пошатываясь, сделал один шаг, второй, третий. Дошёл до зеркала. Придержавшись рукой за комод, развернулся и уже более уверенно пошёл назад.

Валентин стоял посередине комнаты, готовый в любой момент подхватить отца, и сопровождал взглядом каждое его движение.

— Лёд тронулся, Яков Васильевич! — с радостью резюмировал он.

— Кажись, пошло...

— Лиха беда начало. А часик изо дня в день походишь, и ни в чьей помощи не будешь нуждаться. Мышцы работать начнут. А так, на кровати лёжа, как барин, да с прислугой, только быстрее на тот свет отправишься.

— И впрямь сам ходит! — подивилась Оксана Семёновна. — Яша, ты как?

— Вишь, оказывается, ещё сам могу двигаться. Токо зябко почему-то...

— Счас полущалок накинута.

Семёновна достала из шкафа свой бежевый в розовых цветах большой платок и укутала плечи мужа.

— Так лучше?

— Получше, кажись. Покрасовался женихом, теперь Бабой Ягой побуду, — пошутил старик, глянув в зеркало. — В полущалке я впрямь, как энта старушенция.

— А Баба Яга на самом деле дед, — сказал Валентин. — На тюркском «бабай ага» — значит старый человек, дед.

— Ишь как! А наши сказочники зачем-то переиначили.

— Сынок, ты бы до друзей сходил, — предложила Оксана Семёновна. — Чего с нами день деньской хороводиться? Поднял отца на ноги, он теперича по-трошки будет сам управляться. А ты развейся. Повидай школьных товарищев. Они завсегда про тебя интересуются, особенно дружок твой — Саша Григорьев. Зараз под зиму работы в поле нет, все дома хозяйничают. Прогуляйся по станице, кого-нибудь и встренешь.

— Ты, как всегда, права. Да, надо повидаться с одноклассниками, но и отца оставлять одного пока рискованно, не кувыркнутлся бы.

— Да я дюже взбрыкивать не буду, — подал голос Яков Васильевич. — Байдик материн возьму для помощи. Похожу — отдохну, потом ещё трошки похожу. А ты сходи, проветришься.

Глава 5

В просторной и светлой горнице дома Григорьевых, которую украшали и делали уютной нарядные тюлевые узорча-

тые гардины на окнах, задорно звенела гитара. Разбитой гитарист, с негустым венчиком рыжеватых волос вокруг лысой головы, со слегка выпученными глазами и лихо закрученными «а-ля казак» усами, старательно озвучивал шлягеры Александра Розембаума. Это был один из пяти, оставшихся в станице после окончания школы одноклассников Валентина Середина — Владимир Ложкин, неунывающий разночинец и «великий комбинатор» местного масштаба.

Пока другие одноклассники, пришедшие вместе с ним к Григорьевым, вразнобой шумели вокруг Валентина, приветствуя столичного гостя, Владимир демонстрировал полное равнодушие к мирской суете и был всецело занят служением вечному — музыке. Чуть сипловатым голосом громко выводил:

*Из сосны, берёзы ли саван мой соструган.
Не к добру закатная эта тишина.
Только шашка казаку во степи подруга,
Только шашка казаку во степи жена.*

— Володя, саван — это одежда или покрывало на покойнике, а не гроб. Полотно состругать нельзя, — обронил реплику в адрес поющего Валентин. — Не по-русски сказано.

— А народ поёт, — не прерывая игры, отозвался гитарист. — Значится, понимает образный язык песни. Тебе ли, господин журналист, объяснять такие прописные истины?

Ложкин вновь вдохновенно запел:

*На Ивана холод ждём. В Святки лето снится.
В зной махнём, не глядя, мы на пургу-метель.
Только бурка казаку во степи станица,
Только бурка казаку во степи постель.*

— Слышь-ка, Валентин, а руцкисты и впрямь хотели новую большевицкую диктатуру установить? — тронул Середина за локоть худошавый, как донская чехонь, красноглазый и красноносый Виктор Воробьёв.

— Брехня! — живо откликнулся вместо Валентина Пётр Столяров — коренастый крепыш с коричневым заветренным лицом и такими же тёмными, в заскорюзлых мозолях руками. — Диктатуру как раз Ельцин учинил. Растоптал Конституцию и тех, кто пытался её защищать. Так, братуха?

— Так, — согласился Валентин. — Ельцинисты всему миру показали, что закон в России — ничто, а сила — всё. Как в зоне. Теперь будем жить по бандитским понятиям.

— А коммуняки лучше, что ли? — вмешался Ложкин, закончив петь. — Мало они лампасов и погон на казаках нарежали? Атаман Ратин нам рассказывал, кто там вокруг Руцкого и Хасбулатова ошивался. Одни краснопузые и чеченские бандиты. Давить их нужно было. Однозначно. Не то бы — они нас.

— Кто «они» и кого «нас»? — вступил в разговор, заинтересованно наблюдавший за приятелями Владимир Зимовой. Его небольшая голова, с непокорно торчащим на макушке пучком непричёсанных волос, живо поворачивалась из стороны в сторону, оглядывая присутствующих тёмными бусинами пытливых глаз, точно у настороженного чибиса. И произнесённая фраза была такой же короткой, разрубленной пополам, как окрик этой степной птицы: «чи вы».

— Хватит дурака валять! А то не знаешь? — пыхнул недовольством Ложкин. — Конечно, коммуняки... нас казаков...

— А Валентин кто, коммуняка или казак? — подначивал Зимовой.

Гитарист хитро скосил глаза на московского гостя:

— Пусть он сам и ответит, я в его мысли не залезал и не знаю, что он на сей счёт кумекает. Партбилет имел, это — факт.

— Да я, мои дорогие, на этот вопрос вроде как ответил в 1990 году созданием казачьей организации в Москве и в бывших казачьих регионах, в том числе на Дону и Кубани. Нужно ещё что-то добавлять?

— Под пролетарским знаменем и чутким руководством ЦК КПСС. Так, кажется, писалось в московской прессе? — не унимал критический запал Ложкин.

— Жёлтая пресса до сих пор так пишет для легковерных читателей, кто привык не сам анализировать информацию, а подставлять уши для развешивания лапши, — ответил Валентин несколько повышенным тоном. — Принцип «разделяй и властвуй» много веков действует на земле безотказно. А поучения Христа о том, что «дом, разделившийся сам в себе, стоять не сможет» помнят немногие...

— Што за шум, а драки нет? — прогудел иронично вошедший в комнату хозяин дома Александр Григорьев — широкоплечий здоровяк с явными восточными примесями в лице. Крепкой рукой кузнеца он, играючи, держал за горловину десятилитровый баллон с домашним вином собственного приготовления. — Никак наш артист москвича жизни учит? Давай, Вовка, крой гнилую столичную интеллигенцию на всю катушку! Наша, народная, правда всегда правее всех иных!

— Ну, ты даёшь, Санёк! — примирительно хихикнул гитарист.

— Даёшь по мозгам всегда ты, как главный теоретик народной жизни. Если все твои теории и прожекты собрать в книгу, у нас бы половина страны от смеха вымерла. А я в отличие от тебя бессловесный практик. Больше рукам доверяю, чем языку. Хотя под «григорьевку» могу и разбрехаться, как Бимка наш, но потом молча в земле копаюсь. Все мои прожекты — в ней родимой. Она и кормит, и поит. Вот зараз попробуем на вкус натуральный продукт. Без подмеса. Только виноград с моего подворья. Ну, за встречу! Маэстро, подвигайся ближе к народу, смыкай круг!

На столе в больших эмалированных мисках парили, разваренные в ухе, крупные — с мужской кулак — куски толстолобиков, на сковородке отливали золотистой корочкой поджаренные рыбки, на тарелках матово блестяли мочёные яблоки и ломтики сала, атели скибки солёных арбузов и помидорные шары.

— За встречу! — сдвинули стаканы бывшие одноклассники.

— Хороша бражка! — похвалил Воробьёв, промокая хлебом влажные губы.

— Это настоящее вино, а не бражка, — уточнил Григорьев, — я же сказал, что натуральный продукт, из чистого виноградного сока, без дрожжей, без сахара.

— А какая разница? — махнул рукой с надкушенным куском хлеба Виктор, — лишь бы в голову било и настроение поднимало.

— Может, тебе и всё равно, а мне нет. Вторак я только для выпивох делаю. И то — без куриного помёта, как некоторые, чтоб забористей было. Для себя и гостей изготавливаю только настоящее вино, литров четырёста за сезон. От него крылья растут, а не копыта, если только лошадиными дозами не глушить.

— А кто их знает, дозы свои? — поинтересовался Володька Зимовой.

— Кто под забором не валяется и с красным носом не ходит, тот, наверно, знает, — рассудил Пётр Столяров.

— Давайте стаканы. Будем дальше измерять свои дозы, — подцепил баллон за горло Григорьев. — Воробью больше трёх стаканов не налью.

— Это почему? — удивлённо вскинул кроличьи глаза Виктор. — Я слабже всех, што ли?

— Насчёт того, слабже или нет, не знаю. А вот нос красный, а это, как сигнальная лампочка, говорит, что ты финишировал уже на этом направлении.

— Во, бляха-муха, даёт! Нос мой ему не нравится. Это родителям моим выговаривать надо, что нос у меня такой, а не мне. Я-то здесь при чём?

— Ну да, ни при чём. Он у тебя с рождения покраснел, будущие выпивки почуяв.

— Вот язва! За это тебя и директор совхоза из своих извозчиков рассчитал.

— Напугал ёжика голым задом наш барин. Я што, хуже жить стал? Сам себе хозяин. Ни перед кем шапку не ломаю. Не так?

— Так! — стукнул доньшком гранёного стакана о стол Воробьёв. — Наливай, единоличник!

— Почему единоличник? — поинтересовался Валентин.

— А ты што, не знал? — повернулся к Середину Пётр Столяров. — Единоличник и есть. Когда совхоз стал, как это сказать...

— Акционироваться, — подсказал Ложкин.

— Вот-вот, акционироваться. А Саня не схотел идти под ярмо, семейные пай на землю, что поделили между станичниками, забрал. Сам теперь управляет. А мы в кабалу попали, по несколько месяцев зарплату ждём.

— Какую там зарплату? — хмыкнул Воробьёв. — Натурпродукт. Хорошо, если зерном дадут. Помолоть на муку можно. Скоту скормить, птице. А если — яблоками, чё с ними делать? Тока бражку. Ну, братцы, за здоровье!

— Воробей, не гони вороных! Успеем ещё набратся под завязку, — урезонил нетерпеливого товарища хозяин дома. — Мы всё-таки давно с Валентином не виделись. Не мешает поговорить по-трезвому. Нам есть что вспомнить. С малушка дружим, лет с двух или трёх. У меня в альбоме фотография есть, где мы с ним возле лисапеда стоим, ростом с колесо. Во как! А представляете, какие у меня были глаза, когда ко мне в часть, что за три тысячи вёрст от дома, в казахстанских песках, Валька в курсантской форме заявился. Я чуть с катушек не съехал, думал — глюки. Всё взаправду оказалось. Узнал Валька из писем родителей, что я попал в Капчагай служить, взял увольнительную и ко мне из Алма-Аты мотнул. Потом я к нему не раз в увольнения ездил, да и не только в увольнения, по правде сказать. Такое, маэстро Ложкин, не забывается. Так что ты зря нашего кореша на вшивость проверяешь.

— Я же не сам выдумал, в газетах писали...

— Мне на ту писанину — тьфу! Понял? Покупные писаки в любую сторону что хочешь накачают. А Валентин — человек! И никто меня не переубедит в обратном.

— Да никто и не собирается переубеждать. Давай лучше накатим за друга детства. Он нам тоже не чужой.

Разговоры смолкли. Звякнули стаканы. Причмокнул от удовольствия Виктор Воробьёв. Дружно застучали ложки, вычерпывая из мисок наваристую уху. На плите смачно шкварчала сковорода и по горнице растекались ароматы жареного мяса и чеснока. Жена Александра, Люба, готовила очередное угощение для компании.

— Котлеты? — чутко повёл носом в сторону хозяйки Ложкин.

— Да. Всё никак не успокоится моя квочка. Бойтся, чтобы вы голодными не ушли.

Ложкин благостно погладил рукой припухающий живот, с певучими нотками в голосе похвалил заботливую жену друга:

— Дай Бог здоровья Любаше, никто в станице вкуснее её не готовит!

— А ты уже во всех дворах успел постоловаться? — поинтересовался Столяров.

— Ну, может, не во всех, но во многих. У нас народ консервативный, любит живую музыку. Магнитофонов с музыкальными кассетами и дисками ему не хватает. Предпочитает песни под гармошку или гитару. Да и хором ещё поют. Правда, больше — старики. А молодым гитару подавай. Так что мы с моей шестиструнной подругой не скучаем.

— Потому и не женишься никак, всё молодух своими песнями охмуряешь, — хохотнул Зимовой.

— А я разок на молоке обжёгся, теперь дую водку, — смешком ответил Ложкин. — Какие наши годы?

— Я уже дед, — торжественно сообщил Столяров. — Гляди, Вовка, допоёлся, што некому будет стакан воды подать.

— Была бы шея, а хомут найдётся, — отшутился Володька и, взяв гитару, запел: «Каким ты был, таким остался, орёл степной, казак лихой...»

Под песню друзья продолжили трапезничать. Зимовой быстрыми движениями дохлёбывал уху. Столяров осторожно обирал губами рыбий скелет. Григорьев, наклонившись над опустевшей миской и зажмурив от удовольствия свои члупбеевские глаза, смаковал скибку солёного арбуза. Воробьёв тоскливо смотрел то на порожний стакан, то на поющего товарища.

Середин, оперев подбородок на сомкнутые кисти рук, с интересом наблюдал за своими, уже далеко немолодыми приятелями, воскрешая в памяти их детские образы. Из далёкого и безмятежного времени выплывали румяные и улыбчи-

вые мальчишеские лица, щупленькие фигуры, одетые в светлые сатиновые рубахи, хлопчатобумажные серые штаны, со многими следами штопок, а то и явными заплатками, в резиновые или кирзовые сапоги, пальтишки, перешитые из отцовских старых пиджаков. Вот они весёлой, гомонящей стайкой идут с самодельными удочками рыбачить на ближайшие к станице рукава Донца, называемые речками и ериками, — Плёску, Барсовку, Замануху, Лебяжий и Гусиный ерики.

Сколько им было в ту пору лет? Пять-семь, не больше. Но каждый был уже довольно значительным помощником в семье, имея свои определённые обязанности по хозяйству. Они ухаживали за домашними животными и птицей, встречали с выпаса коров, а нередко, помогали взрослым пасти стадо. Собирали упавшие на землю яблоки и груши на корм скоту и для приготовления сухофруктов на зиму, заготавливали траву для кроликов, пропалывали сорняки на огороде, собирали для топки печей, на которых круглогодично готовилась пища, подсохшие за день коровьи «лепёшки» на улице.

Но главным увлечением мальчишек была, конечно же, рыбалка. Простенькими удочками с пробковыми или перьевыми поплавками, на примитивных удилищах из молодой акации или карагача, эти шкеты умудрялись выуживать из речных омутов довольно приличных по размеру рыб — желтоглазую тарань, блинообразных чебаков, полосатых чекамасов, ярких краснопёрок и золотистых линей. Иногда улов, нанизанный на куканы из ивовых веток, был настолько велик, что оттягивал мальчишкам руки и рыбьими хвостами мёл пыль на дороге к дому.

На Дону и Северском Донце им на крючок попадались серебристые язи с тёмными и широкими спинами, зубастая сула, губастые сомики и налимы, плоская, похожая на нож мясника, чехонь. Последняя налетала на любую наживку, как голодная крыса. Но, несмотря на свою худобу, сочилась жиром, когда её после засолки вывешивали провяливаясь на жарком степном солнце.

Сколько воды утекло с тех пор? Где эти безмятежные, спокойные деньки размеренной станичной жизни? Где степенные старики и старухи, неспешно беседовавшие о жизни на лавочках возле своих свежевыкрашенных или побелённых куреней? Где строительство жилья для молодых или погорельцев «всем миром»? Где гуляния всей станицей на свадьбах и проводах в армию? Где весёлые ватаги ряженных на Масленицу и в ночь под Рождество?

Вроде те же речки и ерики, улицы и дома, то же небо над станицей, а жизнь совсем иная, замотная, унылая, без витаминна радости, без уверенности в завтрашнем дне.

Зато на телеэкранах — сытые и довольные физиономии Яковлева, Ельцина, Бурбулиса, Гайдара, Чубайса и иже с ними. И несть им числа! И нет окорота их бесстыдному шабашу после кровавой вакханалии на Краснопресненской набережной.

— О чём грусть-тоска, Валюха? — положил свою крепкую пятерню на плечо друга Александр Григорьев. — Скажи-ка нам, полковник, что-нибудь эдакое... душевное.

— Не знаю насчёт «эдакого», как получится, — поднялся со стула Середин. — Приятно и горько мне быть рядом с вами, дорогие мои одноклассники. Приятно, что могу вернуться мыслями в наше детство, увидеть себя и вас в другом обличье, в другой, более благоприятной среде. А горько потому, что вижу и сознаю, что от той полнокровной жизни, того артельного духа почти ничего не осталось сегодня. Чужие лица — на телеэкране и в Кремле, новые, непонятно, откуда взявшиеся хозяева народной собственности, новая мораль, новые, чуждые нашей культуре песни... Мы с вами вдруг оказались бедными родственниками на чужом празднике жизни. Предлагаю выпить за тех, кто до последней возможности сопротивлялся прихвизаторам нашей страны и погиб в Верховном Совете четвёртого октября. Стоя и не чокаясь.

Воробьёв живо вскочил со стула и шатнулся над столом, подняв стакан:

— Надо, надо за них. Ешкин кот, хреново вышло...

Григорьев, Столяров и Зимовой поднялись одновременно, как солдаты по команде старшего.

Ложкин неторопливо отставил гитару и последовал их примеру. Было видно, что в душе он не согласен с Валентином, что его подмывает желание сказать что-то наперекор. Но, видя единодушие одноклассников, Владимир всё же сдержался и молча поднял свой стакан.

Когда все сели и потянулись к закуске, он не особо запальчиво проронил:

— Не казачье всё-таки дело защищать власть Советов. Я в этом вопросе согласен с атаманом Ратиным.

— Конечно, защищать народовластие — не казачье дело, а прислуживать кагану — казачье, — с иронией отозвался Валентин. — Кстати, а ты знаешь о том, что Ратин привёз донцов первоначально к Верховному Совету и даже совместно с Московским землячеством казаков караулы выставил? Это потом ему либералы из иерусалимских мудрецов объяснили,

что почём, где выгоднее покрасоваться, и потащили на телевидение, делать нужное заявление. Ты знаешь такие детали из биографии своего кумира?

— Первый раз слышу.

— В том-то и дело, что большинство россиян видят только верхушку политического айсберга, а основная его часть спрятана под водой.

— По-твоему, только вы одни, москвичи, и видите... А все остальные в России — слепые котятка...

— И в Москве не всё и не всем видно и понятно. Но кто умеет думать, самостоятельно анализировать, а не доверять ручным комментаторам, тому скрытность властей не помеха, хоть в Москве, хоть на Дону.

— Что-то не знаю таких провидцев у нас.

— А ты к Тихону Иванычу сходи, — посоветовал Александр Григорьев, — он тебе быстро мозги прочистит.

— Это к нашему бывшему завучу?

— К нему, к нему. Ты когда-нибудь говорил с ним про политику?

— Встречаемся иногда мимоходом. Перекидываемся словечками...

— Ты про нынешнюю кремлёвскую семью поговори. Тогда поглядим, что запоёшь? Правду гутарю, браты?

— Точно прочистит, ёш твой клёш! — поддакнул Воробьёв.

Остальные согласно закивали головами.

— Саня, а что тебя заставило пойти в единоличники? — поинтересовался Валентин.

Григорьев вскинул удивлённые глаза, выразившие бессловесный ответ: «Чего же здесь непонятного?» Но всё же пояснил вслух:

— Круговое безделье после «катастрофки»...

— Это как?

— А так. Виноград в совхозе ещё Горбач с Лигачёвым извели. Винсовхозы, в том числе и наш, развалились. Местное начальство ждёт с моря погоды, чтобы кто-то приехал из Ростова или Москвы и за них проблемы устранил. Работы людям нет, денег нет, техника на ладан дышит, воровать нечего. Многие стали наниматься батраками к предприимчивым корейцам, что за взятки получили в аренду землю и выращивают на ней лук и арбузы на продажу местным аборигенам. Помогал и я какое-то время, кому делать нечего. Потом надоело обезьяну по кругу водить. Детей кормить надо, одевать, учить, а я, как безрукий, жду милостыни от властей, позволяю чужакам все соки из отчей земли высасывать. Ну и закусил удила — потребовал выделить наш семейный зе-

мельный пай в натуре. Из валявшегося вокруг механизаторских мастерских металлолома собрал гибридный трактор. Стал сам мороковать, как жить дальше.

— Получается?

— Вроде как грех жаловаться. Видишь сам. — Александр обвёл рукой стол и комнату. — Не жируем, но и не бедствуем.

— Да одна надежда в станице токо на Саньку, — заявил Воробьёв. — Не у кого больше ни в долг попросить, ни опохмелиться. Крепко на ноги встал. Петруху и Зиму колёса кормят. Ложкина — гитара. А я — и там, и сям, а толку никакого...

— А пиво — больше по усам! — вернул Григорьев. — А всё потому, что от материнской пенсии и от учительской зарплаты жены, как дитё от сиськи, не отлипнешь. Давно бы вкалывал на земле, а не мотал сопли на кулак.

— Да я же безлошадный в отличие от вас, куркулей, а то бы взялся...

— Знаю, как ты берёшься с атаманом станичным. Сетку наплавную кинете. Рыбу толкнёте на базаре. Несколько дней казакуете. Потом по новой.

— Ну, што ты, ёш твой клёш? В гости позвал, а не наливаешь, токо изгаляешься.

— Григорьевки мне не жалко. Пей, сколько влезет. Но разве я брешу?

— Не брешешь, но кусаешь. Обидно же.

— А мне не обидно? Оставил вам арбузы на своей бахче, чтобы от казачьего общества одиноким старикам развезли. Хоть бы какая-то польза была от лоботрясов в лампадах и крестах. А вы? Палец о палец не ударили. Ни себе, ни людям. Пока мой сын сам не загрузил тракторную телегу и не развёз по домам стариков. Валентин, скажи честно, в Москве такие же кадры в казачье возрождение играют?

— Разные есть. Казаки из конно-трюковой группы Евгения Белгородского, например, показывают чудеса джигитовки. Через барьеры, стоя на двух скакунах, прыгают. В сотнях фильмов снялись. Весь мир объехали с представлениями. Сергей Гаврилов, профессор живописи, пишет казачью историю на своих полотнах, бытовые и батальные сцены, галерею портретов атаманов и прославленных воинов. Кумылженец Владимир Куницын создал фольклорный ансамбль, ездит со своим коллективом по станицам и записывает старые песни, потом москвичам показывает настоящие казачьи распевы, а не два притопа, три прихлопа, как у большинства псевдоказачьих ансамблей. Журналист из ТАССа Алексей Жиганов собрал земляков по всей стране и направил их

усилия на нужды родной станицы. В Генеральном штабе вооружённых сил генералы и офицеры с казачьими корнями помогают создать первые экспериментальные полки, куда призывают казачью молодёжь из одних мест, как это традиционно было у нас. Неплохо показали себя добровольцы московского землячества во время военного конфликта в Приднестровье и в Югославии. Походный атаман Союза казаков полковник Умов с казаками Москвы и Приднестровья во время противостояния Верховного Совета и ельцинистов охранял Конституционный суд, чтобы судьи без опасения за свои жизни могли вынести справедливый приговор устроителям государственного переворота. Есть, конечно, и в московском землячестве пена в лампах. Если вся страна покрыта язвами, как этого избежать казачеству? Нужно причину болезни искать среди кормчих, а не со следствием бороться.

— Да, вожди наши один другого краше в последнее время, то — «меченый», то — «беспалый»! — констатировал Григорьев.

— Один, мля, — «фазан», другой — «медведь балаганный»! — припечатал Воробьёв.

— Вроде оба из народных низов вышли, а вытворяют всё против народа. Как такое возможно? — посетовал Пётр Столяров. — Вот ты, Валентин, образованный и видал эту публику не раз, объясни, почему это происходит?

— Короля играет свита. Так было во все времена. Кто окружает трон, тот и воздействует на политику правителя. Это подтверждается массой исторических примеров. Вспомните первого Рюриковича на киевском престоле — Игоря. Его окружала дружина наёмных воинов-варягов. Им нужно было постоянно платить за службу. Княжеский двор кормился данью со своих подданных и частью этого дохода рассчитывался с воинами. Естественно, наёмники смотрели на местное население как на дойную корову, которую пытались выдоить до последней капли. Они и подбили Игоря взять двойную дань с древлян. Чем это намерение закончилось, вы знаете. Древляне прозвали сына Рюрика «князем-волком» и во главе с удельным князем Малом выступили против ненасытного киевского властелина, загнали его в болото, схватили и казнили с помощью двух берёз, а алчных дружинников перебили. Не буду рассказывать сказки из «Повести временных лет» о том, как вдова Игоря княгиня Ольга якобы наказала восставших древлян. На самом деле она, чтобы сбереечь варяжскую династию на киевском престоле, поступила гораздо

мудрее — женила своего единственного сына Святослава на дочери древлянского правителя Малуше, а её брата Добрыню сделала воспитателем будущего великого князя — Владимира. Того самого, который, как повествуют былины, «Распас Землю Русскую» и был любовно поименован народом «Красным солнышком».

— Не тот ли это Добрыня, что на картине «Три богатыря» нарисован? — поинтересовался Пётр Столяров.

— Тот самый. — подтвердил Середин.

— Надо же! А я думал, это только сказочный персонаж, а он — дядька князя Владимира! — удивился Пётр.

Другие одноклассники тоже признались, что думали так же.

— Добрыня — не придумка Васнецова, а герой народного эпоса, былин, передававшихся из уст в уста. Это он стал проводником славянской политики при великокняжеском дворе и способствовал замене варяжской дружины на русскую.

— Не вяжется что-то в этой складной истории. — подал голос Ложкин. — Ты сказал, что отца Добрыни звали Мал. Почему же отчество сына Никитич, а не Малович?

— Этому есть объяснение. Древлянский князь Мал был из рода Нискиничей. После восстания он несколько лет находился под домашним арестом в загородной резиденции Ольги — Любиче. Былины называют его в тот период Малко-залешанин — затворник. Вспоминать принародно имя мятежного князя было запрещено, а православное отчество Никитич очень прозрачно намекало, чьим наследником является Добрыня. Это своего рода — народный пароль.

— Интересное, блин, кино! — восхитился Виктор Воробьёв. Он почесал затылок, будто доставал, неожиданно блеснувшую мысль. — Это што же, блин, получается? Выходит, Ельцин — тоже «волк», а вокруг него — новые варяги, которые теперь нас, как липку, обдирают?

— Молодец, Витюха, могёшь мозгой работать! — похвалил Григорьев. — Тихон Иванович точно поставил бы тебе пятёрку по обществоведению.

— Наливай по такому случаю.

— По какому? За Ельцина, што ли?

— За Ельцина!

Ложкин удивлённо уставился на Виктора, не понимая предложения товарища.

— Чтобы и для него в России крепкие берёзы отыскались! — закончил свой тост Воробьёв.

— За это — с удовольствием! — протянул к Виктору руку со стаканом Столяров.

— Быть тому! — утвердил Середин.

И стаканы дружно отозвались: «быть»... «быть»... «быть».

Глава 6

Старый глинобитный сарай с односкатной «кавказской» крышей и небольшим запылённым оконцем был доверху завален всякой всячиной, копившейся по хозяйской надобности годами и десятилетиями. Здесь рядом с исправным велосипедом, на котором Яков Васильевич до болезни гарцевал по станице и её окрестностям, соседствовал его послевоенный «дедушка», искалеченный вдрызг, облезлый и безногий, непонятно, для чего оставленный. Скорее всего, по извечной крестьянской думке: «Авось сгодится по какой-либо нужде?» Так же, как угольные и печные утюги; разохшаяся деревянная прялка с большим колесом, похожим на паровой штурвал; дюжина рубанков и фуганков, давно выслуживших все мыслимые сроки годности, растерявших свои вставные металлические зубы; безрукие лопаты; шербатые грабли; большие консервные банки изпод селёдки, набитые ржавыми гнутыми гвоздями; металлические обручи на кадки, давно ненужные, ибо и сами кадки нынче вышли из хозяйского употребления; остовы керосиновых ламп и керогазов; разохшиеся и колченогие венские стулья... Для музейщиков и заядлых собирателей предметов старины здесь наверняка нашлись бы интересные экспонаты конца девятнадцатого и первой половины двадцатого веков, периода до электрификации села. Но до этих экспонатов пришлось бы добираться через баррикады вишнёвых и яблоневых чурбаков, тяжёлых, крученых и сучковатых, а потому не порубленных в своё время на поленья, оставленных до подходящего момента, как и многое другое под этой крышей.

Подбирая более-менее пригодный для приспособления под «биотуалет» стул, Валентин решил в ближайшие день-два разобраться и с чурбачным навалом.

С первой задачей он справился достаточно успешно для начинающего конструктора — выдолбил стамеской посередине сиденья стула подходящее отверстие, зашкурил наждачкой, обклеил картоном. Укрепил ножки саморезами. Снизу соорудил полку для отхожего ведра. Вот и вся нехитрая конструкция. Зато ослабевшему за время болезни отцу возможно самому, без посторонней помощи нужду справиться.

— Царствуй, батя, с комфортом! — провозгласил сын, ставя своё сооружение неподалёку от кровати Якова Васильевича. — Только крышку с ведра не забывай снимать.

— Постараюсь, — с нотками сомнения в голосе ответил старик, пошатав стул рукой, проверяя на остойчивость. — Вроде не хилиется?

— Фирма гарантирует. Будь спокоен. Выдержит любые нагрузки. Под сиденьем — дополнительная опора из металлического обруча поставлена. Всё — на саморезах скручено. Надёжный трон.

— Бог даст, не осрамлюсь впредь? — виновато улыбнулся Яков Васильевич. — Спасибо, сынок, за хлопоты! И смех, и слёзы с нами, стариками...

— Не за что. Глядишь, и мне в старости зачтётся?

— В городе с этим проще.

— С туалетом — да, а немощь старческая везде одинакова. Не зря «непостыдной кончины» у Господа просим.

— Это так. А я вот молитв почти никаких не помню. Учил в детстве. Только потом не до них стало. Отвернуло правительство наш народ от церкви. Религию обозвали опиумом для народа, пережитком тёмного прошлого, мракобесием. Многие у нас и до революции не дюже религиозными были. В церкву, конечно, ходили по выходным все, чтоб от других не отделяться. В церковно-приходской школе обучались. Иконы в каждом доме висели. Перед едой крестились. Но истовых христиан, таких, чтоб всё разумели и соблюдали, было меньше, чем оглашенных.

— Каких, каких?

— Оглашенных. Ну, этих, которых покрестили, назвали православными. А потом они про Христа особо и не думали, только кресты носили. А при Советах и те сняли.

— Хорошее слово, но забытое.

— За ненадобностью и не пользовали. Нет верующих, нет и оглашенных. А в начале века это слово на слуху было, как нынешнее «формализм». Начальство любит этим словом козырнуть. Стало быть, без содержания, пустой. Вот и у нас таких «пустых» немало среди местных жителей нашлось. Иначе откуда взяться погромщикам церквей, сжигателям икон и святых писаний, утеснителям батюшек и верующих? Не с городу же всех понавезли? Наши, тутошние. Из города только лектор приезжал. Продолдонил своё про «опиум для народа», раздал книжицы Емельяна Ярославского активистам и уехал. А местные долдоны и рады покуролесить. Попов хаяли. Измывались над прихожанами. На иконы плевали да в костёр их кидали. Кресты рушили. Только самые истовые

христиане их и пытались усовестить, больше старухи да старики. А обчество стерпело, смолчало. Вместо икон плакаты по красным углам развесили — Марса, Ленина, Троцкого. В тридцатые годы Троцкого на Сталина поменяли.

— Ты Карла Маркса имел в виду?

— Кого же ещё? Его так, то ли в шутку, то ли всерьёз старичники называли. Нам всё одно, што до Бога, што до Марса, одинаково далеко было. До войны.

— А в войну, что же, опять оглашенными стали?

— Нет, не оглашенными. Скорее не внешняя сторона веры обозначилась, а внутренняя. Иконки с собой не брали, как в Первую мировую. Многие и крестиков не имели. Но душой к Богу потянулись за надеждой на спасение. Поначалу стеснялись перекреститься перед боем. Всё больше про себя молитвы шептали. Кто-то знал молитвы, кто-то отсебятину лепил. Я когда «Отче наш» успевал прочесть, а когда и просто: «Боже, спаси и помилуй!» А потом и командиры наши про Господа вспомнили. Тоже крестным знамением осенялись и нас поднимали в атаку под огнём врага часто не уставными командами, а христианским кличем: «С Богом, братья, вперёд!»

— А как же «За Родину, за Сталина!», что в кино показывают?

— Ну, кино — это кино! Нам в сорок первом и сорок втором годах не до форса было. Позже, должно быть, когда вспять поворотили и на Запад пошли, кто-то из политруков и смикитил, как можно отличиться перед высшим командованием, кинул клич. А фронтовая ветрянка разнесла скрозь. В нашем полку не кричали такое. Да и не до крику стало, когда наступление под Харьковом выдохлось, а немцы завязали нас в мешке и пошли дубасить почём зря! Кто ноги унёс, потом до Волги пятился. Нашей части не повезло — обложили нас со всех сторон, как медведя в берлоге. Туда-сюда поддёргались, да всё напрасно. С винтовками против пулемётов и артиллерии да танков не попрёшь. Патроны тоже на исходе. Тогда Руев и приказал мне: «Жги, Яков, штабные документы. Всем полком нам из окружения не выйти. Зря людей погубим. Будем просачиваться мелкими группами». Просочились! Не успел я и половины бумаг секретных спалить, как в землянку гитлеровцы ворвались. Я перед «буржуйкой» на корточках сидел. Только к винтовке дёрнулся, мне — хлопбысь сапогом под рёбра... Свет в глазах и потух. Прочухался, когда из землянки на грязь кинули. Вижу, со всех сторон нашего брата в кучу сгоняют. Знакомые младшие командиры Иван Черноус и Данила Горбачёв помогли подняться. Говорят: «Держись, земляк, на ногах, иначе застрелят, как зананную лошадь. А так хоть какие-то шансы остаются». При-

гнали нас на школьный двор в шахтёрском посёлке. Сутки держали без еды под проливным дождём. Не позволяли никому и нескольких шагов в сторону сделать, даже по нужде. Стреляли без предупреждения. Не давали ни раненым помочь, ни убитых убрать. Вот тогда я впервые на собственной шкуре испытал, что такое фашизм. — Яков Васильевич на какое-то время смолк, заново переживая трагедию пленения.

Валентин, понимая волнение отца, не торопил своими расспросами, ждал, пока он сам найдёт нужные слова. Фронтальные воспоминания Якова Васильевича волновали сына, но ещё больше они бередили душу самого рассказчика, пробуждая в памяти страшные картины пережитого. Отец в момент своих воспоминаний не выглядел тем безнадежно угаснувшим стариком, которого сын увидел в день приезда. В нём вместе с воспоминаниями вспыхнули и не перегоревшие до конца угольки жизни. Значит, есть ещё какие-то запасы жизненной энергии, есть надежда, что не последние деньки смотрит он на этот свет в окошке.

Найдя нужное определение понятию «фашизм», Яков Васильевич заговорил снова:

— Фашизм, сынок, это когда человека ставят в положение хуже скотины, не оставляя никаких прав, никакого выбора, кроме предательства или смерти. Не знаю, поймёшь ли ты меня.

Валентин взял отцовскую руку в свою ладонь и накрыл второй ладонью в знак солидарности. Сказал при этом:

— Я тебя очень хорошо понимаю, отец! Сам недавно пережил в Верховном Совете кровавую акцию новоявленных фашистов.

— Да, да. Я совсем выбился из потока событий. Ты здесь, и Москва с её кровавыми делами как-то померкла для меня.

Они снова замолчали. Валентину хотелось рассказать отцу, что он столкнулся с такой же бесчеловечной силой в наше время. Но когда отца топтали и унижали гитлеровцы, он сознавал, что они — враги, заклятые, непримиримые, из другого мира. А кто уничтожал русских людей в центре Москвы так же безжалостно, как фашисты, но ещё изощрённей, циничней, сладострастней? Кто без всяких ультиматумов и объявлений методично и хладнокровно, укрывшись за бронёй танков и бронетранспортёров, расстреливал безоружных стариков, всей своей жизнью обеспечивавших создание этой надёжной брони на колёсах? Кто не щадил матерей, юношей и девушек, пришедших на баррикады и безоглядно веривших в свою армию и милицию и в то, что они никогда не станут воевать с народом? Кто огненными трассирующими чертами перечеркнул наивные надежды молодёжи на пере-

строечную оттепель? У кого из наследников тысячелетней христианской России могла подняться рука на православного священника — отца Виктора, вставшего с крестом в руке на пути штурмовиков? Тем самым давая понять всем гражданам страны, какое право отныне утверждается демократическими оборотнями...

Чувства и мысли Валентина были сродни отцовским. Но он отдавал себе отчёт, что не может изливать их на больного человека, умножая и усиливая его страдания.

Яков Васильевич почувствовал волнение сына и принял его за сопереживание своему рассказу. Он благодарно откликнулся на жест Валентина, ответным усилием пожав его руку, и продолжил воспоминания:

— Ночью дождь стал ещё сильнее. Охранники попрятались в укрытия. Мне удалось найти лазейку в школьном заборе. В том месте штaketник держался только на верхних гвоздях. Наверно, местные недоросли шныряли через этот лаз на перекур во время перемен? Толкнул я Ивана с Данилой и полез в заборную щель. Они — за мной. Метров двести-триста ползли на брюхе по уличной грязюке. Потом перебежать стали друг за другом, чтобы не потеряться из виду. Добежали до какой-то заброшенной шахты. Нашли сухой угол в подсобке. Притулились, передыхая и думая, куда дальше идти. Данила Горбачёв предложил пробираться на северо-восток, к Воронежу. Он слышал от других пленных, што там фронт ещё держится, а немцы рвутся на Кавказ и к Сталинграду. С рассветом огляделись вокруг. Выбрали направление движения. Но днём идти опасно. Решили продвигаться только ночью. Порыскали трошки в окрестностях шахты. Нашли какие-то ветхие спецовки. Кой-чего из съестного на огородах собрали. Погрызли. Покемарили в своем закутке. А ночью отправились в путь. Вёрст тридцать отмахали. В сырой обувке ноги до крови растёрли. Одежда вся в грязи перемазанная, разорванная. Сами на чертей похожи. А душа не унывает, толкает нас всё дальше и дальше к желанной свободе. Днёвку устроили в соломенном скирду. Колоски полушили. Зёрна пожевали. Подремали и дальше двинулись. Так девять ночей пробирались к своим. Питались чем Бог пошлёт — сырыми овощами, зелёными фруктами, ягодами, зернами пшеницы и ячменя из найденных колосков. Пили из речек и ручьёв, попадававшихся на пути. А когда их не было, пили застойную воду из луж и кюветов. Знали, что этого делать нельзя. Но стерпеть жажду превыше сил человеческих. Опускали пилотки в воду и пили через материю — хоть какой-то фильтр получался. На десятые сутки Данила подцепил из лужи кишечную инфекцию, понесло его

с кровью... Стал он то и дело спускаться под скирд, где мы дневали. Неподалёку мужик местный на поле копошился. Подошёл к Даниле. Посочувствовал его беде. Обещал марганцовки принести для лечения, хлеба и воды. Но выдал, падлюка. Вскоре затарахтели вокруг скирда немецкие мотоциклетки и голосистый немчур залаял на ломанном русском: «Русише зольдат, сдавайс. Будешь живым». Что тут подделаешь? Видел предатель Данилу, ему и спускаться к немцам. А нам, может, повезёт отсидеться? Спрыгнул Горбачёв на землю.

— Кто ест здес ещё? — спрашивают его.

— Никого нет. — отвечает сержант.

— Тогда поджигай солёма. Вот зажигалка.

Пошёл Данила к дальнему концу скирда, надеясь, что не станут немцы ждать, пока весь скирд огнём займётся. Да солома — есть солома, хоть и подмочили её дожди, жарким костром взметнулась.

Мотоциклисты хохочут:

— Гут, русише зольдат. Кароший печка. Грейся.

Тянет на нас Иваном едким дымом и огнём. Полевые мыши с писком прыскают во все стороны. И не хочется уподобляться им. Я уже и решение принял — лучше сгореть, чем быть расстрелянным или забитым прикладами. А Иван Черноус шепчет: «Яша, можа, ещё сбечь смогём? Жизни не жалко. Детей жалко сиротить. Трое их у меня. Мал мала меньше...» Тут и я своих пятерых представил... Согласился с товарищем: «Была — не была!» Выскочили, как угли из костра. Лица красные. От рваного обмундирования пар идёт. Унтер-офицер немецкий и его команда за животы схватились от смеха.

— Печёний русише картёшка... шарений швайн... Ивантурак... Кохо хотель опманувать, рап? — рыготал до упаду белобрысый унтер, круглолицый и конопатый, как петрушка из наших сказочных героев.

Связали нам руки. Привязали общей верёвкой к мотоциклетной коляске и потащили цугом в ближнее село. Там сотни три пленных стояли шеренгой вдоль дороги. Унтер затормозил перед серединой строя. Слез с мотоцикла и указал на нас штык-ножом:

— Это есть бегальшики от германский командований. Они будут наказан за это. Все должьен знат, кто сотрудничает с германский командований, тот будъет жит карашо. Кто бегает, будъет наказан. Ошьень сильно наказан...

Он разрезал верёвки на наших руках и потребовал снять обувь.

Я догадался, что собираются делать. Довелось от кого-то слышать, что беглецам из плена фашисты перебивают ноги

или натравливают собак. Пока разувались, сказал об этом Ивану и Даниле. Посоветовал в носки и в портянки травы напихать. Они только головами покачали, да обречённо прошептали: «Хана нам, Яша. Напрасно всё...»

Тут унтера кто-то из своих позвал, и он ушёл в хату к начальству. Пока он отсутствовал, я успел в носки и портянки травы напихать.

Стоим, ждём расправы. Строй военнопленных оглядываем, может, кто из земляков сыщется? Расскажет потом родным, как загнули три донца — Яков, Иван и Данила... Только никого из знакомых не увидели. Но чувствуем, что соперживает нам братва, многие головы опускают, чтобы не смотреть, как будут издеваться над нами.

Вышел унтер. С довольной ухмылкой к нам направился. Видно похвалили его за поимку беглецов? Данилу в этот момент очередной приступ расстройства желудка скрутил. Нет мочи стоять неподвижно.

— Разрешите, — говорит, — в сортир по нужде пойти. Дизентерия у меня...

— Хочешь опять бегать, русише швайн?! — взвился унтер.

— По нужде мне... хоть под плетень разрешите отойти, — взмолился Данила.

Только он попытался сделать движение в сторону забора, как хряснет ему унтер каблуком с металлической пластиной по пальцам ноги. Сержант свечкой взвился от нестерпимой боли в сломанных пальцах и прынул на унтера, хватая его за горло. Но не успел пальцев сомкнуть, как пырнули его тесаком под лопатку. Захаркал земляк кровавой пеной и повалился в грязь.

И началось!.. Пинали, гады, по нашим ногам, как вздумается, и с разных сторон. Хрустнула под коленкой кость у Ивана. Покачнулся он на сломанной ноге и рухнул возле Данилы. Следом и я упал.

Боль адская. На носках и нижней части галифе кровавые пятна проступили. Стон и хрип из горла вырываются. Но чувствую, что кости целы.

Унтер орёт:

— Ауф штейн!

Черноус опёрся на руки, кое-как встал на здоровой ноге. Ему и её сломали. Покатился с воем по земле, пока не пристрелили.

— Ауф штейн! — визжит надо мной взбесившийся от крови и всевластия унтер.

Ползаю на карачках, не могу встать на ноги.

— Вставай, браток! — кричат из строя. — Не то пристрелят.

Пытаюсь подняться, но унтер тут же валит меня очередным ударом. И оттого, что он не даёт мне до конца подняться, удары приходится не по ногам, а по туловищу, более тупые и погашенные. Наконец фашист выплеснул весь запал злобы, и выходя. Отступил на несколько шагов. Шатаюсь и размазывая по лицу кровь рукавом гимнастёрки, я поднялся на ноги.

— Это есть живучий скотина. Он будет корошо работат на великий рейх! — засмеялся унтер.

Так закончился для меня фронтовой период жизни и начался ещё более адский — лагерный.

— Да, отец, нахлебался ты страданий. На десять жизней хватит. — вздохнул Валентин.

— Мужчины, завтрак готов. — раздался напевный голос Оксаны Семёновны. — Яша, тебе принести или ты с нами сядешь?

— Давай попробую с вами. — не сразу отозвался Яков Васильевич. — Токо оденусь и лицо сполосну. Подсоби, сынок.

Глава 7

На большую, иссечённую сверху топорными зарубками, и «бородатую» остатками корней яблоневою плаху Валентин поставил первый чурбак. Выбрал самый большой топор и, мысленно испросив Божьего благословения, с потягом рубанул в середину кручёного вишнёвого чурбака. Блестящее рубило на треть вошло в деревянную плоть, но не раскололо её. Валентин вновь взметнул топор вместе с чурбаком и, перевернув его, с силой ударил обухом о колоду. Чурбак покосился на лезвии топора, но не раскололся. После второго удара он и вовсе слетел с топора. Валентин повертел его в руках, рассматривая текстуру древесины и выбирая место нового раскола. Снова рубанул во всю мощь своих сил. Результат был не намного успешнее первой попытки.

— Ну, погоди, вражина! — вслух пригрозил он и стал неистово кромсать ожелезившийся чурбак со всех сторон.

Мало-помалу от неподатливого и кручёного обрубка старой вишни осталось несколько корявых и суковатых поленьев.

Давно отлучённый от крестьянских забот, но выросший в станице и привычный к физическому труду, Валентин нередко скучал по деревенской работе. Порой нестерпимо хотелось поворочать лопатой пласты земли на огороде, до усталости и дрожи в руках помахать топором, покосить летом буйные травы до десяти потов. Чтобы потом с наслаждением омывать разгорячённое тело колодезной водой, черпая её эма-

лированным ковшом из деревянной кадки и плеская на шею и спину, ухая и фыркая от удовольствия. Но военная служба не дала ему такой возможности. Периодические переезды из гарнизона в гарнизон к месту нового назначения не располагали к оседлости. Дачей или садовым участком он так и не смог обзавестись и вспоминал деревенские навыки только в родительском доме или на дачных участках друзей в Сибири и Подмоскowie.

Однако рубка берёзовых дров в лесной местности России не идёт ни в какое сравнение с подобным занятием в степном краю. Если в первом случае это — молодецкая забава, удовольствие для мужчины, то во втором — тяжёлая сеча, испытание характера и воли. Ибо чурбаки из тополя, ивы и карагача — деревьев южной полосы — намного норовистее берёзовых и еловых. А дубовые, яблоневые, вишнёвые, сливовые и абрикосовые — вообще с трудом поддаются рубке, особенно сучковатые и идущие от корней. Именно такие и копились годами в сарае стариков Серединых.

Валентин промокнул пот на лбу и щеках матерчатой перчаткой, расстегнул старенький ватник. Узловатый чурбак отнял у него немало сил. Если и дальше работать с такой затратой энергии, то надеяться на продуктивный результат не придётся. Нужно менять тактику.

Порывшись в отцовском инструментальном ящике, Валентин извлёк оттуда несколько зубил и кувалду. От решительного крушения чурбаков он перешёл к неторопливому их расклиниванию. Вставлял в топорную рассечку зубило, а то и два, и методично загонял их внутрь ударами кувалды. Древесина скрипела, кочевряжилась, трещала по расколам и постепенно расплзлась в стороны, образуя вокруг колоды разрастающийся курган поленьев.

— Сим победиши сучью породу! — приговаривал Валентин, ударяя кувалдой в расплющенную шляпку зубила.

— Валик, ты што-то сказал? — подошла к сыну Оксана Семёновна.

— Да это я сам с собой разговариваю, подзадориваю себя, — рассмеялся Валентин. — Норовистые чурбаны попались — сплошные сучья да корневища. С наскока не одолеешь.

— Бросил бы уже возиться с ними. Вон скоко накурочил! Передохни, охолонь, с отцом погутарь. Оживел он с тобой. Навспоминал прорву. Я за всю жизнь от него такого не слышала... Хватит воевать с чурбаками.

— Не, ма, ещё трошки поработаю. Только плечо разуделось. Я на них найду управу. И... эх!

— Гляди, не надсадись!

— Не бойся, одолеем супостата, каким бы кручёным и верчёмым он ни был! И... эх!

«Норовистый, как батя! — отметила про себя Оксана Семёновна, с тихой радостью наблюдая, как сын умело расщепляет очередной неподатливый чурбак. — Ни за что от своего не отступится, покуда верх не одержит!»

Она ещё несколько раз подходила к Валентину, закликая его в дом. Но слышала одно и то же: «Погоди трошки, скоро управлюсь».

Когда вышла звать сына на обед, то увидела, что Валентин лежит, разметав руки и ноги, на дровяном кургане и блаженно улыбается.

— Говорила же, что ухандокаешься с непривычки! — запричитала мать. — Надо же такую махину дров переколол! Теперь ни рукой, ни ногой не пошевелишь, поди? Ну, зачем так-то загонять себя? Пойдём в хату, я тебе спину нашатырём разотру. Времени уж сколь! Вареники стынут. И отец волнуется, говорит: «Запалится Валентин. Пушай бросает дровяную канитель».

— Всё, теперь иду. Appetit нагулял волчий. Только бы вилку удержать... Трясутся руки с устатка, как у алкоголика.

— Трудоголики, что алкаши, каждый до своего охоч! Вы с батей привыкли работать, покуда не упадёте.

— Так лучше от работы упасть, чем от водки.

— Лучше-то лучше, но про здоровье тоже надо думать.

— Как будто ты у нас всю жизнь отдыхаешь? С утра до вечера по хозяйству хлопочешь, а нас — мужиков — жалеешь.

— Так бабьи заботы — ходить по кругу: топка печи — стряпня — накрыть на стол — помыть посуду — уборка — постирушки — штопка... А мужикам силу прикладывать надо, горы воротить. Так и пуп надорвать недолго. Вот отец грыжу заработал. И ты хочешь?

— Ладно, мамуль. Больше своих возможностей не наворочаем. А надорваться и за столом можно. Сколько таких случаев? Вон баснописец Крылов блинов объелся и умер. Так что не за корми до смерти.

— Неужто от блинов? — удивилась Оксана Семёновна, подавая Валентину суповую тарелку. А на столе горкой лежали вареники с картофельной начинкой, политые сверху луковой зажаркой.

— Много теста вредно для организма. Тяжело переваривает. В сон сразу клонит.

— Ну да? То-то отца сразу сморило. Поел в охотку вареников и заснул. А меня што-то не берёт сон.

— А ты обедала?

— Так, пока готовила, похватила трошки. Надо ж было попробовать, прежде чем вас потчевать.

— Садись со мной, нормально поешь. Мне одному не одолеть такую гору. Не то напихаюсь твоей вкуснятиной и помру, как Крылов.

— Типун тебе на язык! Чем тут объедаться? Покушаешь досыта, да всё.

Валентин, утомлённый работой, неспешно ел запашистые вареники, подшучивая над матерью и жмурясь от удовольствия.

— Ну, кто ещё так вкусно накормит, как родная матушка? Нет другой такой умелицы на свете.

— Будет тебе придумывать. Таля твоя рукастая и старательная, несмотря что городская. И борщ у неё получается отменный, а плов, так лучше моево.

— Я же — не про плов, а — про вареники. Не московская это еда. Наша казачья. Потому не в чести у московских хозяек. Моя — не исключение.

— Не хули её за такие мелочи. Без вареников проживёшь. А вот без её жали и заботы — не жизнь, а маета. Талюшку тебе Бог послал. Уж такая болезная, такая разумная. Каждое слово ловит, а то и сказать не успеешь, а она уже делает, будто мысли читает. Скрозь успеваает, обо всех родных думает. Славная женщина. Таких стало немного ноне. Береги своё счастье, не зарься на чужое.

— Хорошая — это точно. Так я же под тебя искал. Чтoб похожа была.

— Не конфузь ты меня. Нашёл цацу! Всю жизнь в земле да в навозе копаюсь. Безграмотная. Лица сроду не малевала.

— Я правду говорю. Каждый ребёнок, если рос в благополучной семье, при нормальных родителях, всех остальных людей по ним мерит. Мне с меркой повезло. Родители и совестливые, и радушные, и с чувством юмора. Да и статью Бог не обидел. У тебя вон коса до сих пор пышная, как в молодости. Да и глаза не выцвели. Зачем их подмалёвывать? Так что под твою мерку не все подходят. Но уж если кто подошёл, то человек что надо!

— Ну и дай Бог, коли так!

— Так, так, мать, Валентин правду гутарит. — раздался довольно бодрый голос Якова Васильевича. Видимо, он давно уже проснулся и слышал застольный разговор сына с матерью. — По своему опыту скажу, што всё верно сказано. Родительская мерка для большинства детей — заглавная. Спасибо, сынок, уважил нас своим отношением.

— Это вам спасибо за то, что мне есть с кого пример брать, по кому порядочных людей от проходимцев отличать. Хочется, чтобы и мои дети так же думали, не стыдились за родителей, а гордились нами.

— Тут мера обоюдная, — откликнулся после некоторого раздумья Яков Васильевич, скрипя панцирной сеткой и садясь на постели. — Смысл родительской жизни в том и заключается, чтобы вырастить достойных чад и не стыдиться за них перед обществом и совестью и чтобы дети за родителей не конфузились.

— Пап, тебе помочь?

— Сиди, вечеряй. Целый день провозился с корчашками. На кой они тебе сдались? Я уже помалу сам управляюсь. Зараз вельветки надену и пришкандыбаю к вам.

Через несколько минут старик, шаркая валенками, вышел из-за занавески. Присел на лавку у края стола.

— Яша, может, перекусишь трошечки? — спросила жена.

— Сыт пока. Узвару полстакана влей. Вроде как полегшало мне. Голова посветлела. Руки, ноги слушаца стали.

— Это сынок тебя растормошил разговорами да проходками. Стал шевелиться, и кровь потекла по жилам, а то лежал увалом, как же ей течь?

— Оно, конечно, так. — Яков Васильевич погладил плечо сына своей высохшей пергаментной рукой. — Валёк трошки вдохнул жизни в меня. Покойники перестали звать во сне. Память вертается. Вовремя навестил, сынок. Ещё бы неделю-другую задержался и мог бы не застать в живых...

— Ой вовремя! — подхватила Оксана Семёновна. — Будто Господь надоумил.

Радость и умиление светились в радужных морщинках вокруг её карих глаз. И было от чего просиять исстрадавшейся душе — сын из ельцинского ада вышел невредимым да ещё хворого отца на ноги поднял. Это ли не радость?!

— Гляжу на тебя, Валёчек, и всех-то деток своих вижу. Не такими, как вы нынче стали, а ещё теми варнаками, что зарубки на памяти оставили. Отец-то не всё видел, а мне пришлось хлебнуть с вами лиха. Часто ваши проказы вертаются вспять, будто вчера было.

Юрик смиренным рос, а всё-таки умудрился в два года в чужой двор зайти да напрямик — к собаке. Она лаем заходится. А он, дурачок, «Орла, Орла» кличет, как нашу. Хорошо — хозяйка дома была, выбегла из хаты ихватила Юрку из-под самой собачей морды. Не ровен час, закусала бы нашего первенца.

— Да, учудил, герой! Но я этого действительно не видел, токо от матери слышал, — произнёс Яков Васильевич. — Зато

Никита дюже запомнился своими проказами. Вот уж оторва был, каких мало!

— Беда как шкодил, — согласилась Семёновна. — Люду чуть было до смерти не зашиб. Сообразил, в два-то годика, што ему после рождения младшей сестрёнки меньше конфет доставаться будет. И столкнул с печки на её кроватку горшок с фасолью. Дитя черепками и фасолью засыпало. Ух, я и задала ему трёпки...

— А как ему руки чуть не оторвало? — напомнил отец.

— Жуть крошечная — эти самопалы! И вспоминать страшно.

— Я этим гремучим поветрием всех пацанов тоже увлекался, — признался Валентин. — На машинном дворе из негодней техники вытаскивали медные трубки и мастерили из них пистолеты. Вместо пороха крошили в стволы серу со спичек и поджигали через боковое отверстие. Бабахало громко. Был грех и у меня, не только у Никиты.

— Ты без приключений эту ветрянку пережил, — продолжила вспоминать Оксана Семёновна, — А Никита глаз мог лишиться, когда энтог пугач у него в руке разорвало, пальцы и лицо в кровь посекло, брови опалило, волосы... Как глаза не выбило? Кричал дюже с перепугу. Мы с отцом не меньше ево испужались, когда весь в кровищи домой прибежал. Слава Богу, обошлось без больших ранений.

А Славик уже в войну поранился и без пугача. Голодно было всем, а ребятёнкам малым особенно. Повадился Славка по деревьям лазить за птичьими яйцами, да и сорвался однажды. Копчик повредил. Ходить не мог, так болело. Фельдшерица пыталась мазями разными обезболить. Всё как мёртвому припарка. Люди знающие подсказали, что в Старом хуторе есть знахарка Федосьевна, грыжу заговаривает, зубную боль, позвонки вправляет. Выпросила я лошадь с подвой в колхозе и свезла Славика к знахарке.

Федосьевна попарила ево травяным настоем, заговоры почитала, дала попить чего-то. И полегшало малому, оклемался, опять с дружками своими Витей и Колей промышлять по гнёздам продолжил. Голод заставил.

— Да, натерпелись в войну и взрослые, и дети, — вздохнул Яков Васильевич.

— Из нашей семьи больше всего тебе и Нюре досталось, — уточнила Семёновна. — Я в колхозе пласталась за палочки трудодней и болела часто, а Нюра за хозяйку была. Ходила к дедушке на Маныч за продуктами, за десятки километров, пешком, по снегу, по воде. Блудила, околевала... Чево токо с ней ни приключалось! А не дал Господь загинуть кормилице нашей, всех в семье сберёт.

— Когда через такие испытания живым выйдешь, невольно Бога помянешь с благодарностью, — поддержал супругу Яков Васильевич. — Жуткое время было. А память о нём не выветривается. Странно она устроена — многое из того, что казалось важным и даже главным в жизни, размывается в бледное пятно, а какие-то случайные мелочи помнятся неизбывно.

Вот я про Ивана Черноуса и Данилу Горбачёва рассказывал. А кто они для меня? По сути — ни родичи, ни друзья. До войны знал их шапошно. «Здорово дневали» да «здорово ночевали»... Вот и весь гудор. А поди ж ты, чаще всего вспоминается не кто-то другой из более близких сродников и товарищей, а именно они и ещё несколько человек, с кем вместе бедовал в лагере.

Иных имён и фамилий не помню, а, может, и не знал никогда. В лагере всё больше по номерам или кличкам называли. Но лица вижу, как наяву. И голоса слышу.. Особенно паренька одного лет восемнадцати. Увидел я его в бараке на нарах с потрёпанным учебником бухгалтерского учёта в руках. Шум вокруг, как в пчелином улье. Кто-то разговаривает друг с другом. Кто-то стонет после побоев охранников. Кто-то вшей трясёт из одежды и ругается в сердцах. А он читает «Бухгалтерский учёт», да с таким вниманием, будто «Тихий Дон» Шолохова.

Лицо бледное. Скулы острые от худобы. Глаза запавшие, с тёмными кругами вокруг них. По всему видно, тяжко ему.

Подсел к нему на нары.

— Чем это ты, земляк, так увлечён? — спрашиваю.

Он вздрогнул испуганно, книжку за спину спрятал, смотрит настороженно, будто подвоха ждёт.

— Не бойся, — говорю, — я бухгалтером до войны работал. Вот книжку знакомую увидел и подошёл. Что, не пришлось доучиться?

— Не пришлось.

— А родом из каких мест?

— Из Ставрополя.

— Соседи. Я — с Дона. Почти земляки.

Так, слово за слово, разговорил его. Узнал судьбу паренька, перестал удивляться его худобе и затравленности. Жил он, как лишний рот, у мачехи. Еле-еле сводил концы с концами в техникуме. А потом — война, ополчение, плен.

Говорил со мной медленно, монотонно, вроде как не желал разговаривать. А у самого глаза от слёз стеклянные.

— Ты чего такой замороженный? — спрашиваю его.

— Есть, — говорит, — хочу. Еле языком ворочаю от голода и бессилия.

— Да, худо, парень. И рад бы помочь, но нечем... Вот поворожить могу, судьбу твою предсказать.

Приврал я конечно. Никогда в жизни не гадал, но видел, как это цыганки станичным женщинам делали. Взял его правую ладонь, по линиям туда-сюда пальцем поводил и пошёл всякую отсебятину плести, а главное, что его впереди ждёт свободная жизнь. Не заметил, как вокруг любопытствующие собрались — русские, украинцы, поляки. Уши развесили. Глазеют. Потом стали наперебой предлагать, чтобы я и им погадал. Я отказываюсь. Не дай Бог чушь сморозить, разоблачат, прибьют до смерти.

Вдруг один из поляков говорит:

— Солдат, погадай. Хлебом заплатим.

Им «Красный крест» помощь продуктами оказывал. Поэтому они не так голодали, как мы. Но всё же в неволе находились. Хотели в завтрашний день заглянуть. А мне бы хлеба для заморыша добыть. Да и сам я мало чем от него отличался — живот под рёбра подвело.

Выбрал одного из поляков, про которого краем уха слышал, что он судился с братом из-за земли и что в семье у него одни девки. Этого, конечно, мало для «провидца», но о других и такой информации не было, а, значит, и надежды на кусок хлеба.

Минуты три-четыре бороздил я извилины на его ладони. Губами шевелил, будто молитву читал. А сам всё продумывал, што бы ему такого правдоподобного завернуть?

Тишина в бараке установилась гробовая. Куда все разговоры и занятия подевались? Кто чуда ждёт от гадания, кто посрамления моего, но все молчат. Нервы, как тетива на луках, напряжены.

Ну и пустил я свою стрелу.

— Ты из сельской многодетной семьи, — говорю. — Жена твоя тоже селянка. Простодушная и верная женщина. Но рожает тебе одних дочек.

— Это так, — взволнованно выдохнул поляк.

И по бараку пронёсся лёгкий шелест одобрительных шепотков.

— Тебе всегда трудно жилось, — продолжил я. — Затирали богатеи. Да и родной брат, судя по линиям судьбы, тоже камень за пазухой против тебя таил.

Большой палец левой руки на его запястье держу, прощупывая пульс, а свою голову над ладонью поляка хилю, чтоб глаз моих не видно было.

При словах о брате он заволновался сильнее, пульс чаще забился.

— Вроде ты даже судился с братом за землю...

Тут у него сердце чуть ли не из горла стало выскакивать.

— Да, судился, — простонал крестьянин.

— Вот это да! — ахнули зрители. — Не иначе, черти пособляют гадалыщику?

Дальше было легче сочинять. Пошли посулы жизни трудной, со многими испытаниями, но в конце концов — свободной и независимой, и что будет он жить своим хозяйством и дочек удачно замуж выдаст. Разобрало моего поляка так, что он к буханке хлеба ещё и банку рыбных консервов добавил — невиданное богатство в лагерных условиях. У нас со ставропольцем был большой праздник. Ещё и соседей по нарам угостили.

— Надо же, батя, какие у тебя таланты! Никогда о них не подозревал, — восхитился Валентин отцовским рассказом.

— Так я и сам не подозревал. Человек много чего про себя не знает, покудова жизнь не тряхнёт его посылнее.

— Яша, а што с пареньком тем случилось? Ты с ним после войны не списывался? — поинтересовалась Оксана Семёновна.

— Не дожил он до освобождения из лагеря, помер от тифа.

— Ой, божечки! А я подумала, ты и впрямь ему напроорочил...

— Да куда там? Я же сразу сказал — придумка всё, шарлатанство. Хотел помочь человеку хоть как-то, вот и сочинял складно... Да он догадался. Помогал мне потом хлеб зарабатывать. Отирался среди поляков. Что узнавал из их разговоров, мне передавал. Но после его смерти бросил я это занятие и больше не возобновлял. Вскоре другие спектакли начались... Схожу-ка я на «трон», приспичило...

— Тебе помочь?

— Теперь сам управлюсь. Удобно изладил.

— Тогда пойду, дрова сложу в сарай, а то намокнут за ночь. Мам, тебе принести на растопку?

— Накидай в старую цибарку и поставь в чулане. Я утром возьму.

Глава 8

— День-то нынче какой выдался, как терем расписной! Небо бездонное. Солнышко щедрое. Сад пёстрыми лоскутами отсвечивает. Воробьи концерт отчубучивают. Рай да и только! Погляди, батя, в окошко. — Валентин раздвинул ситцевые занавески у изголовья кровати.

Старик повернулся к окну, приподнявшись на локте, с радостью проговорил:

— Дюже украсно. Вчера ещё хмарилось, взвесь свет мутила, а нынче разведрилось.

— В самый раз нам с тобой вылазку в сад сделать, свежим воздухом подышать, подзарядить батарейки.

— Какие батарейки, сынок? — недоумённо спросил отец.

— Солнечные. Какие же ещё? Всё живое на земле от солнца зависит. Убери растение от солнечного света, и оно захиреет вскоре. Так и человек. Наш иммунитет солнцем подпитывается.

— А грибы? Их специально в тёмных подвалах выращивают.

— Вот грибов нам сейчас внутри твоего организма совсем не надо. Пошли просушиваться и проветриваться. Погода шепчет. Другой такой денёк, может быть, не скоро повторится. Ты домашнее пространство уже осилил. Пора приращивать территорию за порогом, ревизию в саду провести.

— Не озябну? — засомневался старик.

— Говорю же — рай земной. На всякий случай, чтоб не просквозило ветерком, можешь «москвичку» накинуть на плечи. Я для тебя калоши на валенки надел. Ноги не промочишь. Так что смелее, казак!

Яков Васильевич особо не упирался, хоть и было заметно по выражению лица, что он весьма сомневается в успехе затеянного сыном выхода на прогулку. Инерция хворобного лежания и малоподвижного образа жизни последних месяцев удерживала его в привычном пространстве, а здравый смысл и воля Валентина разрывали этот застойный круг. Да ещё извечное людское любопытство подталкивало: «смогу ли осилить выход из дома?», «а как там — в саду, не пора ли виноград на зиму прикопать?»

Открыв дверь из чулана на улицу, старик надолго задержался на пороге, щурясь от ярких солнечных лучей и не решаясь сойти по ступенькам на землю. По его исхудавшему, бледному лицу скользили блики света, просачивающиеся сквозь густое переплетение ветвей шелковицы (тютины), росшей вблизи от домика Серединых. И Валентину казалось, что это отцовские сомнения и страхи калейдоскопно сменяются на измождённом болезнью лице.

— Что, солдат, тяжело подниматься в атаку из обжитого окопа? А надо. Представь, что эта дверь открыта в другой мир — здоровый, радостный, яркий. Главное — сделать первый шаг. Решительней, батя. А я тебя с фланга поддержу.

— Не надо, я — сам! — возразил старик.

Придерживаясь одной рукой за перила, другой опираясь на костыль, Яков Васильевич медленно спустился со ступенек и направился по дорожке в сад. Миновав тютину и не-

сколько яблонь, дошёл до сарая. Отворил серую дощатую дверь. Поглядел на итог сыновних трудов. Ровная высокая, почти под потолок, стена из поленьев возвышалась напротив входной двери. Ни единой непорубленной корчаги не осталось. Да и остальная утварь и инструменты были разложены в строгом порядке, по-армейски.

— По всему видать, офицер тут побывал, — улыбнулся, оглянувшись на сына, Яков Васильевич. — Всё — по струнке, как в казарме.

— Есть грех, батя, — ответно усмехнулся Валентин. — Меня в редакции «пиджаки» так и прозвали — «казармой».

— Кто прозвал, чтой-то я не понял?

— «Пиджаки». Так в военных редакциях гражданских работников называют и тех офицеров, что надели форму после выпуска из институтов и университетов. Нет у них военной закваски, тяги к порядку и дисциплине, как у тех, кто окончил военные училища. Анархисты, короче говоря. В творчестве это терпимо, иногда даже хорошо. А в быту — мама дорогая! На столах — завалы бумаг. Нужной не отыскать. Кругом — окурки, огрызки, невымытые чашки из-под кофе. Дым коромыслом. Ну, я их и строил, приучал к порядку.

— Поди, обижались, противились?

— Всякое бывало. Поначалу некоторые гадили исподтишка. Письма от имени мнимых любовниц жене подбрасывали. Начальству сексотили. На летучках пытались материалы критиковать. За каждой ошибкой охотились. Потом угомонились.

— Никак начальство урезонило баламутов?

Яков Васильевич прикрыл дверь сарая и неторопливым шагом двинулся по тропинке дальше в сад, так же неторопливо поддерживая беседу.

Валентин пошёл следом, готовый в любой момент поддержать отца, если тот ненароком оступится или поскользнётся на сырой дорожке, и в то же время, отвлекая его своими разговорами от мыслей о хворобе и немощи.

— Уважать кого-то или не уважать начальство заставить не может. Авторитет от самого человека зависит. Если он не подлец, не прожига, то в конце концов сослуживцы это поймут и оценят.

— Это, выходит, жить по заводскому гудку? — повернулся в полоборота к сыну старик.

— Ну, не совсем так. Во-первых — не плодить тараканов в кабинете и в голове. Во-вторых — к сроку и ответственно готовить материалы к публикации. Где и каким образом, не важно. Главное — конечный результат, в намеченное время

сдай качественный материал на заданную тему. Это — основа основ в творческой работе.

— Своевременно и качественно, — повторил Яков Васильевич. — Согласен с тобой. Но это важно не только для вас — журналистов. Для всех важно. Для крестьян — тоже. Вот погляди на виноградную лозу, можно её сейчас прикапывать или нет?

Валентин внимательно осмотрел куст, разведённый на четыре стороны и аккуратно подвязанный тонким лыком к деревянным столбам. По-местному такую разводку называют «донская чаша». Листьев на побегах почти не осталось. Виноградные кисти срезали ещё в начале сентября.

— Наверное, можно, — не очень уверенно проговорил он.

— Ошибся, Валентин Яковлевич, — озорно блеснул глазами отец, — подзабыл крестьянскую науку. Если ево зарыть в сырую и ещё не выстывшую землю, либо сгниёт, либо проращёт. Позже надо. Ближе к заморозкам. И соломой проложить, што б суще было и зимой теплее.

— Сдаюсь, батя. — Валентин игриво поднял руки вверх. — В агрономии я действительно не силён. Детская практика забылась, а новых познаний не приобрёл. Негде было. Да, честно сказать, не думал, что на приусадебном участке особая наука хозяевам нужна. Казалось, ковыряются люди из поколения в поколение в земле по наитию. Чего тут мудрёного?

— Грамотей однако! Это вы, писатели, придумали, что земля на Дону и Кубани сама рожает. Ткни палку — пустит корни и зацветёт. А на деле с землёй, как с девицей, повозица надо, помороковать, как угодить. Тут на авось не пройдёт. Деревья и кусты сами по себе здоровыми и плодовитыми редко бывают. За ними постоянный уход требуется: подкормка, обрезка, лечение от болезней и вредителей всяческих. Это, товарищ полковник, — тоже наука!

— Твои бы слова, отец, да — президенту в уши.

— Подтруниваешь над стариком? — Яков Васильевич недоверчиво покосился на сына.

— Без шуток говорю. Главковерху не пристало бухать изо дня в день, уподобляясь некоторым нерадивым мужикам. Его задача — быть садовником. Сорняки с корнем вырывать. Культурные растения обихаживать. Вновь бы зацвела русская земля, перестала бы на потеху всему миру завозить продукты из Китая, Австралии и чёрт знает ещё откуда!

— Это ты верно заметил. Нету у нас нынче садовника в стране, вот тля и заедает народ.

— А был ли он вообще в двадцатом веке?

Отец ответил не сразу. Некоторое время они молча шли между абрикосовыми и грушевыми деревьями по направлению к проданному флигелю. Не доходя до него несколько метров, остановились. Яков Васильевич с тоской оглядел бывшее семейное гнездо, ставшее летней отрадой дачников, потом повернулся лицом к сыну.

— Меня этот вопрос мучает всю жизнь, только высказать его никому не мог. Сам знаешь, сколько подобных умников в вечную мерзлоту полегло. Про царя много не скажу. Плохо его помню. Старики гутарили, мягковат был, излишне часто жену слушал. Это многих в верхах власти против него настроило. Но в станице был порядок. Это — факт. Дурачки и горлопаны не верховодили. Выбирали в руководство авторитетных казаков. Народ не пьянствовал. Трудились все от мала до велика. Службу казачью несли по совести. Чижило было справиться всю амуницию и коня на свой кошт, но зато от податей всяческих свободными были, каждый башковитый казак мог станичным атаманом стать, как и мой дед, твой прадед — Кирилл Яковлевич. Помню, как февральскую революцию и отречение императора станичники обсуждали — бурно, но без осознания трагедии, ожидали даже каких-то изменений к лучшему, как в начале нынешней перестройки.

Старик о чём-то задумался и, растерянно улыбнувшись, сказал:

— Получается, что мы в феврале-марте 1917 года первый раз наступили на те грабли, что Горбачёв нам снова подсунул?

— Яков Васильевич, да ты ещё и философ ко всем прочим талантам? — без иронических ноток произнёс Валентин. — В корень зришь!

— Токо што осенило.

— Видишь, как полезно гулять на свежем воздухе?

— Притомился я с отвычки. Посидеть бы.

— Сейчас организуем передых. Я для тебя дровяную плаху вынесу.

Они воротились к сараю. И Валентин вытащил наружу и поставил под стену с облупившейся побелкой большой чурбак от яблоневого ствола, на котором вчера рубил дрова.

Отец уместился на нём, подставив лицо нежарким лучам осеннего солнца. Сложил ладони поверх костыля и продолжил свои неспешные стариковские размышления:

— При Ленине и большевиках всё перевернулось вверх тормашки. Вначале голутвенные казаки, наслушавшись посулов про золотые горы и молочные реки, супротив домовитых поднялись. Потом кучерявые комиссары с латышами и дру-

гими инородцами наехали и начали коцать всех подряд — и богатых, и середняков, и голутву, если кресты Георгиевские имели или ещё как-то уважение к старой власти выказывали. Дон кровавой юшкой потёк. Куда беч? Где спасаца? Как жить, если некому стало землю обрабатывать? Тьма народу загинула. Кого порубали. Кого постреляли. Кого живьём закопали, бывало и такое. Кого тиф покосил, кого — голодный мор. Мои родители в двадцатом, после продразвёрстки, с голоду померли. Даже где их могилки не знаю, чтоб вам показать да последний поклон отдать.

Старик притих, хлюпая носом, потом высморкался и продолжил говорить:

— Страшный покос уполовинил население страны. Но выжившие мало-помалу начали в период нэпа хозяйства подымать из разрухи. И к тридцатым годам более-менее оклемались. Живностью обзавелись, отстроились, детей нарожали. А тут тебе — новое испытание, колхозы! Да не те коллективные хозяйства для совместной обработки земли, что люди сами начали затевать в это время, а поголовный загон крестьян в артели, с раскулачиванием и высылкой несогласных единоличников, с беспределом дуралеев от власти, с репрессиями Ежова и Берии, с новым голодомором, устроенным сверху. Эту беду пережили, грянула война, массовая гибель народа, разруха, обнищание, опять голод. Как самую сильную в мире армию одолели, а заодно и её европейских прихвостней, одному Богу известно. Откуда народ силы брал? Как сумел наладить выпуск оружия, техники, боеприпасов?

— Видимо, Сталин оказался неплохим организатором в той кризисной ситуации? Смог народ объединить, собрать в грозный кулак. Даже с капиталистами и церковью нашёл общий язык, — высказал свои мысли Валентин.

— Да, — согласился Яков Васильевич, — смог, хоть и жестокими мерами, но мобилизовал все силы на борьбу с германцами. Кнутом и пряником. Отступать без приказа будешь, свои же заградотряды расстреляют. В глотку врагу вцепишься, наградой командование не обойдёт. Сам вождь сутками напролёт глаз не смыкал и народ жилы рвать заставил. Так победу ковал. Так после войны поднимал промышленность, науку и сельское хозяйство. Повыкорчевал ленинских комиссаров из власти, дал подняться многим башковитым выходцам из глубинки. И страна при его жизни встала в полный рост.

— Хочешь сказать, что он и был настоящим садовником?

— Я так думаю. И не только я, а большинство людей из моего поколения, переживших войну и послевоенное возрождение.

— А каково мнение другой части населения, тех, кто гнил и умирал в лагерях, бесправно мучился в ссылке? Они тоже считают его садовником, а не палачом?

— Кто-то считает, кто-то не считает. Только их было гораздо меньше тех, кто искренне поверил планам Сталина в строительство могучей и справедливой страны. Люди жили общими идеями, работали на их достижение, не покладая рук. А недостатки и ошибки считали неизбежными издержками большого дела. Общее страдание и общая победа в страшной войне, общие усилия по преодолению разрухи объединили всех. Это было время настоящего могучего подъёма духа народа и могучей веры в неограниченные возможности нашего государства. Такой атмосферы одной агитацией за советскую власть не создашь. Братья и сёстры твои в это время высшее образование получили. Как говорится, в люди вышли. Разве не так? Значит, была возможность для подъёма молодого поколения? Сверху заботились об этом, из Кремля.

— Наверное, ты прав. Просто я ещё никак не могу до конца определиться со своими оценками прошлого и роли руководителей страны. Всё сомнения мучают — одни так пишут, другие — эдак. Вроде и сделан колоссальный рывок в развитии страны, как писал Черчилль: «От сохи... до атомной бомбы». Но в то же время, сколько несправедливости было, доносов, репрессий? Сложно понять, где правда, а где передёргивание фактов.

Яков Васильевич внимательно посмотрел на сына. В кончиках его бескровных и пересохших губ затеплилась едва заметная улыбка:

— Так твоё-то поколение училось уже по учебникам, написанным после двадцатого съезда партии. Там напутали, как кошка пряжу. Концов не найдёшь. А я всё, что происходило в стране, своими глазами видел. И гнев, и милость вождей на себе испытал. Мне придумки политических писарчуков ни к чему. Вот про период правления Хрущёва скрозь гутарят: «Оттепель, оттепель...» А для кого она, та оттепель? Это же при нём с крестьян сызнова жилы тянуть начали. Участки приусадебные урезали, живность и садовые деревья налогами обложили. Вместо пшеницы и ржи кукурузу заставили выращивать. Опять до голодного пайка население довели. До восстания рабочих в Новочеркасске в 1962 году. Да и поубивали возмущённый народ. А оттепель та, как я понимаю, только для сорной породы началась. Для всяких губошлёпов, никогда не живших народными заботами. Им бы только до власти добраться, до казны государственной, да

трудовому люду карманы и души выворачивать. Ради этого и вся ихняя брехня про свободу совести и права человека. Не так, што ли?

— Так, так, отец! — заулыбался Валентин. — Лучшего публициста для «Правды» не найти. Только, думаю, что и там без купюр подобные размышления не напечатают. Зациклятся на достижениях социалистического периода, а всю остальную мужицкую правду отрубят, как в «прокрустовом ложе».

— И мне понятно, что никто такое не напечатает и не возьмёт в толк, пока не придёт к власти настоящий сын трудового народа и не наведёт порядок в нашем большом курене. Без этого сермяжная правда в Кремле никому не нужна.

— Батя, я на эту тему подходящее выражение вспомнил: «Жаловаться Ельцину на Чубайса, всё равно, что Гитлеру — на жестокость гестапо».

— Смачно сказано! Это кто ж так припечатал?

— Точно не помню. Кажется, генерал Лебедь.

— Этот может. Славный земляк. В народе о нём добре отзываются. Гутарят — твёрдой рукой придушил войну в Приднестровье. За неделю-две управился с тем, што его предшественник год не мог сделать.

— Так точно! Вытер соплю генерала Неткачёва с репутации четырнадцатой армии. — Валентин собрался поговорить с отцом о военных событиях на Днестре, к которым имел прямое отношение.

Но старик устало зевнул и предложил:

— Пойдём уже в хату. Штой-то сомлел я на солнышке. Прилечь тянет.

— Пожалуй, что для первого уличного моциона вполне достаточно, — согласился сын. — Завтра, если погода не испортится, ещё прогуляемся.

На верхней ступеньке отец вновь остановился перед открытой дверью. Постоял, наблюдая за плывущими над домом облаками, тяжело вздохнул и сказал:

— Каждый раз, когда захожу в хату или выхожу на улицу, с ужасом вспоминаю дверь нашего барака в концлагере. Не дай Бог никому такой памяти!

— Расскажешь?

— Не зараз. Передохну чуток, подремаю. Сморило от свежего воздуха.

Глава 9

— Ну, вы и гулёны! — встретила мужа и сына удивлённым восклицанием Оксана Семёновна. — Я уже и баранинки ус-

пела раздобыть, и харчо приготовила, и с синенькими потушила, а вы всё не вертайтесь. Сбиралась итить за вами.

— Мам, погода-то какая! Рай! А рай разве кто-то по доброй воле спешит покинуть? Никто. К тому же мы с батей расфилософствовались дюже, как депутаты на заседаниях Верховного Совета. Решили свою власть устанавливать.

— Где ж это?

— Ну, для начала — в своей хате.

— На кой ляд она здесь?

— Чтоб все жильцы в одну сторону тянули житейскую лямку, а не в разные.

— А как зараз не накормлю, куды потяните?

Валентин весело проговорил:

— Видишь, батя, какой народ у нас ушлый? Так что лучше консенсус в хате не нарушать. Иначе будет установлен однозначный матриархат, диктатура в юбке.

Оксана Семёновна недоумённо глядела на сына, пытаясь понять его околесицу, потом махнула полотенцем и scomандовала:

— А ну мыть руки и за стол!

— Есть, товарищ генерал!

— Да уж не спускался ли ты в погреб за наливкой? — любопытствовала мать, не понимая природу весёлости своего чада.

— Никак нет! — отчеканил, продолжающий дурачиться полковник. — В погреб не спускался, наливку не пил. А вот кислорода хватанул с избытком, в этом сознаюсь.

— Ну, ты артист!

— Да какой там? Неважная копия с батьки, не больше того. Просто день погожий и настроение такое же. А про наливку ты в самый раз вспомнила. Стаканчик не помешает.

— Так на здоровье! Яша, ты с нами сядешь, чи полежишь, а потом пообедаешь?

— Трошки отдохну. Позжей похлебаю твоего запашистого варева. Дух по всей хате стоит.

— Надо ш сынка побаловать.

— Вот и выяснили, кто из нас детей да внуков больше балует. А то всё на меня пыталась свешать. «Забаловал младшего!» Кто давеча гутарил?

— Ишь, какой! А всё беспамятным прикидывался, анчутка!

Валентин, довольный незлобными шутками родителей, с аппетитом хлебал наваристый и запашистый суп, отмечая про себя, что добрые предчувствия не обманули его. Отец потихоньку приходил в себя, начал самостоятельно двигаться, есть, рассказывать о войне. И мать тоже взбодрилась, пове-

селела. Да и сам их домишко наполнился каким-то иным духом, иной энергией. Казалось бы, всё осталось на прежних местах — батяка ещё очень слаб, пузырьки с лекарствами всё так же стоят на столе возле его кровати. Но ежедневные жалобы на болезнь, ожидания худшего исхода, сменились долгими разговорами и даже шутками. Уныние и безысходность уступили место надежде на улучшение самочувствия и продолжение жизни.

Общение с родителями не тяготило, а наоборот, всё больше увлекало сына, особенно рассказы о войне и плене. Что-то из отцовской биографии он знал и раньше, но многие подробности услышал впервые. Помимо сыновнего любопытства в нём проснулся и журналистский интерес к эпизодам солдатских кругов ада, через которые прошёл отец. Валентин мысленно корил себя, что за всю свою жизнь ни разу не удосужился толком поговорить с отцом по душам, про свои же корни разузнать. Слава Богу, что ещё можно наверстать упущенное! А если бы не успел? Что бы детям своим мог поведать? Что их дедушка — бывший бухгалтер, фронтовик и честный трудяга? Негусто для благодарной памяти и любви. Ещё, как минимум, душевное родство нужно. А оно только сопереживанием создаётся и укрепляется.

Час-полтора отдохнув после прогулки и подкрепившись обедом, Яков Васильевич, как и обещал сыну, поведал новые подробности из своей лагерной эпопеи:

— В нашем лагере почти все заключённые, в том числе и немцы, добывали уголь в шахтах. Работали, в буквальном смысле до упаду, часов двенадцать в день. За мизерную пайку серого непропечённого хлеба с какими-то горькими добавками и миску овощной баланды, изредка разбавленной крупами. Голодали дуже. Урабатывались до смерти. Многие померли. Кто — прямо в забое, кто — в лагерьном бараке. Я под всяческим предлогом старался не попасть в шахту. Лёгкие никудышные. Да и, честно сказать, не было никакого желания фашистам подсоблять, пусть не по своей воле, а под конвоем, но всё равно работать на врага. Поэтому, как мог, хитрил. То уборщиком в бараке останусь, то больным прикинусь. Охранники вскоре заподозрили меня в симуляции, стали на проработку вытаскивать. Сначала кругов по сто вокруг барака гоняли. Заставляли приседать или отжиматься от земли, пока не упаду без сил. Тогда футбол начинался... до крови. Но и тут я хитрей их оказался. Научился юшку носом пускать. Токо они меня на сапоги возьмут, я — шмыг, шмыг рукой под носом... Вся физиономия в крови. Они — гады конченые, а кровь на них всё равно отрезвляюще действова-

ла. Отступались. Изобьют на рупь, а я охаю и отлёживаюсь несколько дней на червонец, — невесело пошутил Яков Васильевич.

Валентин зябко поёжился, представив кровавую лагерную забаву охранников. Ему приходилось много раз читать и видеть в кино, как немцы и полицаи издевались над военнопленными. Кровь в жилах стыла. Но ведь там были абстрактные жертвы. А здесь — отец. Тихий, незлобивый человек, всю жизнь носивший в себе боль от пережитого и никогда не изливавший её на близких и родных людей. Вечно трудившийся, как муравей, на своё немалочисленное семейство. Вечно переживавший за то, чтобы все были сыты, одеты, обуты, не болели, учились прилежно. И никогда ничего не требовавший взамен. Даже когда дети выросли, получили образование, заняли высокие должности и стали время от времени помогать родителям деньгами, отец каждый раз смущался и говорил: «Мы раздолжмся. Бычка в зиму сдадим заготовителям и раздолжмся. Вам-то, молодым, деньги нужнее». Душе до слёз больно.

— Охранниками немцы были или свои же из пленных? — спросил взволнованно Валентин.

— Смешанно. Но лютовали больше свои. По сию пору не могу понять, почему? Особенно один земляк по кличке Ржавый бесчинствовал. Здоровенный детина, нескладный, как обезьяна, весь в рыжей шерсти. Взялся за меня не на шутку.

— Может быть, из кулаков, обиженный?

— Кажись, голодранец. Но ненавистный, не приведи Господи! Доведись ему родного брата пытать, умучил бы до смерти. Есть такая порода — всё у них не как у людей, вкривь и вкось, а винят весь мир в этом, токо не себя.

— Кажется, я понял, что за фрукт! Такие, по научному определению, страдают комплексом неполноценности или по-другому — комплексом Каина. Душа чёрной завистью переполнена, не способна сопереживать другим людям, любить, а только — ненавидеть, унижать, издеваться и за счёт этого возвышаться над жертвами.

— Ну, как там по-научному называется, не знаю, но то, что душа гнилая — факт. Вначале ему кличка моя не понравилась. Хлопцы прозвали меня за большие усы, закрученные на донской манер, Будённым. Чем уж ему Семён Михайлович не угодил, того не ведаю. Но как только услышал слово «Будённый», взъярился, как ошпаренный. Чёртом подскочил ко мне. Чуть ли не в глаз тычет корявым, как сучок, пальцем и орёт:

— Это ты Будённый?

Мне даже смешно стало от такой тупости. Ответил ему:
— Неужели солдата от маршала отличить не можешь? Я — такой же Будённый, как ты Ворошилов.

Он от ненависти аж зелёным сделался. Глаза, как у рака, выпучились, рот перекривило. Командует:

— Раздевайся!

— Это ещё зачем?

— Раздевайся, гнида, а то зашибу.

Пришлось раздеться до исподнего. Подхватил он мои от-
репья и кинул в печь, прошипев при этом:

— К утру сам от холода сдохнешь.

Хлопцы мне вскоре другую одежду принесли. Сняли с кого-
то из умерших. Не пропадать же добру, когда ещё может жи-
вым послужить? Но Ржавый не успокоился на первой вы-
ходке. При любом подвернувшемся случае мстил, хоть и по-
нимал, зараза, што никакой я не Будённый, и даже не акти-
вист. Просто выбрал козла отпущения и вымещал свою зло-
бу. Может, выслуживался таким образом перед немцами, а,
может, просто своё гнилое нутро тешил. Однажды лежу на
нарах после очередного «угощения» охранников, мозгую, как
дальше действовать, што ещё заковыристей придумать, что-
бы головы им задурить. Несколько недель так вот на одном
кровопускании прокантовался. Похоже, сей трюк им приел-
ся, уже не дюже впечатляет, бьют всё сильнее и дольше. Так и
все внутренности отобьют. Нужно ещё на што-то исхитрица.
Тут заходит в барак мой «благодетель» и не орёт, как обычно,
а говорит масляным голосом (знать придумал какую-то но-
вую пытку):

— Вставай, Будённый. Неча симулировать.

Я сквозь охи и вздохи отвечаю:

— После их сапог посимулируешь! Все потроха отбили.
Не знаю, дотяну ли до утра.

— Счас узнаешь, — сипит он. Сдёрнул меня за шиворот,
как щенку, с нар и поволок к выходу. — Узнаешь, сучье отро-
дье, как от работы отлынивать и дурить нас своими фокуса-
ми! Я тебя отучу дурака валять!

Выволок на улицу. У входа подельники его скучковались.
Видать, был у них какой-то сговор насчёт моей персоны. Сто-
ят, посмеиваются, покуривают, ожидают очередного «спек-
такля».

Несколько немцев тоже подошли, любопытствуют, что за
развлечение «Ржавый» на этот раз придумал. Мне дюже не по
себе. Вижу, што бить, вроде, не собираюца, но и миловать —
тоже. Достал Ржавый три верёвки из кармана. Две — потол-
ще. А одну — тонкую, но крепкую, как дратва сапожная.

Толстыми верёвками связал мне руки и ноги. Подтянул, как бревно, к массивной входной двери и шипит по-змеиному:

— Будешь отныне псом барачным. Бессменно. А што б не сбежал, я тебе надёжный поводок нашёл.

И привязывает, гад, дратву к моим усам, а потом — к двери.

Дружки его от смеха затряслись, аж захлёбываются, так им потешно, что изверг придумал небывалую пытку для человека, который не пожелал стать, подобно им, фашистским прихвостнем. Немцы тоже посмеиваются, пальцами в нашу сторону тычут, дескать, чего только эти русские дикари ни отчебучат! Варвары, одним словом! А Ржавый ни разу не осклабился. Всерьёз делом занят. Только пыхтит, сморкается на меня и цедит слова сквозь зубы:

— Пока не загавкаешь по-собачьи, не отвяжу, хуч до ночи.

Голос у Якова Васильевича дрогнул, и глаза подёрнулись маслянистой плёнкой. На несколько минут он замолчал, промокая глаза и нос уголком махрового полотенца, попавшего под руку.

Валентин, глядя на отца, тоже пытался сдержать подступивший к горлу ком. В голове промелькнула мысль: «Хорошо, что мать к соседке посумерничать ушла. Не для женского сердца такие рассказы».

— Никогда в жизни не приходилось быть таким униженным, как тогда, — продолжил отец рассказ осевшим голосом. — Лучше бы убили, гады, чем в скотское положение человека ставить. Деваться некуда. Стою на привязи, гляжу поверх крыши барака на небо. А оно такое же, как нынче, ясное, голубое. Кое-где облачка белокрылыми чайками летят на восток. Туда, где жёнка моя с детками в оккупации мается. А может, отмаялись, померли с голоду без кормильца семьи... От таких мыслей вовсе жить не хочется в этом вонючем бараке, где вши и дизентерия, чахотка и силикоз, поголовная дистрофия, где человеческая жизнь полушки не стоит. Бывало, один гад на спор с другим гадом за миску баланды любого человека убить мог. Не днём, конечно. Принародно на такое злодейство не решались, зная, што не все за кусок хлеба душу продают. А ночью, когда хлопцы, смертельно устав на каторге в шахте, проваливались в сон, случалось, кто-то и не просыпался, посинев от удавок упырей. Где взять силы, штобы выжить в таком аду? Токо — вспоминая всё самое хорошее, самое дорогое. А што у человека есть дорогого, што б всегда с ним было? Токо близкие душе люди — семья, родные, друзья. Вот и всё. Гляжу на небо, на летящие по нему облака, дом родной вспоминаю, родителей, сестру,

приятелей, как жену приглядел среди других заневестившихся хуторских девчат, детей наших, их потешные приключения. И вроде как нет войны на свете, нет колючей проволоки вокруг лагеря, нет зловонного барака с парашей, нет Ржавого — садиста, которого, по всему видать, точит собственная никчемность, а он её измывательствами над другими людьми приглушает. Всё происходящее кажется только сном, кошмарным, болезненным. Пройдёт он, и сгинут все мучения, страдания и унижения... Но налетел порыв ветра, ударил в сырые доски, резко качнул дверь. И в глазах почернело от боли. А сделать ничего не могу, токо лбом в дверь упереться, штобы её не так сильно шатало. Ведь, если упаду, усы вместе с верхней губой на двери оставлю. И на кой ляд я их такие пышные отращивал? Куражу ради среди станичников. Вот и покуражатся теперь прихвостни фашистские в своё удовольствие! Ишь как им смешно, што я от боли корчусь при каждом порыве ветра, слёзы из глаз горошинами выкатываются! Дунет резко ветер, и оттопыривается губа вслед за усами, обнажая стиснутые зубы. И такая боль в душе от беспомощности, что не только залаял бы, но и завыл по-собачьи.

— Гавкай, Будённый! — сипит над ухом Ржавый. — Ты меня знаешь, я не шуткую. Будешь до вечера корчиться.

«Знаю, гад, што не шуткуешь, — думаю про себя, — но ежели я тебе хоть раз поддамся, ты меня потешной собачонкой навсегда сделаешь. А для меня лучше смерть, чем срамота. Да, терпел побои. Да, грёб дерьмо барачное. Но ни вам, ни хозяевам вашим не продавался. Не дождётесь моего позора!» Когда надоела Ржавому потеха и развязал он верёвки, тут я и рухнул. Взаправду упал, лишился сознания. Видать, все силы потратил, штоб не особачиться. В бараке меня сосед по нарам, донецкий шахтёр Семён Дубина, спрашивает:

— Яша, што они с тобой делали?

А у меня верхняя губа онемела, язык не ворочается. Хочу сказать и не могу. Кое как Семёну объяснил, што мне срочно надо сбрить усы, иначе доконают Ржавый с подельниками. Семён позвал вечером несколько земляков. Сбрили они мои будёновские усы. Помороковали, как дальше быть. Сошлись на том, што больше нельзя мне в бараке ошиваться, охранники не отстанут, пока не прикончат. Лучше уж со своими хлопцами в шахту идти.

Яков Васильевич с грустной улыбкой подытожил рассказ:

— Так завершился период моей барачной войны с фашистами и начался шахтёрский. Но об этом в другой раз поговорим. Не вышел бы весь пар в свисток!

— Узнаю бухгалтерскую жилку. — пошутил Валентин. — Будем экономить слова.

— Нет, сынок. Будем беречь силы. Они через слова тоже уходят. Бог даст, ещё докончу рассказ.

Глава 10

Подарки судьбы, как и подарки природы, случаются не каждый день. Очередное утро за окнами домика Серединых рождалось долго и мучительно. Рассвет с трудом просачивался сквозь плотную мешковину серых туч. И всё вокруг летницы поблекло, потеряло вчерашнюю контрастность и яркость, потонуло в мутной пелене сизого тумана.

— Наволочь нынче, — посетовала Оксана Семёновна, растапливая печь. — Тяга никудышная, никак огонь не разгорится.

— Должно быть, к дождю? С вечера стало ноги крутить, а под утро так совсем немоготу, — отозвался Яков Васильевич, старательно растирая немеющие икры ног.

— Давай помогу, — предложил Валентин, встав со скрипучей старенькой раскладушки.

— С грехом пополам, но сам управляюсь, — ответил отец.

Он полусидел на постели, согнув ноги, и шаркал узловатыми худыми пальцами по байковым кальсонам ниже колен.

— Ты с нашатырным спиртом разотри, сынок, — посоветовала Оксана Семёновна.

— Хорошо, мам.

Валентин снял с ног отца вязаные шерстяные носки, сдвинул вверх мягкие колошины кальсон и принялся за дело с ухваткой бывалого массажиста.

— Ты не дюже усердствуй! — взмолился Яков Васильевич. — Растрясёшь до смерти.

— Не переживай! Лишнее в отхожее ведро вытрясем, остальное заставим работать в нужном режиме.

— Ты заставишь! — без укора проговорил отец.

— Заставлю, заставлю. Будешь бегать. Ещё как будешь! Давай другую ногу. Печёт?

— Вроде, теплей стало. Зараз встану. Расхожусь постепенно.

— Жаль, день сегодня не для уличных прогулок. Не то, что вчера. Сырой, мрачный.

— Как в шахте, — неожиданно добавил Яков Васильевич.

— Вот, вот, — подхватил Валентин, — как раз для воспоминаний о твоей шахтёрской эпопее.

Он скатал в рулон свою постель и положил на материнскую кровать. Убрал раскладушку с прохода, освобождая пространство для «прогулки» отца.

Яков Васильевич надел вельветовые штаны, заправил их в карпетки — шерстяные носки домашней вязки. Немного погодя, достал из платяного шкафа зелёный военный китель со стоячим воротником и накладными карманами на груди — популярный наряд станичников старшего поколения. Надел его, застегнув на все пуговицы и крючки. Вместо валенок обулся в просторные кожаные чирики — самодельные домашние туфли-галoши. И в этом традиционном для станичника одеянии ещё больше отдалился от образа недужного старца. Как показалось сыну, отец даже меньше сутулился, чем прежде.

— Мам, погляди-ка на батю, — позвал Валентин. — Чем ни губебный атаман?!

— Ну, только до парикмахерши дойти, чтоб трошки причёску приаккуратила, и можно в клуб на сходку казачью! — рассмеялась Оксана Семёновна.

— Што вы, ей-богу, — смутился старик. Но, проходя возле зеркала, взглянул на своё отражение и пригладил на левую сторону поредевший чуб. — Картуза нету. Надо справить. В Ростове шьют. Молодняк в станице весь прибран, а до стариков не дошли.

— Может, тебе и шаровары с лампасами справить, атаман? — со смешком в голосе поинтересовалась Оксана Семёновна.

— Так не помешало бы. У сына наверняка есть?

— Есть, — подтвердил Валентин. — Прости, отец, не пришло в голову для тебя заказать. У нас в ателье при академии бронетанковых войск свой кройщик имеется. Отличный мастер. Восстановил все дореволюционные образцы казачьей формы. Давай мерки снимем, и тебе сошьёт. Мам, где у тебя швейный метр?

— Вы што, издеваетесь? На кой ляд она ему сдалась... Перед... — Оксана Семёновна вдруг осеклась на недосказанном слове, как перед внезапной преградой, и, понизив голос, заключила: — Перед станичниками срамица!

— Казак безлампасный, всё равно, что бесштаный.

— Ну, шут с вами! Форсите, коли охота. Метр — в машинке швейной, под столом. Совсем сказались!

Семёновна ещё немного поворчала, иронизируя над старательными обмерами Якова Васильевича, вполне серьёзно решившего приодеться в казачью форму, про которую семьдесят лет и думать забыли в станице. Но быстро примолкла и

стала чутко прислушиваться к разговору мужа и сына, когда Яков Васильевич вновь начал вспоминать свои мытарства военной поры.

— Шахтёр, конечно, из меня был никакой. Но лопатой махать — дело нехитрое. Поставили меня на погрузку угля в вагонетки. Кидаю помалу, присматриваюсь к тем, кто рядом находится. Люди, надо сказать, разнокалиберные были. Семён Дубина ещё в бараке предупредил: «В смене разный народец есть. Охранника Андрея Рябенского, что в забой спускается, опасаться не стоит — свой парень. Но есть и подсадные утки — провокаторы. Так что ухо надо держать востро, а язык не распускать». Работают все по-разному. Кто-то старается, как на стахановской вахте, кто-то не шибче меня лопатой шевелит. Но явных лодырей нет. Все знают, что доносчики не упустят случая отличиться перед лагерным начальством. Разговоры промеж заключённых тоже разные. Один белобрысый и белобровый мужик толкует с соседом, што немцы взяли Сталинград и подались за Волгу. Скоро войне конец. Всех заключённых отпустят на вольное поселение. Так што нужно вкалывать старательно и этим приближать своё освобождение. Его сосед, молчаливый, добросовестный работяга с грустными глазами в знак согласия кивает головой. И знай себе кидает лопатой уголёк в вагонетку. С противоположной стороны конвейера длинный и маслястый мужик, похожий на Горького, басит язвительно:

— Зачем тебе, Данила, дожидаться будущей свободы? Ты сейчас иди в полицаи. У них и хлеба побольше, и похлёбка наваристой. Правильно я мыслю, господин Рябенкий?

— Заткнись, языкатый, — отвечает Андрей. — Нечего в чужой рот заглядывать. Ты, по-моему, тоже от лишнего куска не отказываешься? Или задарма стараешься? — Долговязый ухмыляется — попал сразу в две мишени.

Кто-то про свою прежнюю работу рассказывал, кто-то — про детей. А вообще-то обстановка в шахте не для долгих разговоров. Спёртый воздух. Угольная пыль. К концу смены все становились похожими на чертей. Не то штобы разговаривать, дышать тяжело было. Так што каждый больше думал про своё, чем говорил. Мне, с одной стороны, вроде, спокойней в шахте стало. Прекратились издевательства и побои Ржавого. А с другой — што-то неладное в душе творилось. Чувствовал себя не человеком, а бесхребетным червяком, пролезшим в тёмное подземелье и продолжавшим там жалкие конвульсивные движения. День за днём. Неделю за неделей. Без смысла. Без цели. Без надежды што-то изменить.

Валентин сидел на стуле возле стола с патефоном и внимательно наблюдал за отцом, прохаживавшимся по комнате.

Яков Васильевич двигался гораздо увереннее, чем в первые дни. Говорил чётче и яснее. Не было в его голосе ни пафоса, ни рисовки. Он как будто не для присутствующих говорил, а для своей совести, припоминая и оценивая пережитое.

— Конечно, человеком всегда движет природа, — размышлял вслух старик. — В молодости она требует: «Живи!» И многие люди выживают в самых, казалось бы, безнадежных условиях. Но тут ещё и своя такая же установка нужна — «жить!». Без неё — конец. Не сдюжит человек. Сломается. А во имя чего жить в неволе? Во имя свободы. Своей свободы, как ты её представляешь, а не абы какой. Моя свобода была связана с Доном, с семьёй, с довоенной жизнью. Ради возврата к ней и выживал в узилище. Но дни шли за днями, а свобода не приближалась. Может, правда то, што говорил белокрысый, и немцы уже за Волгой? И показались мне все наши подземные конвульсии зряшными, шкурническими. Во время очередного спуска под землю сунул я свою лопату в транспортёр и сломал его. Крик поднялся: «Тебе чего, гад, жить надоело? И нас всех угробить хочешь?» Белокрысый с Горьким накостыляли мне, перепугавшись не на шутку за свои шкуры. Рябенький для видимости добавил. А когда поволок наверх для разборок, специально орать начал: «Ты што, не чувствовал, што сознание теряешь? Отойти нужно было в сторону, а не в транспортёр лопатой опираться. У, заморыш безмозглый!». Подучил таким образом, што в комендатуре на допросе отвечать. А ещё шепнул мне: «Сталинград наш. Драпают фрицы на фатерланд». Дал земляк зацепку за жизнь, штоб на расстрел не нарывался. Ну, я и задолдонил в комендатуре одно и то же: «Ничего не помню. Потерял сознание...» Били люто. Ствол пистолета в рот пихали. Несколько зубов раскрошили. Но всё ш-таки был у немчуры свой порядок и в концлагере — послали меня на медкомиссию. Врач-психиатр из вольнонаёмных немцев оказался тельмановцем. Написал заключение, што у меня случился голодный обморок, и злого умысла не было. Возвращаюсь с конвоем из больницы барака в жилую зону, а навстречу начальник лагеря с собакой идёт. Увидел меня и полез в кобур за пистолетом, с презрением цедя: «Аршлох!». Тут и побежали мурашки по моей спине, когда понял — будет стрелять.

— Форвертс! — скомандовал гестаповец.

В мыслях догадка мелькнула: «В затылок выстрелит. Бойтся в глаза мои глядеть перед моей смертью». Все палачи почему-то бояться прямого взгляда глаза в глаза. Есть в этом

какая-то потусторонняя тайна. Шагнул я вперёд, как командовал немец, будто на край могилы. Кровь в висках стучит. Холодный пот по спине течёт. Думаю: «Ну вот и всё, тут и конец твоей грешной жизни! Прости, Господи, мои грехи вольные и невольные, спаси и помилуй!» Секунда проходит, две, три... Нет выстрела. Нестерпимо хочется оглянуться, узнать, што задумал фашист, почему не стреляет. Может, осечка? Обернулся только возле дверей барака. Позади меня никого не было. Почему пощадил, не могу объяснить. Ведь должен был выстрелить. Я же это чувствовал. Во взгляде его презрительном прочёл. К тому же ничего наша жизнь не стоила в лагере, особенно таких субчиков, как я. А всё ш-таки не поднялась рука. Почему?

— Ты про Господа в рассказе для красного словца сказал или на самом деле помянул в тот момент? — поинтересовался Валентин.

— Точно помянул. Машинально вышло, само собой, как в бою.

— Может быть, в этом разгадка?

— Может быть. Известно только там, — Яков Васильевич ткнул указательным пальцем правой руки вверх. — А нам остаётся гадать — мне ли Бог помог или в гестаповце человеческие чувства ворохнул. Все люди с одного теста замешаны, да не все про это помнят. Комендант тот, видать, имел какую-никакую совесть. Когда союзные войска подошли к нашему лагерю, он не стал на заключённых зло вымещать, уничтожать массово, как многие его сослуживцы в других местах делали, а пустил пулю в собственный висок. Так он подвёл итог своим несправедливым делам.

— А Ржавый? — не удержался от вопроса Валентин.

— Ну, тот стреляться точно бы не стал. Такие изверги, как он, за свою ничтожную жизнь до конца цепляются. Расквитались с ним наши хлопцы — Семён Дубина и Андрей Рябенский.

— За Андрея мы позже перед сотрудниками СМЕРШа хлопотали, когда они фильтрацию военнопленных устроили. Помогли трошки. Сделали ему «скидку» — дали не двадцать пять лет тюрьмы, как другим полицаям, а десятку. И то совсем напрасно дали. Он ведь много нашего брата сберёт от неминуемой смерти. Сознательно на жертву пошёл, чтоб своим пособлять. А его за добрые дела — на Север. Много несправедливости творилось со стороны властей. Когда наши военные в лагерь приехали, первым делом митинг устроили. Главный начальник вроде бы пожалел военнопленных мужчин, сказав: «Вы много перестрадали». А насчёт женщин глу-

пость сморозил: «Ну, а вам весь интернационал Европы на себе пришлось выдержать...» Одна военврач из пленных пристыдила «освободителя»: «Как вы можете обижать нас? В лагере все женщины и девушки отдельно записаны были. И никто из девушек не стал женщиной. Никто! Слышите, вы? Им, голодным и измождённым каторжным трудом, не до интимных развлечений было. Не так вы встречаете своих сестёр и дочерей. Стыдно за вас!»

Валентина удивил этот факт. И он спросил отца:

— Батя, положи руку на сердце, скажи, неужели никто из русских девчат не закрутил романа с союзниками или нашими героями? В это трудно поверить. Человеческая природа своё всё равно требовала.

— Я свечку не держал и народ не исповедовал. Но, думаю, мало кто. Нынче трудно представить, как выглядел тогдашний лагерный люд. Страшно дюже выглядел. Одни кости, обтянутые кожей, да глаза в поллица. Про разность полов и думать забыли. Только одна думка мучала — лезбца бы кусочек! Позже, когда трошки оклемались, да справней стали, может, кто-то и уехал в противоположную от СССР сторону. Проверка людей в лагере до зимы сорок шестого года длилась. Так што по-всякому могло быть. Но большинство пленных и угнанных на работу в Германию всей душой домой рвались. К своему гнезду. Пусть и не такому устроенному, как на Западе, но своему. Так воспитаны были. Бредили отчими краями во сне и наяву. Мне в поезде по дороге на Дон дочка Нюра приснилась. Вроде мазала хату и меня увидела. Кинулась на шею. А потом болотину видел, хороших лошадей, запряжённых в бричку. И представляешь, всё сбылось. На поезде до Шахта доехал. И там с Нюрой встрелились, она в педучилище шахтинском училась. Потом до станции Константиновской ехал по весенней грязюке на тех самых лошадях и бричке, што во сне видел. Чудно, правда?

— Непостижимо! Мистика какая-то! — сказал Валентин. — Всё-таки существует в мире что-то неподвластное пока уму человека. Телепатия, предсказания, пророчества — из этого загадочного ряда. И верят, и не верят в них люди. А ведь не придумка же это? Существуют такие явления в нашей жизни и говорят о не раскрытых до конца возможностях человеческого организма.

— Может, и так, — согласился отец. — Наверное, не пришло время все тайны человеку открывать? Неизвестно, на какие цели он их использовать будет. Сколько машин изобретатели придумали, самолётов, кораблей? И вроде как на благо. А постоянно находятся те, кто эту махину техники

против других людей направить норовит. И направляют. И дают по живому, и ничтожат братьев своих.

— Погоди, батя, чуток, — ухватился за мысль отца Валентин. — Братьев, говоришь, уничтожают?

— А нешто не братьев? По писанию — все от Адама и Евы произошли.

— Да, да. От Адама и Евы. От их детей. Но от кого из сыновей? От чистого душой Авеля или от завистливого братоубийцы Каина?

— А кто ж это знает? Сказано, што Каин убил Авеля, позавидовав ему. И всё. А ты думаешь...

— Раньше не думал. Личного повода не было. В семье у нас мир и лад царили. Вас любили и уважали. Между собой не собачились. Все друг другу помогали. Какие-то детские шалости и недоразумения не в счёт. Обдуманно и целенаправленно зла никто не творил. Вслед за вами исповедовали веру в добро и справедливость, в добрых людей, верили, что их большинство на земле и что добро всегда побеждает, как в сказках. Так ведь?

— Так. В большинстве случаев так.

— У меня с недавних пор сомнения появились. Под пулями и снарядами в Верховном Совете России. Когда увидел лица ельцинских штурмовиков. Это были не человеческие лица — сплошная маска ненависти и сатанинского сладострастия от чувства превосходства и безнаказанности. Как будто они не наши соотечественники и братья, а иностранные завоеватели или даже инопланетяне. Откуда возникло это безразличие к жизни и судьбам таких же граждан одной страны, оказавшихся заложниками ситуации? Вот сейчас только дошло — от Каина. От его первородного братонелюбия, что несёт в своих генах большая часть человечества на Земле. Все интриганы, завистники, насильники и убийцы отмечены этим грехом, как тавром, и ничего не могут поделаться с собой, они не в силах изменить гадкой наследственности.

Валентин замолчал. Молчали и родители, озадаченные его словами. Яков Васильевич даже перестал ходить по комнате, в раздумье присел на стул рядом с сыном. В его поблекших, покрасневших от воспаления глазах пробежали токи живых беспокойных мыслей. Он искал нужные доводы для возражения сыну и вскоре нашёл их.

— Знаешь, сынок, — спокойно, без азарта спорщика, говорил старик, — а ведь мне в лагере поначалу тоже так думалось. Не жизнь была, а сплошная чернота, как в преисподней. Никакого просвета. Никакой надежды. Но ведь вышло иначе. Освободили нас в конце концов. А вчерашних

наших мучителей постигла заслуженная кара. Значит, добро и справедливость всё-таки восторжествовали. Никто не знал, когда это произойдёт. Но ведь произошло. Хотя многие и не дождались этого светлого дня, умерли по разным причинам — от голода, от болезней, издевательств и побоев, от каторжной работы. Но я думаю, што очень важно для человека, попавшего в беспросветную ситуацию, не унывать, не опускать руки под натиском зла, верить в лучшее. А тавро Каина, может быть, и существует, только на верующих в Бога и живущих по Божьим законам поставить его нельзя. И клеймённых не так много, как тебе могло показаться. Да и большинство из них в итоге оказываются не хозяевами положения, а отверженными.

Валентин слушал отца с каким-то отрешённым видом и неторопливо перебирал конверты с патефонными пластинками. На одном из них задержался, читая название песен. Потом глянул на Якова Васильевича потеплевшим взглядом и спросил:

— Патефон-то исправен?

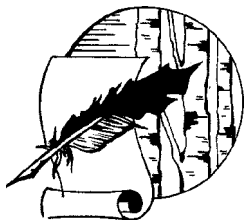
— Да вроде как работает. Сто лет не заводили его.

Валентин открыл крышку потёртого и вылинявшего, как отцовские глаза, музыкального ящика, обнажая его не тронутое бурями времени нутро. Покрутил ручку заводного механизма. Опустил звукоснимающую головку с иглой на тёмный диск пластинки.

Под заигранной, давно не менявшейся иглой сначала раздался наплывающий шорох и шелест, будто под метлой дворника, подметающего землю от опавшей листвы. Потом заиграл оркестр, и полились понятные каждому человеку и трогающие душу слова:

*Я люблю тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново.
Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова...*

В маленьком домике Серединых, затерянном под сумрачным осенним небом в бескрайних степных просторах России звучали слова песни, заставлявшие жить, помнить и любить.

Валерий ХАТЮШИН

АНГЕЛЫ РОССИИ

* * *

Отцветает последний жасмин
и шиповника цвет облетает...
Мне из летних природных картин
эта — в сердце всегда западает.

Значит, лето пошло на закат,
и смятение — всё вероятней,
и последний кустов аромат
всё нежнее и всё невозвратней...

Как прощальная чья-то ладонь
прикоснётся к запястью незримо,
словно жизни закатный огонь
истончается необратимо...

Аромат над жасминным кустом
так пьянящ этим вечером летним...
И не хочется думать о том,
что и вправду он будет последним...

22 июля 2017

* * *

Август, август, зачем же так скоро?..
Ведь еще не настала пора...
Сонной тенью немного укора
загустели твои вечера.

Август, август, озёрная свежесть,
дрожь листвы на опавших цветах...

Мы, мой друг, замечаем всё реже
прежний блеск в приземлённых глазах.

То ль с тобой мы своё отлетали,
хоть в душевных порывах — легки,
то ль полей поседевшие дали
слишком стали для нас далеки...

И не манит спокойного взора
золотая заката игра...
Август, август, зачем же так скоро?..
Ведь еще не подходит пора...

9 августа 2017

* * *

Предосенняя нежная тишь...
Нет, не может окончиться лето...
Ах, душа, скоро ты воспаришь
к океану несметного света.

Золотая тоска вечеров...
Нет, не верю, что лето уходит...
С долгой песней холодных ветров
где-то близко зима хороводит.

Август ласковый, солнечный весь,
ярко-жаркий, как цвет бересклета...
Ах, душа, ты запомни, что здесь
было это короткое лето...

21 августа 2017

ВОЗРАСТ

Душа еще, как прежде, молода,
и силы есть, и Божеская милость.
Под семьдесят. Не страшно. Не беда.
Что быть могло — пока что не случилось.

Еще зову к вершинам за собой
других под властью жуткой непогоды...

«Куда ты рвешься? — слышу я порой. —
Угомонись, не забывай про годы».

Мне кажется: еще я хоть куда,
и вспоминать про возраст — неуместно...
...Душа еще, конечно, молода.
И всё ж в метро мне уступают место...

28 августа 2017

ИРКУТСК

В Иркутске сходятся две реки: Иркут и Ангара

Бежит на север сильная, просторная
двух быстрых рек холодная волна...
Соединила здесь сама история
времен непримиримых имена.

Став Октября неосторожным пленником,
дань отдаю вождю и Октябрю...
И вижу: выше памятника Ленину
величественный памятник Царю.

Нет, на Руси монархия не свергнута.
В ней Царь и вождь скрепились на века.
По улицам Урицкого и Свердлова
я вышел к монументу Колчака.

Здесь две реки в один поток сливаются.
Его никто не в силах развернуть...
Здесь два пути страны соединяются
в единый, вечный, неразрывный путь.

25 сентября 2017. Иркутск

ВОДА БАЙКАЛА

Я по нему опять тоскую...
Как долго я спешил туда!..
Была подобна поцелую
Байкала чистая вода.

Вошли в меня сердечной новью
и Ангара, и Усть-Уда...
Как свет небесный Подмосковья —
Байкала синяя вода.

Но если в воздухе кружилось
ненастье хмурое, тогда
в стальном дыханье шевелилась
Байкала серая вода.

Теперь в сибирской ностальгии
душа пребудет навсегда.
Скрывает столько тайн России
Байкала чёрная вода...

7 октября 2017

* * *

Ничего, что глубокая осень,
ничего, что опала листва...
Дождевая закатная просинь
мне чуть слышные шепчет слова:

«Не взыскуй, не кручинься, не сетуй...»
Столько раз это было со мной!..
Гроздь красные яркой приметой
мне бессонный сулят непокой.

«Не зови, не жалея, не прощайся...»
В серых тучах померк небосвод.
Мимо с шумом, как поезд, промчался
леденящий семнадцатый год.

Нескончаемый лиственный ветер.
Зябко в парке от лиственных слёз.
Под ногами в искусственном свете
истлевают убранство берёз.

Дуб качает седой головою,
синь закатную мглой занесло...
Ничего, что не будет покою,
ничего, что иссякло тепло...

19 октября 2017

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Последняя любовь — души живая тайна,
сокрытая от всех, безмолвна и грустна.
Я помню этот день. Мы встретились случайно,
когда в дождях цвела московская весна.

Подвальное кафе писательского дома...
И терпкое вино за столиком в углу..
— Как странно, до сих пор я с вами не знакома, —
сказала и, чутьём недремлющим влекома,
глазами отдалась неясному теплу..

Как странно... Было всё необычайно странно...
Взаимное тепло и глаз, и рук, и губ...
— Нам будет нелегко, — я ей сказал туманно.
И в чувствах, и в словах я был несносно скуп.

Уж столько лет прошло. Безмерная разлука
хранит тепло любви в своих мечтах и снах...
И пишет мне она с тоской: «Какая мука...»
Я отвечаю ей: «До встречи в небесах»...

12 ноября 2017

ПЕРЕКЛИЧКА

Анатолию Аврутину

Подлый мир отказался от наших святынь —
в этом мире другие святыни.
И куда ты свой взгляд беспокойный ни кинь —
всем Россия чужая отныне.

Мир блефует в придуманных снах и во лжи,
в однополой убийственной страсти...
...Где-то детство моё в колосющейся ржи
притаилось, как в маленьком счастье,

засиделось у речки, уснуло в лесу,
закружилось в цветах на лужайке...
Я за пазухой детство, как птаху, несу,
чтоб о нём рассказать без утайки.

Чтоб светилось оно в этих строчках простых,
согревая глаза дорогие,
чтобы в детях, рождённых при песнях иных,
билося вечное сердце России.

...Я под пень сверчка на печи засыпал,
под рассказы о плотнике-деде...
Нам динамик из чёрной тарелки вещал
о вожде, о труде, о Победе...

Мы росли на руинах великой войны,
со страной возвышаясь и каясь,
нас безродные пичкали чувством вины,
от святынь и побед отрекаясь.

Ныне в наших домах тех динамиков нет.
Мы умней и трезвей стали ныне.
Нас в искусственный свет заманил Интернет...
Но в душе — неизменны святыни.

17 ноября 2017

ВЕРА

(В День Архистратига Михаила)

Не мир пришел Я принести, но меч (Мф. 10:34)

В празднословье своем убогом
мир безумный идёт вразнос.
Наши пращуры жили с Богом,
в бой их вёл за собой Христос.

Был безжалостным враг надменный —
вся безбожная мразь и гнусь.
Перед ней не была смиренной
наша вера и наша Русь.

Псов армады французско-прусских
нам хотели замкнуть уста.
И без счёта — погибших русских
за язык и за свет Креста.

Стала доблестью их безмерной
сохранённая русская речь.
Всех мощнее на свете — вера.
Перевёрнутый крест — это меч.

21 ноября 2017

* * *

Перед Распятьем я Бога просил:
«Господи, дай мне успеть,
дай мне набраться немислимых сил —
духом врагов одолеть.
Господи благостный, сколько же их,
подлых, сплочённых во зле,
недругов этих безумных моих
здесь, на родимой земле!..»
Тихо ответил Он мне: «Отойди.
Кайся и плачь во Христе.
Раньше Меня никого не суди.
Я ради всех на Кресте».

18 ноября 2017

НАПОСЛЕДОК

Посвящается Дмитрию Хворостовскому

Как молоды мы были, как молоды мы были...
Хмельные наши кони летели в небеса...
Мы ожиданьем жили, мы Родину любили,
мы слышали в эфире родные голоса.

Пленительные песни, живительные звуки
ласкали нашу юность, бодрили нашу плоть.
Не знали мы ни скуки, ни той сердечной муки,
что сможем со слезами в судьбе перебороть...

Как искренни мы были... По мощным волнам плыли...
Казались неземными заморскому уму...
В заоблачных юдолях, в сиянье лунной пыли
мы ярко проходили сквозь золотую тьму.

...Блестит еще неброский ноябрьский снег московский...
...Затихших губ усталость и щек заправших мел...
Остыли наши кони... Но Дима Хворостовский
во мгле рекламных пауз нам напоследок спел...

29 ноября 2017

* * *

«Украина выше Бога!» —
мразь укропская орёт.
Доскакал до эпилога
обесовленный народ.

Слышен: «Слава Украине!» —
злобный клич из чёрной тьмы.
Воют бесы на Руине...
«Слава Богу», — скажем мы.

Может статья, протрезвеет,
образумится народ...
Но пока он лишь звереет,
«Ще не вмэрла...» — всё поёт.

Мать Божья смотрит слёзно
сквозь донбасские дымы...
Может статья, будет поздно...
«Слава Богу», — скажем мы.

2 декабря 2017

В ПЕЩЕРАХ

Печоры псковские, пещеры...
Дрожащий свет свечей в руках...
Мерцали своды, словно сферы
небесной тверди в облаках.

С тоской душевного похмелья
здесь я, стогрешный, пребывал.
Здесь, в лабиринтах подземелья,
монах нам тайны открывал.

В подземной мгле витал над нами
нетленных старцев глас и слух...

Вливался теплыми волнами
мне в сердце странный сильный дух...

Здесь, как Руси живые стражи,
за веком век — во тьме святой —
лежат молитвенники наши
под монастырскою горой.

Бессмертный дар их мощной веры
из века в век спасает нас.
...Мерцали своды, словно сферы
живых небес, в тот светлый час.

Я слышал ангельское пенье,
огнём сердечным осиян.
И нам вослед духовным зреньем
смотрел Крестьянкин Иоанн...

19 декабря 2017 (День зимнего Николая-Чудотворца)

ДАР ЛЮБВИ

В минуты слабости душевной
в себе глушил я резкий жест.
Перед толпой нещадно-гневной
Он за меня всходил на Крест.

Когда в заклатье поруганья,
жестокий суд людской кляня,
я уходил от наказания, —
Он осуждался за меня.

Не отвести беду руками.
Когда в меня под смех и вой
со всех сторон летели камни,
Он закрывал меня собой.

Я слово правды не нарушу,
стремленью верен одному —
свою еще живую душу,
как дар любви, вручить Ему.

15 января 2018

* * *

В прошлом уже не проснуться,
сколько мечту ни проси...
Всё же в Россию вернутся
аисты Белой Руси.

Мир усмехнётся. И всё же
в прошлое — сердцем вернусь.
Верю, что станет мне тоже
Родиной Белая Русь.

Вместе — уймём ностальгию.
Сильно, мой друг, не грусти.
Верю, вернутся в Россию
певчие Белой Руси.

Песней прольются родною
реки ее и леса...
...Звонко плывут надо мною
Белой Руси голоса.

26 января 2018

* * *

После бури и ливня — покой,
после зноя — лесная прохлада...
Всё, что было на свете со мной,
мне, наверное, помнить не надо.

Это кто-то другой, а не я
канул в прошлое бесповоротно,
в безответных кругах бытия
он мелькнул предо мной мимолётно.

Он кого-то ласкал и любил,
то ли ненависть знал, то ли жалость...
Я об этом легко позабыл,
чтоб сердечная боль отлежалась.

Я не тот, кто ушёл, я другой.
И с собою не вижу разлада.
В снежном парке висит надо мной
после вьюги покой снегопада...

11 марта 2018

* * *

Дышат снегом тучи низкие,
мглой скрывая даль и высь.
Две дороги наши близкие
вместе шли и разошлись.

Шар земной спокойно вертится...
Мчатся порознь два авто...
Нам в пути никто не встретится
и не нужен нам никто.

Наши судьбы разделённые
не сведём ни я, ни ты,
как навеки разведённые
петербургские мосты...

20 марта 2018

АНГЕЛЫ РОССИИ

Мягкие игрушки на снегу погоста...
Всем лесам и весям, всей России слышно:
ангелы Беслана, ангелы «Норд-Оста»
под метелью марта плачут в «Зимней вишне».

Мы застыли снова под дыханьем вышним,
мы опять склонились под огнём незримым...
Детский смех не слышен в чёрной «Зимней вишне»,
детский смех задушен едким жёлтым дымом.

И трепещут свечи в мартовской метели.
И снега слезятся всей бескрайней ширью.
Мягкие игрушки в небо улетели.
Ангелы России плачут над Сибирью.

Соберем в ладони гроздь зимних вишен
и оставим божьим птицам возле храма...
Ангельский, последний будет вечно слышен
голос в телефоне: «До свиданья, мама...»

28 марта 2018

НА КРЕСТЕ

Бессердечность, холодность, фальшивость
умозрений в своей пустоте...
Наш безумный кумир — справедливость.
Мы грешим, а Христос — на Кресте.

И опять, как всегда, безвозмездно
будем лгать, малодушничать, мстить...
Мы достойны лишь огненной бездны,
если нас *справедливо* судить.

Мы об Истине что-то вешаем,
о спасающей мир красоте...
Ни обид, ни долгов — не прощаем.
А святая любовь — на Кресте.

6 апреля 2018 (Великая Пятница)

МАЙСКИЙ ТРИПТИХ

I
Разгулялась весна ненаглядная
в майских, чистых, нежарких лучах.
И прохожей глаза шоколадные
заставляют забыть о годах...

Я и вправду, наверно, не стар еще —
не сгибаюсь под грузом годов...
Мы, как прежде, присели с товарищем
возле речки меж птичьих кустов.

Разложили закуску нехитрую
на душистой, на свежей траве...
А речушка вечерней палитрою
вся сияет в своем естестве.

Накатили винца по стаканчику,
бросив крошки синицам в кусты.
А за речкой горят одуванчики,
эти первые в поле цветы...

2 мая 2018

II

Дарит буйный цвет сирень,
соловей журчит искусно...
В мае каждый дорог день,
с майским днём прощаться грустно.

У кукушки я спрошу,
сколько зим промчалось мимо...
Сладкой влагой подышу
у рябины и жасмина.

В парке, словно во хмелю
от весеннего дурмана, —
взгляд осенний осветлю
белой радостью каштана.

В красных бликах блещет пруд.
Нос в веснушках у девчушки.
Ах, как яблони цветут!
И в пруду поют лягушки!..

16 мая 2018

III

Последний аромат сирени у подъезда
так жалко отпускать опять на целый год...
Седеет, уходя, весенняя фиеста
и снегом лепестков заносит свой уход.

Беспечный месяц май — заманчивый обманщик —
нас чудом одарить старается успеть...
И мой ласкает взгляд последний одуванчик,
чтоб завтра поутру бесследно облететь...

И вскоре тополя назойливой метелью
засыпят, запылят опавший первоцвет.
И только соловей божественной свирелью
наполнит знойный день весной, которой нет...

25 мая 2018

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ

Как же много, друг, хотел успеть я!..
Но река уходит под снега...
За чертой семидесятилетия
ждут меня иные берега.

За спиной — большая жизнь земная,
время взлётов, песен и утрат.
В новый путь зовёт стезя иная...
Нам осталось, друг, взглянуть назад.

Нам осталось, друг, с тоской припомнить
золотые в юности деньки.
И еще — последний долг исполнить
всем пустым наветам вопреки.

Долг последний, лёгкий и безмерный,
как итог сердечных наших сил, —
сбережём в душе своей бессмертной
всех, кто в мире дольнем нас любил.

Мы с тобой, по прошлому тоскуя,
этот свет, мой друг, храним в крови,
чтоб навеки их любовь земную
слить с живой рекой своей любви.

12 июня 2018

* * *

Запах жасмина в маленьком сквере,
нежных соцветий белый туман...
Сон или явь — в этом я не уверен.
То ли не трезв я, то ли не пьян...

Запах жасмина, запах жасмина!..
Летние ночи так коротки,
так мимолётны... В чём же причина
этой внезапной сладкой тоски?

...Светлые ночи, первые встречи,
юные губы, алый рассвет...
Солнце июня, ласковый вечер...
Ранний на сердце горечи след...

Словно ненастье, стихла кручина.
Благостью лета взгляд напоён.
В маленьком сквере запах жасмина —
жизни минувшей явленный сон...

26 июня 2018

* * *

Июльский вечер в парке потемневшем.
Последний вздох тепла и тишины.
Я здесь хочу забыть о наболевшем —
под синим сводом вечной вышины.

Хочу без лишней горечи расстаться
с тем, что ночами не даёт заснуть,
и в этот летний вечер попытаться
легко о прошлом наконец вздохнуть.

Затихли птицы, воздух неподвижен...
Я прошлых снов в глазах не берегу...
Деревьев тени подступают ближе...
Хочу вздохнуть, забыть... И не могу.

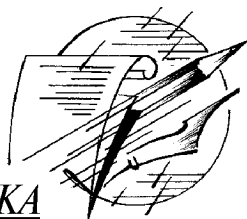
24 июля 2018

ЗАБЫТЫЕ ЖЕРТВЫ ОКТАБРЯ 1993 ГОДА*

Четверть века отделяет нас от трагических событий осени 1993 года. Но по-прежнему многие обстоятельства того кровавого противостояния не выяснены. В частности, замалчивается роль США в разработке и организации механизма провокации и уничтожении защитников Верховного Совета России.

Рано утром 4 октября, ещё до начала штурма здания российского парламента, Павел Юрьевич Бобряшов, находясь на баррикаде, выходящей на Конюшковскую улицу, заметил на крыше здания американского посольства человека. Когда тот человек останавливался, у ног баррикадников чиркала очередная пуля. «Ещё до атаки БТРов, — свидетельствует Анатолий Семёнович Киселёв, — первые отдельные выстрелы раздавались со стороны гостиницы «Мир» и нового здания посольства США. Стреляли снайперы. Появились раненые. При мне одну девушку убило в водовозке. Она сидела в кабине, видимо, отдыхала. Пуля снайпера влетела че-

* Продолжение. Начало в № 10 за 2006, 2009, 2010 и 2013 гг.

рез стекло со стороны американского посольства» (см. фильм В. Новикова «По долгу совести» — 2014 год). Около 7 часов утра Галина Васильевна Рябухина шла от Дома Советов к метро. Видела БТРы. Потом вернулась к зданию американского посольства; наблюдала, как оттуда по бегущим людям стрелял снайпер. Все, даже не сторонники оппозиции, кричали: «Янки, убирайтесь, не смейте стрелять!» (см. аудиоархив Георгия Георгиевича Гусева в Центральном государственном архиве города Москвы).

Бесценны показания бывшего заместителя командующего Воздушно-десантными войсками Виктора Андреевича Сорокина, данные 8 сентября 1998 года во время заседания Специальной комиссии Государственной Думы по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против президента РФ: «Мы продвигались, — вспоминал Сорокин, — со стороны гостиницы «Мир», мимо здания СЭВ. И где-то около 8 часов подразделения выдвинулись к стенам Белого дома. <...> Во время выдвижения подразделения в полку погибло 5 человек и 18 были ранены. Расстреливали сзади. Я сам лично это наблюдал. Стрельба велась со здания американского посольства, с крыши, с колокольни у гостиницы «Мир». Все погибшие и раненые были расстреляны сзади» (Рогозин Д.О. Враг народа. М., 2012. С. 176—177).

Характерно свидетельство фотокорреспондента Владимира Николаевича Машатина: «Когда в 8 час. 30 мин. утра короткими перебежками от Садового кольца по Большому Десятинскому переулку к зданию парламента двинулся Смоленский ОМОН, Валерий Яков мимоходом предотвратил начало третьей мировой войны. На доступном для бойцов языке Яков потребовал прекратить стрельбу по зданию американского посольства, на крыше которого солдаты увидели людские фигурки и приняли этих охранников дисциплины за снайперов Руцкого. К нашему удивлению, командир стрелявших бойцов извинился, сославшись на полное незнание Москвы, и даже отдал Якову свою каску. По посольству его солдаты больше не стреляли» («Новые известия». 2013. 4 октября).

Командирам попавших под обстрел подразделений десантников и таманцев сотрудники Министерства безопасности и МВД говорили, что огонь ведут свои правительственные снайперы, трассовики бывшей «девятки» и неизвестные снайперы с крыши посольства США и его жилого городка, которые, по словам спецслужбистов, никому «из наших» не подчиняются (Мусин М.М. Указ. соч. С. 291).

Вскоре после кровавой развязки Сергей Николаевич Бабурин встретил знакомого фотокорреспондента, который был ранен 4 октября при попытке сфотографировать человека, стрелявшего с территории американского посольства. Снайпер, заметив, что его собираются заснять, выстрелил в фотоаппарат. Объектив был разбит, корреспондент ранен в лицо (см.: «Контекст. Спецвыпуск» (телеканал «День ТВ», 3 октября 2014 года). О снайперах на территории посольства рассказывали и местные жители: «Вижу, — делилась впечатлениями одна из жительниц, — на крыше (такие низенькие дома у них) их снайпер ползёт. Морда — во! (показывает, что лицо снайпера закрыто), каска, ружьё такое длинное-длинное» (Вольская С.А. 1994. Россия, помни! М., 2013. С. 7).

Евгений Львович Маргулян в 7 часов утра стал очевидцем того, как из окна чердачного помещения двухэтажного здания на территории посольства США двое в форме российской милиции и в касках стреляли из пулемёта по баррикаде Горбачёва моста. Другой защитник парламента уточнил, что пулемёт бил из самого крайнего окна справа (если смотреть на здание с площади) (см. аудиоархив Георгия Георгиевича Гусева). Генерал-майор Юрий Вениаминович Колосков, контр-адмирал Равкат Загидулович Чеботаревский и народный депутат России Иван Арчилович Шашвиашвили были вынуждены лечь на пол, когда увидели, что из маленького окошечка «красного» здания американского посольства в сторону Белого дома строчит пулемёт (см. стенограмму заседания Комиссии фракции КПРФ по проверке обстоятельств совершения государственного переворота, повлекшего массовую гибель граждан в сентябре-октябре 1993 года в г. Москве. 20 ноября 2014 года). Художнику Андрею Геннадьевичу Подшивалову местный житель рассказал, что утром 4 октября видел из окна своей квартиры, как один из БТРов, штурмовавших здание парламента, дал очередь туда, откуда стрелял пулемёт.

Российских военнослужащих (нашивки с триколором) в окошечках двухэтажного здания посольства заметил и А.Н. Николаев (Восстание в защиту Конституции. Интервью с защитником Верховного Совета А.Н. Николаевым. 1993—2013). Данные факты говорят о совместной российско-американской операции по ликвидации Верховного Совета РФ.

Очевидно, что защитники парламента были изначально приговорены к расстрелу. Свидетельствует журналист Андрей Владиславович Семёнов (в 1993 году депутат Гагаринского райсовета г. Москвы): «4 октября было известно ещё 21 сентября. Мой коллега по депутатской группе, участвовавший в «Демократической России», об этом знал. Он ещё ве-

чером 21 сентября мне сказал, что 4 октября в Белом доме будет нечто и туда ни в коем случае не следует ходить. На протяжении двух недель, когда я оклеивал свой муниципальный округ депутатскими обращениями, разъяряющими антиконституционность указа, он постоянно предлагал мне поднять мятеж и захватить помещение муниципальной управы, на что я не повёлся» (Православный форум Апостола Андрея Первозванного).

В ночь с 27 на 28 сентября Дом Советов организованно покинула охрана Р.И. Хасбулатова. Из сорока с лишним человек остались только двое. Накануне начальник Службы безопасности председателя Верховного Совета Евгений Ситников заявил начальнику охраны А.В. Руцкого Владимиру Тараненко следующее: «Мне передали «оттуда», что скоро всем тут конец настанет. Это точная информация, можешь не сомневаться» (Тараненко В.Н. Урок демократии. М., 2008. С. 442).

28 сентября народный депутат России Р.С. Мухамадиев встретился с генеральным прокурором В.Г. Степанковым. Валентин Георгиевич отвел Рината Сафиевича в сторону и сказал: «Если хочешь знать, мы все тут всего лишь пешки. И никто не обратит внимания на то, какой ход пешки делают. Течение событий не сможет изменить даже Ельцин. Он сам показался мне заложником. Значит, и ему так велено, так решено. В здании Верховного Совета прольётся кровь» (Мухамадиев Р.С. Крушение: хроника бешеных дней. М., 2002. С. 134). Вспоминает Олег Германович Румянцев (в 1990—1993 годах народный депутат России): «Мне врезалась в память встреча с Лобовым, секретарём Совета безопасности, 28—30 сентября, в один из этих дней. Я говорю: «Олег Иванович, скажите, будет политическое решение?» Он берёт блокнот и пишет: «Олег, увы, политического решения не будет» (см. запись телепрограммы «Суд времени», вышедшей в эфир на Пятом канале 2—3 августа 2010 года).

28—29 сентября Сергей Васильевич Свойкин дежурил на баррикаде Казачьей заставы со стороны парка (на пересечении Дружинниковской улицы и переулка Капранова). Офицер из милицейского оцепления сказал: «3 октября будет провокация, 4-го вас возьмут. У нас приказ на 4-е». Кроме того, в дни противостояния Сергею Васильевичу удалось побеседовать со своим братом, военнослужащим ОМСДОНа, который рассказал о том, что у них уже есть приказ 4-го идти в наступление (Бузгалин А.В., Колганов А.И. Кровавый октябрь в Москве. М., 1994. С. 48). Вячеслав Александрович Кондрашкин запомнил, что числа 29–30 сентября за оцеплением на Дружинниковской улице появились «краповые бе-

реты», которые кричали баррикадникам: «4-го числа мы вас перестреляем, как собак» (см. фильм Студии православных фильмов во имя Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова «Свидетельства офицеров 1-го Московского добровольческого полка особого назначения имени Верховного Совета РСФСР» — 2013 г.).

1 октября, в пятницу, советник А.В. Руцкого Евгений Витальевич Гильбо встретился с полковником Генштаба, который сообщил, что на воскресенье назначены провокации. Милицейские заслоны получили указание только провоцировать демонстрантов на беспорядки, а затем отходить. На понедельник был назначен штурм Дома Советов («Площадь Свободной России». М., 1994. С. 49).

Вечером 2 октября руководителей ГУВД Москвы собрали на экстренное совещание. Вспоминает бывший начальник МУРа Юрий Григорьевич Федосеев: «Торжественный в парадной форме Панкратов (в 1992—1995 годах начальник ГУВД г. Москвы) в присутствии внешне беспристрастного руководителя администрации президента Филатова и лощёного вице-преьера Сосковца, которые должны были как бы подтвердить высочайшее одобрение всего происходящего, поставил задачу «по обеспечению общественного порядка во время митинга и *несанкционированного шествия от Октябрьской площади к Белому дому*» (Федосеев Ю.Г. Записки начальника МУРа. М., 1996. С. 203).

Приведём свидетельство офицера милиции о событиях 3 октября: «Мы стояли в числе других подразделений на Ленинском проспекте, перегораживая подходы к Октябрьской площади. Около двух часов к нам стала приближаться колонна людей. Мы построились в несколько рядов, готовясь отразить попытки прорыва. <...> В надвигающейся колонне было около тысячи человек. Когда мы сомкнули щиты, неожиданно поступил приказ отходить. <...> Мы позволили соединиться им с толпой у Калужской площади» («Народная защита». 1994. № 1. С. 4).

По словам чешского фоторепортёра Войтеха Лавички, «дзержинцы» рассказывали интересные вещи — что у них отобрали оружие, что они были очень уставшими, потому что несколько дней подряд дежурили. И когда на них двинулась толпа, они получили команду уходить («Площадь Свободной России...» С. 99).

Публицист Олег Анатольевич Платонов встречал народное шествие на Смоленской площади, где были сосредоточены значительные силы милиции и ОМОНа, построенные в несколько плотных шеренг. Садовое кольцо перегораживали сомкнутые

ряды автобусов и тяжёлых грузовиков. Находясь рядом с оцеплением, Олег Анатольевич слышал, как по милицейской радиации неоднократно раздавался приказ: «Снимайте посты, отходите в переулки». Милиция и ОМОН организованно снимали оцепление и уходили («Русский вестник». 2017. № 20. С. 8).

Виктор Михайлович Сурженко шёл в колонне сторонников парламента от Октябрьской площади к Дому Советов. По его словам, «один из мужичков в телогрейке, рядом с ним, выкладывал из сумки заранее заготовленные камушки, чтобы бросать в оцепление. Были и другие такие *мужички*». Позже, когда с балкона здания парламента выступал Руцкой, Виктор Михайлович заметил в толпе группу прилично одетых *мужичков*, которые дружно начали скандировать: «В Останкино!». Вскоре после этого эпизода Н.А. Сорока услышал от знакомого журналиста CNN Брюса следующее: «Вас сегодня начнут стрелять: сначала в Останкино, там заготовлена западня. Жалко ребят, которые поехали» («Новый город». 2003. 2 октября).

Неизвестные подробности бойни в Останкино сообщил В.М. Сурженко. Когда у телецентра появились БТРы и начали преследовать собравшихся, люди побежали в сквер, стали прятаться за деревьями. БТРы, дав очереди над головами, опустили стволы и ударили на поражение. Затем приостановили стрельбу и начали объявлять: «Вы находитесь в зоне боевых действий. У нас приказ освободить эту территорию. Даём вам 3 минуты. В противном случае, мы вас будем *немножечко стрелять*». Последние слова были произнесены как бы с немецким акцентом.

Люди начали выходить. БТРы возобновили огонь на поражение. Прожекторами высвечивали прячущихся за деревьями и расстреливали. Освещали лежащие на земле трупы и стреляли. От убитых летели ошметки мяса. Виктор Михайлович видел, как БТР снёс хвостовую часть машины скорой помощи. Легковушка, где находились мужчина и женщина, была раздавлена в лепёшку.

Сурженко и ещё около 200 человек прятались за двумя стоящими по диагонали туалетами. Из-за угла того укрытия, которое располагалось ближе к дороге и где прятался Виктор Михайлович, вышел парень и в эмоциональном порыве начал кричать на БТРы. Ударил крупнокалиберный пулемёт, и парень упал. Головы у него не было — разлетелась.

По свидетельству Сурженко, всего к телецентру прибыло 6 БТРов. Три стреляли непосредственно по ним; один ездил вдоль главного корпуса, а также вёл огонь и по ним; ещё два стреляли около техкорпуса.

Оценив обстановку, Виктор Михайлович перебежал к другому строению, которое располагалось приблизительно в 50 метрах от первого. Там он обратился к майору Гусеву, прибывшему на защиту парламента из Петербурга: «Либо нас всех расстреляют из пулемёта, либо поодиночке. Вы действующий военный, принимайте командование». Гусев спросил: «Обратно сможешь добежать?» Сурженко ответил: «Смогу». Майор посоветовал: «Только не по прямой, петляй как заяц!». И ещё сказал: «Строй людей на десятки, и по моей отмашке выпускай. Считай до десяти и выпускай следующую десятку».

Виктор Михайлович перебежал обратно и начал строить укрывшихся на десятки. В каких-то группах оказалось по 11 человек. Некоторые просили: «Можно мы пойдём вместе?» Гусев выпускал людей из-за угла одного строения, Сурженко из-за угла другого. Всего у майора оказалось 12—13 групп, у Виктора Михайловича — 11—12, примерно по 10 человек в каждой. Но спаслись немногие. Десятка распространялась немного вширь и бежала по прямой. БТРы прожекторами высвечивали бегущих людей и расстреливали. Первые десятки все полегли. Тех, кто пытался помочь раненым, тоже расстреляли. Например, убили мужчину, который ташил раненого. Среди погибших были мужчины и женщины.

До относительно безопасного места из последней десятки Сурженко добежали он сам и ещё один человек. БТРы били в спину. Виктор Михайлович видел, как рядом падали люди. Из последней десятки Гусева вышел один Гусев (майор погиб 4 октября во второй половине дня в Белом доме; в официальном списке жертв не значится).

Вспоминает художник Алексей Беляев-Гинтовт: «Нам попался какой-то автобус, в который заскочило несколько человек. Они приняли решение штурмовать линию обороны. Мы пытались выбраться из автобуса. Кто-то кричал: «Впереди танки!» Но водитель уже на предельной скорости рванул вперёд. Потом почему-то врезался в дерево и первым выскочил через узкую дверь. За ним повалили остальные. Их-то и накрыло двумя пулемётами. Туда же сошлось несколько прожекторов. И на той лужайке, как мне показалось, в живых никого не осталось... Жёлтое такси с шашечками несётся в сторону телецентра. Навстречу выезжает БМД, и вдруг курсовой пулемёт бронемашины открывает кинжальный огонь практически в упор. Они продолжают сближаться. Я вижу, как такси, пропоротое этой очередью, медленно переворачивается через голову. Но пулемёт не унимается, и машина несколько раз кувыркается» (См. «Народное восстание 1993 года. Воспоминания участников» — телеканал «День TV», октябрь 2012 года).

Местные жители говорили, что одиночные выстрелы у телецентра раздавались до 4 часов утра. Писателю Сергею Александровичу Шаргунову знакомый милиционер рассказывал о том, что в ночь на 4 октября участвовал в вывозе тел погибших от телецентра. Грузовики направляли в Подмосковье на северо-восточную окраину г. Пушкино, где трупы захоранивали на кладбище «Новая Деревня».

Штурм Дома Советов утром 4 октября начали БТРы со стороны Краснопресненской набережной и Дружинниковской улицы. Художник Андрей Геннадьевич Подшивалов прилёг отдохнуть в «каморке» под центральной лестницей Белого дома. Вскоре на Краснопресненскую набережную ворвались БТРы и открыли огонь. Подшивалов побежал в сторону мэрии. Во время движения увидел, что мужчина, находившийся на проезжей части между Калининским (Новоарбатским) мостом и пандусом и державший огромный красный флаг, вдруг начал кружиться вокруг своей оси, как бы заворачиваясь в полотно, и завалился.

Эдуард Петрович Соломкин дежурил на сооружённой в ночь с 3 на 4 октября баррикаде, перекрывавшей улицу Заморёнова в направлении станции метро «Улица 1905 года». К утру на баррикаде оставалось 5—7 человек. Со стороны улицы Красная Пресня на 1-ю Дружинниковскую улицу въехали три БТРа. Около киноцентра 5—6 вооружённых людей, одетых в камуфляжную форму, были уничтожены пулемётным огнём. Старшему в той группе (мужчине в возрасте от 40 до 50 лет) перебило ноги. Двое попытались бежать, но их срезало очередь. Тела защитников «баррикады» были разбросаны по сторонам. Два БТРа поехали дальше по Дружинниковской улице, третий свернул направо и, развалив баррикаду, перекрывавшую улицу Заморёнова (людей на баррикаде уже не было), вернулся на перекрёсток («Забайкальский рабочий». 2003. № 190. С. 13).

Три БТРа, обогнув по переулку Глубокому здание парламента, вышли к баррикадам, перекрывавшим Рочдельскую улицу. «На левом фланге, где стояли вооружённые казаки, обозначилось какое-то передвижение, — вспоминал Ю.Г. - Кацап. — Укрываясь за стенкой, отделявшей скверик от проезжей части дороги, казаки продвигались на сближение с БТРами. Раздалось несколько автоматных очередей с их стороны. Одна из машин вышла на позицию в непосредственной близости с баррикадой и резанула пулемётным огнём в сторону казаков, а потом и в нашу сторону. Огонь был пока предупредительным по верх голов. <...> БТР пошёл на таран, поливая пулемётным огнём как казаков, так и наш фланг.

Баррикада была разрушена в течение двух-трёх минут. Кого-то из казаков ранили. Под прикрытием стенки они начали отступать к восьмому подъезду. <...> Стрелявший БТР отошёл на исходную позицию, подразвалив остатки баррикады и прекратив пальбу» (Кацап Ю.Г. «Демгулаг на Красной Пресне». М., 1993. С. 52—53).

Геннадий Владимирович Бородулин дежурил на баррикаде, которая была сооружена на дальних подступах к Дому Советов, перегораживая Рочдельскую улицу у дома 14, и состояла из опрокинутых поливальных машин. В 6 часов утра 4 октября подполковник, в чьём подчинении были бойцы роты, охранявшие баррикаду, выдал им огнёмёт. В 6 час. 30 мин. 5 ополченцев, в том числе и Бородулин, направились к зданию парламента просить оружие и, получив отказ, повернули обратно к своей баррикаде. Вскоре началась стрельба, и они поднялись на крышу дома 11/5. В переулке Глубоком цепочкой выстроились четыре БТРа. Попытка кинуть в бронемашину бутылки с зажигательной смесью закончилась неудачно. После чего баррикадники перешли на крышу дома 4 по улице Николаева, спустились на лифте вниз и вышли из подъезда. На проезжей части заметили труп. Там же, на улице Николаева, недалеко от торца дома 11/5 увидели двоих убитых ополченцев. Одного Геннадий Владимирович узнал — это был парень из их роты. Рядом с убитым лежал огнёмёт.

Когда Бородулин и его спутники перебежали улицу, по ним от дома 12 по Рочдельской улице открыл огонь БТР. Удалось забежать во двор школы (ул. Николаева, 5) и укрыться за входом в бомбоубежище. Вместе с ними там залегли ещё 5 человек. Другой БТР, который остановился напротив Трёхгорной мануфактуры, начал стрелять с противоположной стороны. Каждый из БТРов дал по две длинные очереди через короткие интервалы. БТР, стрелявший от Трёхгорки, бил низко — пули цокали об асфальт. Очереди другого (бронемашинка оказалась несколько выше мишени) проходили в основном на уровне первого этажа здания школы. Бились стёкла, осыпалась штукатурка. Лежали минут 5. Появились «пехотинцы», и БТРы прекратили огонь. Небольшими группами пришлось прорываться к Трёхгорной мануфактуре.

Примерно в 6 час. 40 мин. утра В.М. Сурженко, заслышав выстрелы, выскочил из четырнадцатого подъезда и наискосок перебежал к баррикаде Казачьей заставы, где угол стадиона. От восьмого подъезда долетали пули. Недалеко от угла стадиона стояла большая палатка, где находились женщины разного возраста. Одна из них стала звать Сурженко в палатку: «Иди сюда, иди к нам, в палатку. Куда ты? Сейчас

там танки пойдут». Одной рукой она хватала его за одежду, другой открывала палатку. Виктор Михайлович свернул на Казачью заставу и пошёл вдоль стены стадиона. По Дружинниковской улице поднимались 2 БТРа, которые не стреляли. Сурженко обогнул стадион. На пересечении Конюшковской и Заморёнова столкнулся с группой людей в чёрных куртках с помповыми ружьями и «калашами», поймав «звериный» взгляд одного из них. Боевики вначале растерялись, потом начали стрелять Виктору Михайловичу вдогонку, но пули попадали в стену стадиона. Выбежав на площадь, к баррикадам Горбатого моста, он побежал в двадцатый подъезд. Заметил БТРы, которые прорвались со стороны мэрии («книжки»): один ездил по площади и стрелял, другой втапывал в землю ту палатку, мимо которой Сурженко недавно проходил. БТР кружился на палатке: делал круг, увеличивал радиус охвата, снова кружился. Расстрел палатки видел и Станислав Дмитриевич Полунин.

Свидетельствует И.А. Шашвиашвили: «Я видел, когда они ударили из крупнокалиберного пулемёта по палатке. Палатку сняло, как ветром сдуло, и они ударили по людям. Летел пух, наверное, летели какие-то ошмётки, скорее всего, это части тела человеческого» (см. стенограмму заседания Комиссии фракции КПРФ по проверке обстоятельств совершения государственного переворота, повлекшего массовую гибель граждан в сентябре-октябре 1993 года в г. Москве. 20 ноября 2014 года). Подполковник Владимир Викторович Федосеенков наблюдал из окна здания парламента (был в восьмом подъезде на третьем этаже), как на площадь въехали БТРы, с ходу смели (всем своим огнём) палатки и проехали по ним. Один молодой паренёк пытался укрыться за столбом, но его расстреляли прямо в упор уже тогда, когда БТРы остановились. Когда БТРы ушли, у костров и палаток осталось несколько десятков неподвижно лежащих людей.

В самом здании парламента число погибших увеличивалось с каждым часом штурма. Сергей Валентинович Рогожин поднимался до седьмого этажа. На лестницах, в коридорах и кабинетах видел убитых. О десятках погибших в здании свидетельствует и Андрей Леонидович Кузнецов: на лестничных маршах, на лестничных площадках лежали трупы («тут пять человек, там трое или четверо»). В.М. Сурженко поднимался до четвёртого этажа. В коридорах видел тоже как минимум несколько десятков погибших. Незадолго до выхода из Белого дома (оставался в здании до 16 часов) Виктор Михайлович зашёл в туалет: перешагнул порог, его ботинки погрузились в какую-то жижу, чиркнул спичкой — оказа-

лось, что у входа образовалась большая лужа крови, которая натекла от трупов, сложенных штабелем в 2—3 уровня с трёх сторон у стены.

Владимир Александрович Гришин (в 1993 году депутат Балашихинского горсовета) свидетельствует о том, что в одном из помещений метров шесть в ширину и двадцать в длину весь пол был устлан трупами (см. стенограмму заседания Комиссии фракции КПРФ по проверке обстоятельств совершения государственного переворота, повлекшего массовую гибель граждан в сентябре-октябре 1993 года в г. Москве. 22 мая 2014 года). В разгар штурма Р.С. Мухамадиев слышал от своего коллеги-депутата Ивана Сергеевича Савченко, врача-нейрохирурга, избранного от Мурманской области, следующее: «Уже пять кабинетов забиты мёртвыми. А раненых не счесть. Более ста человек лежат в крови. Но у нас ничего нет. Нет бинтов, нет даже йода...»

Число погибших значительно увеличил обстрел Дома Советов танковыми снарядами. От непосредственных организаторов и руководителей обстрела можно услышать, что по зданию стреляли безобидными болванками. Например, бывший министр обороны П.С. Грачёв заявил следующее: «Мы выстрелили по Белому дому шестью болванками из одного танка по одному заранее выбранному окну с целью вынудить заговорщиков покинуть здание. Мы знали, что за окном никого не было» (Аргументы и факты. 2004. № 41. Приложение «Москва». С. 22).

Однако свидетельскими показаниями полностью опровергаются подобного рода высказывания. Руководитель коммерческой фирмы Александр Анатольевич Семин, выполняя задание Анатолия Дмитриевича Цыганка, начальника Московского городского штаба народной дружины, 4 октября выехал к Белому дому. «У гостиницы «Украина», — вспоминал Семин, — стояли танки, три или четыре, и в этот момент не стреляли. Я подъехал к одному, постучал по броне — вылезает подполковник. Я говорю: «Капитан I ранга Семин, приехал по поручению мэра». Он отвечает: «Начальник штаба Кантемировской дивизии». Я продолжаю: «Народ вот обижается, что вы не стреляете, холостыми хлопаете». А он: «Да они что там?! Мы по окнам стреляем. Я вот весь боекомплект уже расстрелял. Жду, чтобы новый привезли» (Цыганок А.Д. Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991—993. М., 2012. С. 364).

В.А. Гришин во время штурма поднялся на четырнадцатый этаж. Там он увидел обгоревшие трупы мужчин и женщин в гражданской одежде. Председатель Верховного Совета Республики Хакасия В.Н. Штыгашев приводит слова,

произнесённые бывшим президентом Республики Ингушетия Р.С. Аушевым после выхода из Белого дома: «Валяется мясо, кишки, детские ножки в сандаликах... Никогда не прощу!» (Шербаков А. Тени «Чёрного октября». Российский писатель. 2016. 3 октября).

«Как танкист говорю, что стрельба велась штатными танковыми снарядами — кумулятивными и осколочно-фугасными, — оценивал ситуацию Владислав Алексеевич Ачалов (исполняющим обязанности президента А.В. Руцким назначен министром обороны). — От кумулятивных снарядов начались пожары, т.к. кумулятивная струя огромной температуры пробивает не только броню, но и бетонную стену значительной толщины» (Ачалов В.А. Я скажу вам правду. Кн. 2. Мера воздействия — расстрел. М., 2010. С. 224—25).

Андрей Фёдорович Дунаев (исполняющим обязанности президента А.В. Руцким назначен министром внутренних дел) шёл по коридору 5-го этажа, когда раздался очередной взрыв. После чего на стене Дунаев увидел отпечаток человека, вероятно, от прямого попадания кумулятивного снаряда («Экспресс-газета». 2008. № 40. С. 8; информация подтверждена А.Ф. Дунаевым и в личной беседе с автором этих строк). Выжженные силуэты людей на стене в коридоре 5-го этажа заметил и Станислав Дмитриевич Полуниин.

Ворвавшиеся в здание парламента штурмовики расстреливали безоружных людей, в том числе и корреспондентов. Во время штурма в холле четырнадцатого подъезда находились иностранные журналисты: снимали происходящее на камеру, установленную на полу. Их было четверо. Когда обстановка стала накаляться, В.М. Сурженко и его спутники предложили журналистам покинуть вестибюль. Говорили им: «Идём, идём». Но те отказывались, отвечали: «No, press, press!» Показывали бейджики. Виктор Михайлович и его товарищи начали подниматься на второй этаж. Слышали, как в холл ворвались каратели и открыли огонь. Приблизительно через 30—40 минут Сурженко вновь оказался в том же холле. На полу лежали расстрелянные журналисты. Валялась разбитая камера. В официальном списке погибших те журналисты не значатся.

Расстрелы продолжились во дворах и подъездах жилых домов и на стадионе «Асмарал» («Красная Пресня»). Сергей Манукович Золотарьян и трое его невольных попутчиков в ночь с 4 на 5 октября скрывались от карателей в подъезде жилого дома. Примерно до 12 часов ночи с улицы доносились автоматные очереди, потом были слышны одиночные выстрелы: последний был ровно в 3 часа ночи. Когда в девять

том часу утра выходили из подъезда, встретили двух местных жительниц, которые рассказали, что люди, спасавшиеся от стрельбы, забежали на хоккейную площадку напротив дома и, добежав до противоположной стены площадки, уткнулись в высокую сетку. И тут их заблокировали омовцы, открыв огонь на поражение. Собрали трупов 60.

В июле 1994 года к Сергею Васильевичу Свойкину (в дни противостояния состоял в казачьей сотне В.И. Морозова) на Дружинниковской улице подошёл мужчина, житель дома по переулку Глубокому, и рассказал, что около 7 часов утра 5 октября 1993 года он посмотрел в окно и увидел трупы, разбросанные по двору. Причём все убитые были раздеты. Вскоре подъехали люди, покидали трупы, как баранов, в грузовики и уехали.

Подполковник, который в 1993 году служил в группе «Альфа» говорил И.А. Шашвиашвили, что после штурма Белого дома видел, как подъехала спецмашина, откуда омовцы вывели группу задержанных, среди которых были женщины, завели на стадион и расстреляли.

Несколько суток из Дома Советов вывозили тела погибших. Бывший военнослужащий 27-й отдельной мотострелковой бригады признал, что на военных грузовиках из Белого дома вывозили трупы и что он находился за рулём одного из тех грузовиков. На вопрос: «Сколько вынесли тел погибших и куда их вывезли?», бывший военнослужащий не смог ответить. Только сказал: «Нам не разрешали смотреть, сколько загружают трупов». Как уверял невольный шофёр, в перерыве между рейсами он зашёл в кабинет на цокольном этаже. Кабинет до уровня подоконника был завален изъятыми документами (паспорта, удостоверения и т.д.).

Зять Георгия Георгиевича Гусева в то время работал водителем автобазы. По его словам, грузовики-фургоны их автобазы, которые обычно использовались для перевозки продуктов, после расстрела парламента были задействованы в вывозе трупов из Белого дома. Сам он сделал один ночной рейс и доставил трупы в морг.

Бойцы софринской бригады, которые после окончания штурма дежурили в здании парламента, рассказывали журналисту Владиславу Шурыгину, что ночью была подогнана баржа, куда стали загружать трупы. Сколько туда загрузили, они не знают (см. «Народное восстание 1993 года. Воспоминания участников. Владислав Шурыгин» — телеканал «День ТВ», октябрь 2012 года).

По свидетельству Е.Л. Маргуляна, когда 4 марта 1994 года из Лианозовского трупохранилища увозили хоронить Сергея Новокаса, туда привезли большие деревянные ящики, в

каждый из которых стали укладывать по четыре трупа в полиэтиленовых мешках. На вопрос Евгения Львовича «Куда их?» рабочий ответил, что, поскольку прошёл срок хранения, кремировать.

В 1998—1999 гг. в Южном Бутове шло большое строительство. В одном из котлованов рабочие обнаружили контейнер с человеческими останками. Изымать находку приехала группа спецслужбистов. Один из рабочих пришёл в редакцию газеты «Завтра» и рассказал о случившемся (см. «Народное восстание 1993 года. Воспоминания участников. Владислав Шурыгин» — телеканал «День TV», октябрь 2012 года).

Официально в кровавых событиях октября 1993 года пропавших без вести не было. Однако многие так и не дождались своих родных и близких. 4 октября 1993 года в расстрелянном Доме Советов командир 4-го мотострелкового батальона Добровольческого полка Михаил Иванович Чучалин договорился с командирами рот встречаться раз в месяц в определённый день у баррикады батальона. Всего состоялось три или четыре встречи. Михаилу Ивановичу передавали там записки, полученные от родственников людей, которых не смогли найти после трагической развязки. Записки были следующего содержания: «Не можем найти. Понятно, что погиб. Помогите!»; «Помогите, пропал единственный кормилец!» Обратилось за помощью три или четыре семьи, в частности, из Тульской области и г. Ейска Краснодарского края. Чучалин собирал для них деньги. По неофициальным данным, во время тех событий пропали без вести пять жителей Щёлковского района Московской области.

Вот что рассказал журналист Владислав Шурыгин: «Белый дом защищал один из моих знакомых, он учился в Академии. Если не ошибаюсь, он тогда был подполковником. И его отец, полковник, приехал из Минска. Вечером 3 числа сын ушёл на дежурство. А отец остался защищать Белый дом. И с тех пор он пропал бесследно. То есть он вообще исчез» (см. фильм В. - Новиковой «1993-й: год кровавого перелома» — 2013 год).

Среди пропавших без вести оказалось немало жителей Москвы. В середине 1990-х гг. Андрей Геннадьевич Подшивалов, один из организаторов «Вахты памяти» и автор мемориального комплекса на Дружинниковской улице, разговаривал с молодым человеком 16—17 лет, москвичом. Юноша рассказал, что его отец, который работал в АНПК «МиГ», в 1993 году ушёл на защиту парламента и пропал без вести. В официальном списке погибших отец не значится.

Не нашла своего сына и Людмила Николаевна Голикова. Андрей Юрьевич Голиков участвовал в Афганской войне,

получил инвалидность (по причине производственной травмы). В 1993 году ему исполнилось 28 лет. Ушёл на защиту Верховного Совета. 3 октября после прорыва блокады звонил маме, Людмиле Николаевне, из квартиры своего друга, который жил на Пресне. Андрей сказал: «Мама, не волнуйся! Мы у Белого дома. Здесь происходят интересные события». 4 октября пропал без вести. Людмила Николаевна подала заявление, ездила на опознания в морги, но о судьбе сына так ничего и не выяснила. Мама Андрея умерла в 2011 году. О семье Голиковых рассказал Вячеслав Константинович Белов, который работал вместе с Людмилой Николаевной.

26 ноября 2013 года на «Народном радио» (Москва) состоялась программа, посвящённая жертвам «чёрного октября». Через несколько дней после эфира позвонила слушательница из района Люблино и рассказала о коллеге по работе. Жирков Геннадий Фёдорович ушёл на защиту Дома Советов и после октябрьской бойни пропал без вести.

Работу по установлению имён погибших, которые не значатся в списке Генпрокуратуры, координировал председатель Союза жертв политического террора капитан 1-го ранга Виктор Алексеевич Мовчан (умер 8 августа 2005 года). По состоянию на 2003 год в списке Мовчана числилось более 700 имён погибших.

Во время штурма Дома Советов погибли священники. Гибель одного из них видели, по меньшей мере, пятеро: ветеран Великой Отечественной войны Алексей Сидорович Дядченко, полковник Юрий Фёдорович Ерёмин, певица Тамара Ильинична Каргинцева, депутат Анатолий Михайлович Леонтьев, инженер Станислав Дмитриевич Полунин.

17 октября 2014 года автору этих строк удалось поговорить с Ю.Ф. Ерёминим. Когда начался штурм (около 7 часов утра), Юрий Фёдорович находился в двенадцатом подъезде на втором этаже Белого дома и наблюдал из окна то, что происходило на улице. Видел, как по площади ехал БТР и стрелял из крупнокалиберного пулемёта. На броне сидели автоматчики в камуфлированной военной форме и тоже стреляли по людям перед зданием парламента. Примерно посередине площади, где-то напротив четырнадцатого подъезда, по направлению к БТРу шёл священник, подняв икону над головой. Ерёмин не смог рассмотреть лица батюшки, т.к. видел его с боку и со спины (священник шёл спиной к Горбатовому мосту). Батюшка был убит не то очередью из БТРа, не то автоматной очередью с брони. Поскольку другой БТР, который пытался переехать баррикаду Казачьей заставы, развернулся и открыл огонь по окнам двенадцатого подъезда, Юрий Фё-

дорович был вынужден отойти от окна. Спустя некоторое время он снова выглянул в окно и увидел, как солдаты оттащили тело батюшки к деревьям где-то между зданием Приёмной и Казачьей заставой. Со священника стекала кровь. Около 7 часов вечера Ерёмин оказался на Дружинниковской улице. У торца дома 11/2 он заметил два трупа. Из-за длинной одежды подумал, что женщины. Присмотрелся — два убитых священника. Юрий Фёдорович остановился, снял фуражку. От батюшек стекали струйки крови.

В аудиоархиве Георгия Георгиевича Гусева сохранилось следующее свидетельство: «Батюшку, который ходил, не можем найти. Многие говорят, что его убили у торца жилого дома, который напротив Верховного Совета (дом 11/2 по Дружинниковской улице, у торца которого, судя по свидетельству Ю.Ф. Ерёмина, лежали тела двух убитых священников). Кровь от убитых из-за сухой погоды высохла. А из-за дождливой погоды на девять дней кровь стала растворяться и текла ручьями в нескольких местах. Вот как раз напротив торца этого дома — сильно».

Найдены ли очевидцы гибели другого батюшки? В интервале от 11 до 12 часов дня 4 октября В.М. Сурженко наблюдал из окна Дома Советов, как на середину площади вышел священник. Батюшка шёл со стороны двадцатого подъезда по направлению к стадиону. На руках вроде бы был ребёнок («торчала головка»). Раздалась очередь, и священник начал падать.

Накануне расстрела парламента архимандрит Кирилл (Павлов) прислал своим духовным чадам сообщение, что будет бойня и надо уходить из Белого дома. Вспоминает О.А. Платонов: «У меня в глазах до конца жизни останется умирающий в корчах мужчина лет сорока, лежащий на площадке у телецентра и обращающийся в сторону стрелявших с библейскими словами: «Кровь наша на вас и детях ваших» (Русский Вестник. 2017. № 20. С. 9). Инокния из Дивеева сообщила протоиерею Александру Шаргунову, что в ночь с 3 на 4 октября на монастырских крестах и куполах был отсвет красной луны, казавшийся кровавым, и старая монахиня сказала: «В Москве пролилась христианская кровь» (см.: Александр Шаргунов, протоиерей. «Ещё раз об октябрьских событиях 1993 года». Русская народная линия (Интернет-ресурс). 2017. 5 октября).

Свидетельствует Леонид: «Один парень в ночь перед расстрелом (ещё не было стрельбы) спал. Ему, видимо, приснился вещий сон. Проснувшись, он сказал: «Жаль, ничего не получилось у нас, сегодня утром убьют». Причём так совершенно спокойно, как совершившийся факт. Многие просто

были избраны для этого» (см. фильм Студии православных фильмов во имя Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова «Свидетельства защитников Дома Советов и очевидцев событий в Москве в сентябре-октябре 1993 года». Часть 2. 2013 год).

11 октября 1993 года восемнадцатилетний Женя Виноградов должен был идти служить в армию. Техникум, в котором учился, не нравился. Мама, Александра Евгеньевна, спросила: «Женя, ну почему в армию? Закончи обучение. Давай найдём, где ты можешь учиться, ты переведёшься». Он ответил: «Нет, я пойду в армию, я должен посмотреть, что такое армия. Понимаешь, мама, пройдёт жизнь, и я спрошу себя, что я сделал для людей. Я должен знать, что я себе отвечу». 4 октября недалеко от Белого дома Евгений Виноградов был смертельно ранен. У Жени на обороте записной книжки была иконка Николая Чудотворца, но принять таинство крещения он не успел. Александра Евгеньевна пошла в церковь на Якиманке. Священник сказал, что много людей приходит, и благословил недельное послушание — пост. Спустя неделю батюшка прочитал молитвы и пояснил, что «грех некрещения снят».

Вот на что обратил внимание Андрей Леонидович Кузнецов: «Меня поразило, почему-то вот у очень многих убитых были какие-то очень сходные черты. Как правило, это были мужчины в возрасте где-то 30—40 лет, бородастые и очень напоминающие православных верующих, священников или, во всяком случае, прихожан церкви. И все трупы были очень худые. Понятно, что когда человек умирает, у него черты лица заостряются и цвет кожи меняется. Характерно то, что они все имели какую-то такую сходную внешность в этом плане» (см. стенограмму заседания Комиссии фракции КПРФ по проверке обстоятельств совершения государственного переворота, повлекшего массовую гибель граждан в сентябре-октябре 1993 года в г. Москве. 26 февраля 2015 года).

Вспоминает Сергей из Костромы: «Где-то году в 94-м от матери услышал, что накануне бойни в Москве она видела в небе Крест. Спросил: почему сразу не сказала? Ответ был: «Испугалась». В 97 году слушаю юбилейную «Встречу с песней». Зачитывает В.В. Татарский письмо от одной из слушательниц. Тот же 93-й год; июль вроде. И тоже — Крест в небе, восьмиконечный, православный».

ДАЧНИК

РАССКАЗ

Прежде Шулятьева раздражала дачная фанатичность друга. Конечно, он начальник конструкторского бюро и может более-менее свободно своим рабочим временем распоряжаться. Но нельзя же так злоупотреблять положением. Полвторого — а он уже мчится на электричку, на дачу. До неё друзья после работы или оставались в КБ стопку-другую пропустить, или в бывалую кафешку направлялись. И вот злополучная дачка появилась. Был друг — и не стало друга... Приглашал, восторженный, Шулятьева с женой к себе, на природу. И не раз. Отмахивался тот: дескать, что среди скворечников делать? Не зря один из «жванецких» съязвил, что русский обыватель — это шесть соток и томик Пушкина на полке. Смилостивился, избранный: оставил-таки русской серости Пушкина.

Вскорости друг на заслуженный отдых засобирался, дабы полностью своей дачке отдаться. Встревожился Шулятьев: уйдет он, а на его место одна мымрочка карьерная метит, желчная разведёнка, вернее, брошенка. С ней по телефону-то тяжело разговаривать: от трубки будто угарный выхлоп шибает — такой вот вампиризм.

ПРОЗА

Детей у Шулятьевых не было. Уговорил он жену на даче у друга погостить: попробуем, мол, уломать его, чтобы ещё годик подюжил, порулил до шулятьевской пенсии. На природе, под водочку..

Встретили дачники чету Шулятьевых как родню кровную. Облачили беспросветных горожан во всё летнее, лёгкое. Шулятьев аж жену свою не узнал: шортики, футболочка — картинка!

Дом у хозяев справный: крыльцо высокое, окна глазастые. Участок — ухоженный. Плотно окружён смородиной, малиной, жимолостью. Клубника ещё в июне отошла, а листья её действительно клубятся, словно волны радостные. Яблони, сливы, абрикосы в чулочках белоснежных. А вид с крыльца — дух захватывает! Долина с речкой, опушённой по берегам тальником. Дали — неоглядные, туманно-манящие...

День выходной, субботний. Хлебосольная Тася, или Таис, как называл её муж, соседей к обеду позвала. Стол под тенистой, раскидистой сливой накрыли. Всё — своё: рассыпчатая картоха с укропом-петрушкой в пузатом дымящемся чугунке; малосольные огурчики — пупырчатые, полосатенькие, хрустящие, пряные; помидоры «бычье сердце» — не томат, а заря багряная, сгущённая; сковородища солянки из кабачков, баклажанов, перцев, моркови... Виноград, крыжовник, яблоки. Наливки, настойки. Деревня! И шулятьевская, запотевшая уже в студёном колодце, водочка. Отрада!..

Славно с утра потрудились земледельцы. Передохнуть не грех. Тем более, что Таис гостей привлекает.

Соседи с кошками-собаками явились. Живность с хозяйским мурлыкой Кузей под обильным столом лакомится, в ногах благодарно трётся, ластится.

Степенное же застолье разошлось, забурило. Схлынуло через часик, умиротворённое, — и песня бесхитростная занялась:

*Плыл по дачам запах сирени,
До чего ж ты была красива!
Я твои целовал колени
И судьбе говорил «спасибо»...*

А Шулятьев всё от долины в дрожащем, миражном мареве глаз отвести не может. Обводит блаженным взором всю эту благодать: и долину, и россыпи домиков в благоухающих садах, и добрый участок друга, и дружескую застольицу.. Кукушка счёт счастливым будущим годам ведёт; дятел выдает дробь за дробью на грозовой ели, отмеченной молнией; фазаны-дудари за речкой гудочками перекликаются...

Чувствует Шулятьев, что проникается родством с этим первозданным миром. Животные, птицы, растения — один Божий организм. Без человека. Но ежели человек вливается в него — он тоже часть организма Божьего. Такое вот возвращение к первородству.

Разошлось застолье по своим грядкам. Таис, полная, ещё более погрузневшая от пиршества, оставила работающего мужа трудиться, а сама повела Шулятьевых по улочкам садоводческого товарищества «Ромашка». Живые изгороди-плетни из лимонника, шиповника, цветочных кустов «разбитого сердца»; калиновые арки с порхающими горихвостками, синичками и прочей птичьей мелочью; проулки в буйстве дурманящего разнотравья. Сверкающие спины легковушек во многих двориках; разноголосица: переключка соседок, радиомызыка, крики ребятни на озерце... Своя, неповторимая жизнь. И Шулятьеву нестерпимо захотелось стать здесь своим. Как можно скорее!..

Заброшенных участков оказалось немного. «Ромашка» — общество крепкое: станция рядом, круглый год электричество, колодцы почти в каждом дворе, да ещё ключик с водицей-серебряночкой у рыбного озера. А неподалёку таёжный хребет: час-полтора — и полная корзина груздей, маслят, обабков, опят. Разоры случаются редко: охрана, хоть и дороговата, зато надёжная.

Присоветовала Таис одну полузабытую дачу-вдовушку. Хозяин умер, а старушке тяжело тянуть дачное хозяйство, вот и запричитала с соседками о продаже. Но как только объявился покупатель, глянула на него, как на вражину:

— Да ты что?! Кто такое мог сказать? Да куда я без неё, кормилицы моей?..

И другая старушка такой же «продавщицей» оказалась.

Понурился Шулятьев, а вокруг праздник пота и труда. Остановился в тяжкодумье посреди улочки, по которой не раз уже хаживал в никчёмных поисках. И вдруг пошатнулся — дух резкий, горький, полынный шибанул в голову. Пряномедвяный иван-чай шекотнул ноздри. За травной стеной горько-сладкой виднелся дом. С трудом Шулятьев раздвинул стволы травостоя и обнаружил шаткую калитку. Продрался через чертополошный бурьян. Участок — и огород, и сад — непроглядная «тайга».

Веранда, забранная плющом, резухой и крапивой. Серая, облупившаяся дверь. На ней косо болтается ржавый замок; дужка едва касается дырки. А внутри — полный порядок! Верандные окна с марлевыми занавесками; оргалитовый просуриченный пол; салатовые, с голубыми цветочками обои;

тумбовый стол, застеленный клеёнкой; пара табуреток, печка. Это, стало быть, кухня. И ещё комната! Диван, кровать с шишечками, стулья, стол круглый из красного дерева с пузатой балясиной-стойкой, шкаф с журналами семигодовой давности. И почти никакой пыли!..

Взяв отпуск, целый месяц пластались Шулятьевы, будто кубинские мачетеро, вырубая маленькими косами дремучий «лес», сжигая горы могучей дурнины.

Едва различимо наметились грядки. После вырубки началась копка...

И заболел Шулятьев своей дачкой. Не хуже, чем у других, расцвела красавица. Чуть ли не каждый день в любую погоду срывался пораньше с работы, чтобы успеть на электричку. Даже зимой — стужа, не стужа, метель, не метель — раз в неделю навещал свою любимицу. Печурку запалит — защёлкает она, запоёт соловушкой. А воздух! А небо звёздное. И повсюду — Боженька... Друг лишь снисходительно язвил:

— Вот-вот, надо мной смеялся, что я — фанатик большой, а сам меня перешеголял, папее папы стал. Такая это зараза дачная. Здоровая зараза!..

«Сначала мы выбираем путь, потом путь выбирает нас», — улыбнулся Шулятьев, запышливо усаживаясь на сиденье и протирая ладонью вагонное окно, уже начавшее запотевать.

Пара голубей вжалась в сырой перрон. К ненастью. Да и синоптики обещали осадки в виде дождя и мокрого снега. Жена отговаривала:

— Хоть сегодня-то не езди! Погода, вишь, какая. Совсем от дома отбился.

— Наоборот, прибился. Дом-то у нас — природа, — отшутился Шулятьев.

Всякий раз, покупая билет на электричку, он словно приобретал счастливый билет. Садился в вагон с предвкушением праздника. Хотя стал замечать, что его, домашнего, тянет в дорогу ещё другая некая сила. Сидя дома, в уюте, за газетой или перед телевизором, срывался внезапно в метельную круговерть и мчался на вокзал. Дремала, стало быть, в нём некая первобытность, пробудила которую дача. Тоска неясная возникала; хотелось неуюта, сквозняковости. Верно, древний бродяжий дух томил стихийного человека. И название дачной местности соответствовало такому настрою. Урочище. Хотя здесь уже не таёжная глухомань, но дух-то остался...

Октябрьская трава на откосе ещё цепляется за камни. Между жирно-мазутных шпал замасленная полынька. Трепещет на ветру — живёт!

Поезд тронулся. Железнодорожная жизнь началась.

— А-азеты де-десять ру-ублей! Де-десять рублей, де-десять рублей!.. — сразу же заело «пластинку» у нервного газетчика.

— Газеты делают человека нервным, — умно заметила старуха — вылитая Альберт Эйнштейн.

Политиканство, мировое недужное бурление мелочным представлялось Шулятьеву. Особенно после того, как проникся родством с первозданным миром природы, когда влился в организм Божий, стал его частью. А в разгорячённом мире нет истины, нет ничего доброго и полезного. Кипит дурная кровь, дымится — и лепит свой Вавилон ложный разум. Истина постигается верой, а не с помощью относительных теорий относительности. В такой учёности вера заменяется методом тыка, когда слепой тычется в красках. Безверный человек — ложь. Из его умствований вылущивается ложный разум: мысли, понятия, знания, только кажущиеся разумными. А по сути — шарханье, бредятина, беснование и затмение ума, поражённого тщеславием и ложью. Ложь в науках, в философии. Знания приходят от Бога, от Родителя нашего и Учителя. Сам Шулятьев не раз замечал, как на какой-либо вопрос, мучающий его, как бы сам собой приходил ответ. Иные подобное не замечают, верят только в себя. Во всей «красе» падший ум проявляется в политике. Оголтелое враньё! Некий премьер, вице, защищая братьев по доллару, заявил, что в России олигархов нет. Госпожа банкирша накинулась на глупых пенсионеров: они бедные не потому, что пенсии маленькие, а потому что не умеют копить. Как же копить? «Денег нет, но вы держитесь!» За воздух? А начальник этих умников нырнул — и амфору древнегреческую достал со дна морского. Помог российской археологии. Маленький мальчик играл в водолаза: оп-па — и амфора с первого раза! Что же в ней было? Статеры, динарии, драхмы? Масло, вино, мёд, рыба к пиву? Или это погребальная урна с прахом? Или гробик с останками погребённого младенца? Вероятнее всего, это был кубок за победу в спортивном состязании. Он и со стерхами успешно состязался. Летит стая стерхов. А один почему-то впереди. Но то не стерх лидировал, а человек с компасом. Орнитолог всех времён и народов! Лидер и щуку в заповеднике выловил — аж полтора пуда! Вот такой шукарь!

Ещё Плутарх про такого «удачливого» рыбака писал. Решил римский император Марк Антоний покрасоваться перед царицей Клеопатрой. Приказал рыбакам под водой насаживать добычу на крючок. Клеопатра, баба не дура, велела своему слуге насадить на крючок вяленую рыбу. «Богатый» улов и вытащил Антоний при всём честном древнеримском народе!..

Замяукали китайчата, и «Эйнштейн» гневно взглянула на «пришельцев». И тут же её эйнштейновский лик передёрнуло при появлении ходячей «барахолки». Запахло нафталиновой шерстью. Люли, узбекская цыганка, была увешена колготками, лосинами, махровыми полосатыми полотенцами, носками, перчатками, тельняшками, халатами, дождевиками...

Рядом с «Эйнштейном» напротив Шулятьева сидела опрятная бабулька: молодёжная причёска, шарфик на плечах, газетка кроссвордная на коленях. Внучка её, кнопка в бисерных джинсиках, восхищённо глазела на «одёжную» тётю: видимо, мечтала стать такой же.

«Эйнштейн» прервала её восхищение:

— А скажи-ка, деточка, кто такая Алина Кабаева?

— Вы что, не знаете? — культурно вскинула бровки девочка. — Это же гимнастёрка. О-о какая!..

— Знать, у тебя папа военный, — оправдала кнопку «Эйнштейн» и вздохнула: — Внук мой тоже сочинил: «Когда Пушкин был у няни на даче...» Спрашиваю: «Кто написал «Ромео и Джульетту»?» — «Гамлет», — отвечает. Ладно, хоть не оmlет. «Кто такой Станиславский?» — «Наш ректор». — «Да он же у вас Заславский». — «Ну всё равно близко». Вот такие нынче молодые гуманоиды. Зато в политике сильны: «Правители россиянки страдают сердечной недостаточностью». И то верно. Чинодралы чавкают, не напузятся. В гоголевское время было две беды: дураки и дороги. А нынче: дураки, дороги и дураки, указывающие дорогу. Мелко плавают, но как всё мутят! В прошлом — слишком много белых пятен, потому, дескать, оно тёмное. Всё шиворот-навыворот. Полстраны — нищета, а скоробогачи-олихарки плодятся, как поганки после дождя. И на Украине допустили до войны. Нет чтобы кулак укроамерикашкам показать! Куда там! Главком в крещенской «иордани» окунулся, смотрит налево, а говорит направо. Одному богу молится, другому, в синагоге который, — кланяется.

Кнопка, опустив глазки, словно она была во всём виновата, слушала строгую речь. Её же бабушка деликатно из-под газеты лишь мелко кивала.

Малышке наскучила вся эта взрослость, и она, тряхнув косичками, вскочила и прижалась к окну:

— Баб! Ба-а!.. Вон коровка!

Бабушка её, извиняюще взглянув на «политическую» соседку, придержала внучку от поворотного толчка поезда:

— Бурёнка забрела в бурьян. Дурёха!

— Бабуска, а вон птица маму зовёт!

Шулятьев посмотрел в окно. Рядом с поездом, захватываемая ветром, летела ворона и не каркала, а точно и впрямь

звала: «Мама! Мама!..» Так никого и не дозвавшись, она в отчаянье вскричала: «Ма-а!..» и сиротски, бессильно свернула к тяжёлой меди дубняка в бледно-голубых прожилках дыма, где грелись бездомные у костра. Поодаль на «коленном суставе» теплоцентральной трубы трепыхался их «коттедж» — балаган, покрытый клочьями брезента и рубероида.

— Бабусь! Ба-а!.. Нету моря! Где оно? Хочу море!..

— Сейчас будет!

Песчаная коса. Перистые волны. Веер прибоя. Сиренева-то-призрачные сопки на небосклоне.

В поезде устанавливалась своя жизнь с убытием и прибытием. Но иногда перегона два-три никто не выходил и не входил.

Самозабвенно пиликала гармошка, сыпала частушками:

*Кенгурация прошла —
Жду очередную!
Сколько башен у Кремля —
Столько кенгурую!*

Дачницы, делившиеся рецептами по закатке овощей, в голос определили:

— Про Путина!

Скособоченная горбунья с правильной учительской речью проговорила:

— На четвёртый срок сам себя кенгурировал!

— Эх, мы, женщины, за него ведь голосовали! — вздохнула старушка в шляпке, увитой шнурочками. — За стабильность... Какая там!..

Бугаина-газетчик едва протиснулся сквозь «гильотинные» двери вагона:

— Газета «Жизнь» объявляет беспре... бесцен... бес-пре-цедет... детную акцию — снизила цену до пятнадцати рублей! На сорока восьми страницах две семьи споют квартетом! Описывается производственная травма сестры... «Алсу готовит эксперимент, готовится стать мамой. Жигунов мечтает забыть Заворотнюк. Лунно-солнечный календарь про Пугачёву. Боевых дельфинов поставили в пример украинским военным. Собчак унижена дочерью Немцова и вляпалась в новый скандал из-за сына. Алина Кабаева больше не скрывает свой статус. Супруга Пескова — лидер по доходам среди жён чиновников».

— Кто бы сомневался!

— «Как лимузин Путина выглядит изнутри».

— Лимузин?! Откуда деньги, Зин?

— «В Бурятии жители выступили резко против выделения зелёного массива в аренду на сорок девять лет китайской компании «МТК—Дженькей».

— Вот тебе и дженькей, Стерх Амфорович Щукарь!

— «Мозг свиней работает после смерти более суток!»

— Зато у наших правителей мозги вообще не работают.

— «Джигархарьян умоляет вернуть ему Цимбалюк-Романовскую. Блédанс ждёт дочку. Боня влезла в новую семью Тарасова. Выглядит на пятьдесят: Пынзарь поправилась и постарела. Гуф публично признался в любви Кети Топурия».

— Блédанс, Собчак, Боня, Пынзарь, Топурия, Гуф... У-уф!..

— Всё это вы можете прочитать в газете «Жизнь»!

— Ну и жизнь!.. — разом выдохнули дачницы.

Учительница ещё больше сгорбилась:

— Прогресс — это смягчение нравов, а сейчас...

— Либерасты! Манимания! Партийное едрессовское брэнчало! — сквозь зубы процедил верзила: широкий лоб, стёсанный затылок, квадратный подбородок.

— Всё не так плохо, как вы думаете. На самом деле всё гораздо хуже! — изрёк «философ» в лихо заломленном на затылок художественном берете с задорной пипочкой, в шлёпанцах-«мельницах» на босу ногу.

— Граждане пассажиры! Во избежание террористических актов просьба не оставлять свои вещи! Будьте бдительны! В случае обнаружения бесхозных вещей немедленно сообщайте полиции или машинисту электропоезда!

Мелкий хохоток чертёнка-мобильника:

— Ой-ой-ой!..

Истеричный кукольный хохот другого «дебильника», канканы, Бетховен, мяуканье, кукареканье, Билан...

Дедок — узел рук, ножки крестиком — в пустом гнезде существования. Ожил после «угрозы терактов», забормотал себе под нос:

— Плоховасто, плоховасто... Не та объява, не та! Почему не проверяют билеты? Непорядок! Далековасто бежать, а придётся.

Подхватился и посекотил по шаткому вагону, мотаясь от скамьи к скамье, в поисках проверяющих.

— Граждане пассажиры! В поезде работает бригада контролёров-ревизоров!

Сыпанули по вагону зайцы. Юноша с девичьими ресницами побледнел. Девушка, серёжки-кисточки в ушках, выгнулась, как чутко-сторожкая лань, словно её подстерегала опасность. Мистер икс: тёмные очки-полоски, ядовитая полоска рта; нервные, сухие пальцы «пианируют» на антрацитной папке. Девочки-немтырки, «инкубаторские», из интер-

ната: смешливые ямочки на щёчках, зубки со щербинкой, беззвучно щебечущие пальчики. Победительница жизни: в одной руке «кола», в другой жемчужный мобильник.

Все с билетами.

Душно... Мистер икс с треском раздирает липучки на морковной куртке.

Душно... Тетёха в клоунских широченных шортах с жёлтым клеёнчатым коробом на плече:

— Мороженое «Океанское», крем-брюле в стаканчиках, эскимо, фруктовый лёд!..

Крохотная станция с исполинскими кубическими буквищами «...СЕННЯЯ». Недавно появилась. То ли «Весенняя», то ли «Осенняя».

Тень поезда дрожит на откосе. Придорожные распадки, заваленные мусором. Линялые сопки. Окривевшая избёнка с раскосыми оконцами. Свиная лужа. А прежде — живое озеро с утками и гусями...

Глаза и думы Шулятьева утомились от мельтешения. «Невыносимы поезда — въезжают в душу их составы», — вспомнились ему чьи-то строки. Глаза его наливаются дрёмой. Поворот железнодорожного пути. Поворот дня. Тоннель...

Пронзили темень лучистые рельсы. Вылет...

— Товарищ милиционер! Тоннель давно проехали, а свет в поезде всё горит. Плоховасто! Непорядок! Скажите машинисту! — Головка праведника, крапчатая, как у облетевшего одуванчика, крутанулась к окну: — Зато цыганям оказали раздолье!..

Земля — печаль моря. Там, где серую речушку принимала голубая лагуна с сизым голубиным отливом, безлюдно курились цыганские кибитки, будто снятые с бричек. И всякий раз, когда Шулятьев видел эти дымки, ему нестерпимо хотелось, как пушкинскому Алеко, побывать у этих сухопутных странников, пришедших на берег океана, прикоснуться к таинствам их вольной, кочевой жизни. Само слово «табор» будило в нём древний бродяжий дух.

Ветерок выгладил среди морской ряби дорожку, словно приглашая по-библейски пойти по ней, по воде, туда, где брезжат сопки, будто корабли, вышедшие в дальние страны.

— Вон, резервация пилит! — не унимался дедок.

Да, романтизм Алеко-Шулятьева затерялся в бесчисленных складках-оборках пёстро-грязных платьев жирной, потной цыганки, подметавшей ими вагонный проход.

— Шареный семешка в шоколаде! — морщила она к переносице одну бровь на два глаза.

— Не помняла! — с одинаковым ударением спросили дачницы и повернулись к газетчице с мышиним голоском.

— Всера пять лектрисек просла, сёдня две лектриськи — ни одной газеты не взяли! — пискляво всхлипнула та.

— Вы бы мороженое продавали или хотя бы семечки в шоколаде, — посочувствовала одна из дачниц.

— Женщина, вон мужчина хотят купить! — обрадованно воскликнула другая.

Шулятьев протянул «мышке» десятку.

— «Миллионка» по пять рублей. Берите, берите! В ней телепрограмма есть! — запищала счастливица, вытаскивая из потрёпанной кипы две газеты недельной давности: — Вот вам без сдачи! — и она засеменила дальше, уже басовито напевая: — «Миллионка», «Миллионка»!..

Шулятьев сунул газеты в карман рюкзака — на растопку. Представил, как тщательно выгребает золу из печки, дабы она не капризничала, не дымила; как перемежает щепочки, веточки с клочками газеты для верного возгорания; подсовывает сушнячок в робкие язычки огня. Как захлопнулась с лязгом литая, чугунная заслонка, обмётанная седой зольной пылью. Тягуче затянула печурка первую ноту, загудела, защёлкала, затрещала, зашла с соловьём...

То же поди испытывает избушка у самой кромки залива. Одна-одинёшенька. Окошки слезятся, как глаза у старенькой коняшки, но уютный печной дымок над ней...

Отчего-то сердце щемит от такой картины. Неудержимо манит она, и хочется жить там, и мнится, что в хуторке этом и будешь сопричастным родной земле, что он и есть Родина. Словно гладишь неведомую память дрожащей рукой. Это не приключенческие позывы к табору. Это великий неисповедимый зов Божьей любви, любви к Родине. Да-а... И впрямь умом не понять...

Светлая грусть. Пернатая осень. Листья, как перья, летят и летят... Стрекозиный полёт сороки.

Глубоко-зелёное море. Ультрамариновые тени от облаков ложатся на помутневшие вдруг воды.

Помпезная автозаправка. Пешеходная «зебра». Еврофуры с китай-барахлом. Щиты-надолбы. Шлагбаум — полосатый обрубок.

— Бабушка, а зебра полосатая. Когда она у берёзы, волк её не увидит и не съест.

— Внушенька, слезь с коленок. Бабушка устала, ручки болят, в ушах звенит.

— Хочу послушать! Ба, ничего не слышу. Тихо так...

— Электричка стоит.

— Колесо спустило, — пошутил «философ» в беретке.

— Граждане пассажиры! В связи с ремонтом железнодорожного пути, движение электрички задерживается на полчаса! — торжественно объявил машинист.

— Ну это ещё ладно, — смиренно проворчала старуха в туфлях-танкетках с грандиозными узорчатыми пряжками. — А то неделю назад полтора часа стояли. — Она достала было из сумки на колёсиках бутылочку минералки, однако засунула её обратно: — Кто знает, может, опять столько же будем здесь торчать, а вдруг приспичит...

Тёмное зеркальце болотца под откосом покрылось серебристыми пупырышками. Горделиво закачались царственно-страусиные камыши. От них будто пошли к поезду с поклоном неказистые кустики тальника.

Облака начали поедать облака, тучнеть, превращать день в сумерки. Сыпанула снежная колючая крупка. Вагонное окно стеганули первые иглистые капли. Чечётка дождя с водяной пылью по смоляной «бейсболке» карлика-светофора. И муть косохлёста-дождеснега.

Божьи коровки стали мучительно скукоживаться на речке-подоконничке, как обугленные. Второе бабье лето, пора божьих коровок, закончилось.

Не закончилось получасовое стояние поезда. Уже час минул после торжественного объявления о задержке. Куряки уже — хоть топор вешай — забили дымом тамбур. Засновали в поисках туалета стар и мал. Ретивый молодняк прыгал с подножки на крутой откос и, пригибаясь, скрывался в камышах.

Не хотелось Шулятьеву покидать надышенное, уютное тепло дома-вагона, но ждала его и никак не могла дожидаться родимая дачка с печуркой-говорушкой. Если выйти от электрички к шоссе, то по нему до дачных окрестностей можно дойти часа за полтора. Неизвестно, сколько ещё простоят поезда. А на своих двоих до темноты доберётся.

Шулятьев натянул на плечи брезентовые ремни синего рюкзака, нахлобучил до бровей замшевую рыжую кепку, одёрнул белёсо-песочную аляску и зашагал к выходу. Кряжистый, чуть клещеногий, сошёл на нижнюю пупырчатую ступеньку подножки и спрыгнул на щебёнку откоса в снежной жиже, едва не подвернув ногу. Накинул на кепку капюшон аляски, завязал под подбородком тесёмки. Продираясь сквозь придорожный шиповник, обошёл поезд с хвоста: проезжая, там заприметил тропку; она тетивой должна спрямить до станции железнодорожный «лук». Тропка заманно выделялась снежной белизной среди низкорослого разнолесья. Она то спускалась в распадочки с журчащими ручейками,

то поднималась на взгорки. Через сто-двести шагов — свой климат: то затишок, то ветрогон с хлёстким дождеснегом и ржавой жестью листьев.

Сырые сумерки ильмов в широком овраге. Всё больше опавшей листвы, всё гуще и горше запах прели.

Обглоданные временем валежины, будто бивни мамонта. Дебри — и светлые лучи берёз. Объятия ильма и берёзки, как после долгой разлуки. Простуженный пристанционный скверик — свидетель расставаний и встреч. Дошатаый серый барак. Столовая «Маяк».

Всякий раз, проезжая мимо неё, Шулятьев недоумевал: отчего этот барак — «Маяк»? Потом разузнал, что в нэповскую давность здесь кипело торжище «маяков» — менял и скупщиков щетины. Нынешний «Маяк» влечёт под свою крышу всех страждущих... На толевой крыше съёжилась кошка. Она почему-то не пряталась от непогоды: знала, видно, что скоро выглянет солнышко.

Промозглый ветер у крыльца гонял мятую банку из-под пива. На двери взбухшие от сырости объявления: «Куплю шпалы пропитанные и не пропитанные», «Встреча выпускников в школе № 73. Явка строго обязательна!!!» Громоздкий старикан в пегом плаще, горбато нагибаясь, перебирал заманчивую россыпь блестящих пивных пробок, похожих на монеты.

Шулятьев так продрог, что с трудом одеревеневшей рукой ухватился за ледяную ручку двери столовой «Маяк».

Его обдало паром, кухонным духом. Он зябко подул в стальные ладони и огляделся. Обыкновенная советская столовая! Словно машина времени доставила его в семидесятые годы прошлого века. Сукровичные плафоны-пузыри. Квадратные колонны. Тонконогие столики со столешницами из ДСП, с подобными табуреточками. Окошко посудомоечной. Раздаточная с подносами-разносами, с конусом для вина. Рядом с меню на стене в фанерном ящичке «Книга жалоб и предложений». Вверху висело грозное: «В столовой запрещается курить, пить, сорить, ругаться!»

Шулятьев выбрал укромный уголок, подалее от замурлышки, со стоном храпящего за столом с недопитым мутно-пластмассовым стаканом пива. Поставил рюкзак на табуретку и отправился изучать столовскую витрину. На тарелочках — кружочки колбасы в жировых капельках, селёdochка в колечках лука. Салаты из огородной капусты, из морской, с кальмарами. И винегрет! И в самом углу обыкновенная домашняя котлета с пюре! Когда-то он по десять штук

таких брал в «Домовой кухне». Недавно захотелось ему таких же, советских — со ржаным хлебцем, обваленных в муке и сухариных крошках. Гастрономов пять обошёл — молоденькие продавчихи и слыхом не слыхивали о подобных котлетах. И лишь в одном пожилая продавщица отыскала в витрине пенопластовую ванночку с четырьмя котлетами, похожими на те стародавние, советские, затянутыми полиэтиленовой плёнкой. Пришлось в дополнение к ним взять краснодарский «подъездный» портвешок тех достославных времён.

На винном конусе висела этикетка «Каберне». Видимо, грозный запрет на распитие касался тех, кто приходит со своим.

Раздаточная пустовала, и Шулятьев вежливо постучал по прилавку:

— Хозяюшка!

В тусклом свете залепленного снегом окна появилось яблоко лица. Шулятьев приветливо улыбнулся:

— Две котлеты и два пюре.

— Вам две порции или всё вместе? — так же приветливо пропела молодка лет тридцати.

— Всё вместе. Ещё винегрет и селёдочку.

— А пить что будете?

— У вас помимо каберне есть что-нибудь посуше-ственнее?

— Вам подороже или как?

— Подороже.

Женщина достала из-под прилавка бутылку «Путинки» и снова спросила:

— А пить что будете?

На прилавке стоял стакан с чем-то мутным, и Шулятьев ткнул пальцем в него:

— Вот это.

— Компот, — подсчитывая плату, закатила глаза раздатчица и добавила: — Ещё стаканчик — рубль.

Шулятьев отнёс трапезу к своему столику, сбросил с него откормленного, матёрого тараканища-гусара и налил полстаканчика водки.

Хрустящие колечки лука,пряно-жемчужная селёдочка, багряный винегрет со свёколкой-картошечкой; пышно взбитое, дымящееся пюре с котлетами, поджаристыми до хрустящих корочек, источающими бульонный сок, и треть «Путинки» — вся эта благодать словно осветила полузимний сумрак столовой «Маяк». И верно, что маяк! От избытка чувств Шулятьев, доселе не сочинивший ни одного стишка, ударился в творчество.

*Кто бы мог подумать,
Что в такой глуши
Домашние котлеты
Шибко хороши!*

Он не был заядлым кроссвордистом, но ручку всегда носил с собой. И в «Книге жалоб и предложений» запечатлел своё благодарное творение и внизу подписал: «Спасибо доброй хозяйшечке этого заведения!»

Та не удержалась, заглянула в тетрадку и обиделась:

— Спасибо, конечно, но у нас здесь не глушь!

Курносая сибирская кошечка, дремавшая копилкой у раздаточной, лапкой в белой перчаточке аккуратно провела по розовому носику и начала намывать гостей.

И впрямь, распахнулась дверь, дохнула паром, впуская завьюженного путника. Как боевик со «стингером» за плечами, встал циркулем посреди зала патлатый бородач с зачехлённой гитарой. Патина морозной пыли подёрнула его патлы и бороду. Он триумфально подошёл к раздаточной и вывалил кучу мелочи, которую «накопил» бардством в электричке:

— Деньги — смертны! Марина, мне соточку! А то трезвёхонек, аж кружится голова.

— А, это ты, Эд! — улыбнулась появившаяся раздатчица и налила барду в пластиковый стаканчик водки.

Он бережно донёс драгоценную жидкость до столика в центре зала, тут же хлебнул её и вопросительно посмотрел на Шулятьева:

— У вас такая же бурда?

Тот в свою посудинку плеснул «Путинки» и поднёс её парню.

— Ну это совсем другой напиток! — отведал гитарист шулятьевской водки. — Спасибо, батя! А теперь и этот «сучок» пойдет.

Шулятьев вернулся к своему столу, отпил ещё водки и усоветился, что совсем забыл про дачу. Прислушался к окну, дребезжащему от ветра:

— Слышь, как бушует! — заоправдывался он перед дачкой. — Утихнет скоро, и я к тебе двину. Печурку огоньком оживим, власть поболтаем с тобой... Ну, давай, за тебя, родная!

Шулятьев с умилением поднял тост и ещё раз прислушался к окну: поезда в такую круговерть вряд ли пойдут.

Бард рассупонился, расчехлил гитару и приблатнённо, с хрипом задурил:

*А-а!.. Плюйте в небо! Плюйте в грозовое!
А-а!.. И не промочите сандалы!..*

Его «номер» заглушил грохот бури, ворвавшийся в распахнутую дверь. Буранными медведями в столовую ввалились сразу четверо мужиков. Обхлопывая себя от снега, шумно отдуваясь, кряхтя, они заговорщически забились в самый тёмный угол. Сторожко огляделись. Мужичошка за пьяным столом выдает неслыханные «соловьиные трели». Гитарист вяло перебирает струны. Залётный интеллигент бормочет «сам на сам». «Путинка» на столе. Закуска. Рюкзак. Сразу видно: дачник.

Один из четверки, прогонистый, жилистый, резко поднялся и ещё раз огляделся:

— Абсолютно сапоги! — и направился к раздаточной: — Молодая антиресная, как ваше ничего? Ничего, стал быть, — добавил он на молчание женщины. — Два пива, дорогуша!

Под его ладонью по стойке небрежно проелозили две десятки. Хозяйка из кеги нацедила пива. Похоже, на большее у мужиков не наскреблось. Один из них, нос-бульба в оспинах, разломал щепку корюшки и начал жадно глотать пиво; пена поползла по дряблой, землистой шее. Шпанистый парень со шныряющими глазками тоже затянулся пивком под нетерпеливыми взглядами ещё двух страждущих, взяхлёб приговаривая: — Жо-мечательно! Жо-мечательно!..

Глядя на эти мучения, Шулятьев сходил за «Путинкой», хлебом, котлетой с пюре и поставил угощение на бедный мужицкий стол:

— Не пьянства ради, здоровья для!

— Ты чо, мужик?!.. — оторопел «квартет». — Тогда давай с нами! Присаживайся!

— Да ладно! — отмахнулся Шулятьев. — У вас свои дела, а мне скоро идти. Жена ждёт. Контроль! — отшутился он.

— Ну-у!.. Спасибо! Уважил. Есть же нормальные мужики!.. — загалдели счастливыцы.

— А ещё говорят, что в омуте жизни брода нет, — насморочно прогундосил четвёртый мужичок с сократовским лбом.

— Вот такие мы гурманойды с планеты Гурмания! — потирая руки, воскликнул Шныра. — Без пюрешки и ржаной котлетки — водка на ветер!

Спешно допив пиво, освобождая стаканы, четвёрка по булькам начала делить «Путинку».

— Алмаз-водочка!

— Вот был бы Путин такой же.

— Сам разрешил использовать себя?

-
- За использование платят.
 - У него, говорят, миллиарды.
 - Да и за использование навар немалый.
 - Деньги к деньгам липнут.
 - А если его водку подделывать начнут?
 - Уже подделывают.
 - При нём совсем утопла страна Утопия.
 - Расташиловка! Военская часть здесь неподалёку была: склады, гаражи, ГСМ. Двухэтажки со всеми удобствами — Жилка. Разогнали всех. Нерусь на том месте коттеджи-мухоморы налепила. Есть там и без собаки...
 - Здравствуй, Маша, я — Дубровский!
 - Тс-с!..
 - Я свой север прошёл — мне терять нечего!
 - Жизнь даётся токо раз, а удаётся и того реже.
 - Тс-с!.. Менты!

В столовой появился парочка блюстителей порядка: пьяненький полицейский с белобрысой напарницей.

«Криминальный квартет» согнулся над столом, будто решающая шахматную задачу.

Бард, бренчавший и бубнивший нечто невнятное, отвлекая внимание блюстителей на себя, с придурью заблажил:

*Над трюпом молодого таракана
Я завожю карманные часы,
И стрелками ночного циферблата
Я шевелю ему усы!..*

Стариковатое лицо его испещрилось морщинами, какие бывают у утомлённых актёров.

Выпив по стакану компота и бросив для порядка барду: «Не базлай!» — полиция удалилась.

Дверь не шибко дохнула морозным паром. Окна посветлели. Буря явно затихала.

Внезапно кочковатый Бульба взгорбился бугаём, обернувшись, метнул злобный взгляд на Шулятьева:

— Добреньким, мля, хотишь быть?! — Набычившись, он продолжал наливать дурной, чёрной кровью: — Подачками хотишь задобрить, откупиться?! Гнилая интюлюю! Взятку дал своей совести? Чо ты прилез к нам? Просили тебя?!..

Дружки его, злобно ощерившись, оставились на Шулятьева. Он расправил на лице недоумённую пьяненькую улыбку: с чего это они вдруг? Может, испугались полиции, испытали унижение — и отыгрываются на нём?

— Какого сельдерея разорался, братан? — почти вплотную к Бульбе подошёл Эд. — Воистину, сделай доброе дело — и оно тебя достанет.

— Отвали, моя черешня! — вяло махнул рукой уставший от злости багровый Бульба.

Эд вихлевато отошёл от него и ударил по струнам:

*Выьем за страсть!
Страсть как хочется выпить!..*

Шулятьев благодарно поманил его к себе. Они молча допили, доели то, что осталось, и вышли из столовой. Молча пожали друг другу руки и разошлись. Поезда не ходили. Эд по шпалам направился в сторону города, Скрыбин — к трассе, по которой, страшась юза, ползли машины.

Он оглянулся. На крыше барака среди ключев талого снега мелькнул весёлый кошачий хвост. Дождалась-таки кошурка солнышка. Озарённое облако с золотую каймой — предтеча солнца.

Вся жизнь — встреча с жизнью. Сидят сейчас в столовой «Маяк» удача с неудачей. И зачем потревожил их?..

Не успел Шулятьев прошагать и стометровку, как его догнал Шныра. Всклоченные волосы, слезливо мигающие глазёнки. Запышливо выпалил:

— Беда у нас, Дачник! Бульба помер!.. — он шмыгнул носом и потянул за рукав Шулятьева: — Упал, как подкошенный. Лежит на голой земле. Прикрыть нечем. Расстроился, что тебя обидел. Сердце не выдержало. Пойдём, попросишься! Хороший был мужик! С северов недавно. На свободе и не пожил...

Шныра без умолку тараторил и тянул за собой Дачника. Да тот и не упирался. Поначалу внезапная остановка на пути к даче раздосадовала. Но смерть человека... Обиды на умершего и его дружков не было. Сам виноват, что сунулся к ним со своим пьяным доброхотством. Выпил, разомлел, раздобрился. Прежде маялся обычно: подавать бомжам милостыню? Потом раз и навсегда покончил с мелочными терзаниями: подавай, не убудет! Нас обманывают редко, мы сами обманываемся, хотим выглядеть добренькими. Вот и полез к ним, не спросил даже. Но теперь-то явно нуждаются в помощи. А чем он поможет? Потратился в столовой, сотка на обратную электричку осталась. Ладно, у дачных соседей можно перехватить... Догадались ли скорбящие сообщить куда следует?

— Полицию-то хоть вызвали? — прервал Шулятьев болтовню Шныры. — Она ведь рядом была. И скорую?..

— Вызвали, вызвали! — как-то небрежно бросил тот. — А как же... Из города-то не скоро доберутся...

Бульба лежал на земле, сырой от растаявшего снега, хотя рядом желтел сухой, песчаный пригорок. Шулятьев скинул рюкзак и собрался было оттащить с мокроты умершего, но троица опередила его. На пригорке Бульбу друзья уложили заботливо, скрестив руки на груди, как и положено покойнику. У того и нос бульбистый как бы чуток вытянулся, и рытое лицо вроде бы почище стало. Осанисто возлежал, величественно даже. Лежит. Против неба на земле. Нахмурилось оно, дождевым крапом сыпануло и на покойника, и на скорбящих. Троица почему-то вопросительно воззрилась на Дачника.

— Добрый человек надёжнее каменного моста! — иносказательно прогундосил Сократ.

Шулятьев молча протянул ему сторублёвку. Тот сунул сотку в лохмотья обдергайки; критически обхлопал себя, всем видом показывая свою захудалость, и ткнул пальцем в сторону усопшего:

— Укрыть бы!

Шулятьев снял аляску и хотел было укрыть ею Бульбу, но Жила вырвал её:

— Спасибо, спасибо! Абсолютно сапоги! Теперь мы сами... А вон и электрички пошли! Ещё успеешь, Дачник! Беги давай, беги!

Шулятьев растерянно потоптался: показалось, что от него поскорей хотят избавиться. Получили своё — и не нужен, не мешай! Что-то настораживало его, но он отмахивался от малейших подозрений. Мелочных... Посмотрел на часы, на дорогу, ведущую к трассе. Ни скорая, ни полиция не виднелись. А пора бы появиться... И впрямь, чем он ещё может помочь? Взглянул на «погребальный» холмик со своей аляской. И пошёл не на станцию, а по дороге к даче...

Не успел он скрыться за поворотом, как дружки бросились к Бульбе. Скинули с него аляску. Но тот не шелохнулся.

— Вставай давай!

— Хватит вылёживаться!

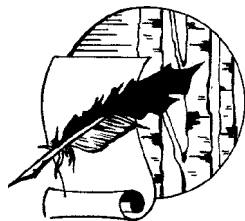
— Ну ты, разлёгся, в натуре! Не придуривай!

— Ишь, как вошёл в роль! И выходить не хочет. Выходи давай!..

Они начали тормошить его, трясти, хлестать по щекам.

Сократ пощупал его пульс.

Пульса не было.

Людмила ТУРОВСКАЯ

ПО ДОРОГЕ ЛЮБВИ И БОРЬБЫ

СРЕДИ РОДНЫХ ЛЕСОВ

Когда стояла я у сосен,
Обняв живую плоть ствола,
Уже в зенит катилась осень
И ночь безлунная плыла.

Мне древо силы отдавало.
И, проводив полночный час,
Я начинала жизнь сначала.
В который раз... В который раз!

Звезда мерцала с небосвода,
Далёкой тайною маня...
Родная матушка-природа
Учила мудрости меня.

Я начинала жизнь сначала
Среди родных лесов и рек.
Мне древо силы отдавало,
И я срасталась с ним навек.

Ещё теплом дышала осень,
Земля грибных дождей ждала,
Когда стояла я у сосен,
Обняв живую плоть ствола.

Прижав к сосне лицо и руки,
Дыша вселенской тишиной,
Я постигала смысл науки
Беды и Радости земной.

Среди родных лесов заветных
В ночной бездонной тишине
Живая кровь колючих веток
Струилась медленно во мне...

СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО

Снова вспыхнет память детства.
Кровь взметнётся в сонных жилах.
От любви заплачет сердце —
Что пройдёт, то будет мило...

Вижу: дом счастливый, чистый...
Голос матери — далёкий...
Снег на валенках пушистый.
Жжёт мороз, румянит щёки.

Детства славные занятия —
Жмурки, «нолики», листочки...
Доброй бабушки объятья,
В дневнике — косые строчки.

Светлый мир казался вечным,
Золотым — денёк весенний.
Ах, как славно быть беспечным,
Жить без грусти и сомнений!

Книжек яркие страницы,
Бесконечный гомон детский...
Это наша жизнь струится
В нашем городе советском!

Пошалим, полечим шишки.
Кто хандрил и кто тут плакал?
Все девчонки и мальчишки,
Собирайтесь в круг, однако!

В хоровод вставайте срочно!
Он втройне прибавит силы.
...Это — правда, это точно —
Что пройдёт, то будет мило!

ЗИМА, МЕТЕЛЬ...

Зима. Метель. Вселенская усталость.
Пустынный город ёжится во мгле...
И сколько нам ещё с тобой осталось
Брести по нашей горюшке-земле?

Зимой душа веселия не знает,
Немеет сердце, спит глубоким сном.
Сыпучий снег дороги замедает,
Грустят сирень с рябиной под окном.

И лунный серп висит оледенело
Меж рваных туч, угрюм и одинок.
И нет у грозной вечности предела...
В ней север там, где запад и восток.

Молчит река — как будто виновата...
А может, просто вымерзла до дна.
Куда уходит Правда без возврата?
Зачем земля так долго холодна?

Большой страны разорванные звенья...
Стезя тревог, предательств и утрат...
Терзают душу горькие сомненья,
И кровь в горячих жилах леденят.

Но — надо жить!.. Метель, зима — не вечны.
Настанет день — и вспыхнет небосвод!
Ворвётся в мир упрямый ветер встречный,
И вешний день на крыльях принесёт.

ДРУЗЬЯМ

В. Х.

Каждый день — драгоценный подарок
На дороге любви и борьбы.
Даже если угрюм и неярок,
Всё равно он — крупица судьбы.

Всюду — ложь, оскудение, войны.
Стал врагом оболваненный брат.
Но сурово, светло и спокойно
Мы пройдем этот бешеный ад.

Тут — маразм либерального бреда,
Там — святынь оголтелый погром...
Но, в народную веря победу,
Мы любимые песни споём!

Мы споём боевую «Катюшу»
И Орлёнку бесстрашному гимн.
Пусть весна возвращается в душу!
Пусть враги расточатся как дым!

Всё труднее дышать год от года —
Кровь Донбасса, удары судьбы...
Но идём — неподкупно и гордо —
По дороге любви и борьбы.

ЭТО РУСЬ!

Всё — родное, всё — любимое до слёз.
Треплет ветер пряди мокрые берёз,
Ходит кругом, катит яблоко в траву..
Боже правый, здесь я сызмальства живу!

Дым рассветный и вечерняя заря,
Жар июльский, долгий холод января —
Всё приемлю, всё в душе своей храню,
Всё несу в подарок завтрашнему дню.

Сердце вскрикнет, боль прорвется из груди,
Ах, как тяжело по развалинам идти!
По руинам гордой некогда страны,
По пустым полям звенящей тишины.

Встану там, где было бойкое село.
Что цвело и что шумело — то прошло...
А в гремячих, душных дебрях городских
Нынче много ли счастливых душ живых?

Вдаль гляжу и вижу новую беду.
Но стряхнуть печаль по бережку пройду.
Погрустив, друзьям хорошим улыбнусь.
Это — дом мой. Это — доля. Это — Русь!

ОКТАБРЬСКИЙ ПРИЗЫВ

Шумят дожди. Бушует непогода.
Под мутным небом прячется заря.
Морозный сон предчувствует природа,
Но вольно дышит хладом октября.

Дыши и ты, поэт неугомонный,
Зови мечту, дерзай и не старей.
Тоскует мир, в твои стихи влюбленный,
По теплоте и нежности твоей.

И ждёт народ твоей суровой правды,
Твоих «в десятку» выпущенных строк.
Ведь ты познал бесплодный морок ада
И тяжкий груз печали перевозмог.

Тебя унять пытались ретивые,
Но ты не дал свой дух переломить.
Поёшь ты песни, песни огневые,
Держа времён связующую нить.

Вот и сейчас в осенней круговерти,
Презрев тоску, предательство и ложь,
Стенать не станешь горестно о смерти —
О Жизни гимны новые поёшь!

Пускай шумит и плачет непогода,
Царит вокруг и морок и раздрай,
Пускай ко сну готовится природа,
А ты — любить и петь не уставай!

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Тени прошлого — грустные тени...
Чередой быстротечных теней...
Лёгкий промельк счастливых мгновений.
Свет заветный стремительных дней.

Вновь иду по дороге знакомой.
Здравствуй, дуб!
Здравствуй, сад!
Здравствуй, лес!

Постою возле старого дома,
Тишиной полюбуюсь окрест.

Он стоит, одинокий и прохладен,
Наш навеки умолкнувший дом,
В голубой незнакомой ограде...
Сколько радости минуло в нём!

Сколько жило здесь солнечных песен,
Озорных, увлекательных дел!
Новый год был безудержно весел,
Первомай — красным знаменем рдел.

Улетели года — не догонишь,
Упорхнули в немые края.
Но синичка запела в ладони...
Это — звонкая память моя.

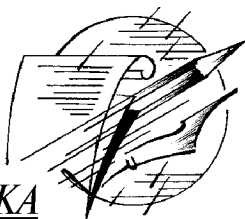
г. Тверь

МИР НА ПОРОГЕ СОДОМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

На наших глазах традиции и ценности становятся новыми «углеводородами», в борьбу за обладание которыми вступили сильнейшие геополитические игроки. По замыслу транснациональных режиссёров, 2018 год должен стать временем полномасштабного блицкрига, когда во всём мире разом установится главенство прав гомосексуалистов и лесбиянок.

В мае все страны Европы должны были окончательно подписать и ратифицировать «Конвенцию Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье» (Стамбульская конвенция), которая вводит в пространство права, социума и государственной политики псевдопонятие «гендер», узаконивает гомосексуализм как новую нравственную «норму» и вводит ювенальную юстицию как механизм перехода к новой, извращённой форме семьи.

На данный момент из 47 государств — членов Совета Европы Конвенцию ратифицировали 27, не подписали только Россия и Азербайджан, и в этом году давление на «нарушителей» усилилось. Ответом стали массовые протесты жителей стран: Хорватии, Болгарии, Латвии, Польши, Чехии, Словакии и др.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Общественность России также подняла тревогу: в адрес президента, а также всем депутатам Госдумы было направлено обращение от 125 видных общественных деятелей, представителей науки, культуры, СМИ с призывом не присоединяться к Стамбульской конвенции и отклонить закон «О равенстве прав мужчин и женщин» (о «гендере»), а также отменить ряд других инициатив гомосексуального лобби.

Многие патриотические СМИ разместили критические статьи и аналитику Стамбульской конвенции и закона о «гендере». Неравнодушные граждане также не остались в стороне, направляя телеграммы с протестом против опасных инициатив.

Основной лоббист «гендерной» революции — думский депутат Оксана Пушкина дала обиженно-растерянное интервью одному из телеканалов о том, что она не ожидала, что против намеченных ею изменений выступят «люди, которых она прежде уважала», но она как человек, который привык всегда добиваться намеченного, от своей цели не отступит.

К счастью, в итоге случилось то, чего лоббисты никак не ожидали: если в апреле чиновники в письмах одинаково благодарили несогласных «за активную гражданскую позицию» и не более того, то в конце мая Минтруд РФ, думский Комитет по семье и другие ведомства стали отвечать, что *«правительство не планирует присоединяться к Стамбульской конвенции»*.

И причина метаморфозы — в представленном 11 мая в Женеве на 30-й сессии Рабочей группы Универсального периодического обзора СПЧ ООН и подготовленном Минюстом Национальном докладе, в котором в п. 18 сказано: «Российская Федерация не является участником Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция), поскольку отдельные ее положения не совпадают с принципиальными подходами Российской Федерации к защите и продвижению традиционных нравственных и семейных ценностей». И далее: «Действующее российское законодательство в достаточной мере обеспечивает защиту от насилия в семье и не нуждается в разработке дополнительных правовых норм, регулирующих общественные отношения в данной сфере».

Вот эта победа будет поважнее иных спортивных, и всех, причастных к ней, от всей души поздравляем!

Но содом так легко не сдаётся: ровно через неделю, 18 июня под информационным прикрытием новостей о футбольных баталиях в СМИ прошла новость о том, что «в королевской

семье Британии намечается первая однополая свадьба»: кузен королевы Елизаветы II лорд Ивар Маунтбаттен собирается под венец с мужчиной.

Тут важно оценить внутреннюю суть события. Когда старший внук Елизаветы Уильям был намерен жениться на Кейт Миддлтон, бабушка 9 лет не давала согласия на брак, поскольку невеста не была ровней по крови жениху-принцу да и внешне не соответствовала высоким королевским требованиям. И только когда решение о свадьбе было всё-таки принято, в СМИ появилась пасторальная история о том, как бабушка изначально была нежна и тепла с внучатой невесткой.

Свадьба младшего внука Гарри и вовсе стала вызовом незыблемым традициям дома Виндзоров: его невеста Меган Маркл оказалась мулаткой, разведённой актрисой из сериалов для взрослых и вдобавок старше его на три года. Королева Елизавета упорно сопротивлялась союзу, но после угроз принца Гарри уйти из дома «в никуда» всё же сдалась.

Невеста Меган никогда не скрывала своих твёрдых феминистических убеждений и на церемонии венчания «подкорректировала» брачную клятву: не стала произносить обещание супругу «слушаться и подчиняться». А видео её усилий во время венчания согнать с лица с помощью активной мимики толстую муху тут же стало интернетным мемом.

Итак, английский королевский дом, оплот традиций и консерватизма, трещит и раскачивается на наших глазах. И «брак» королевского кузена с гомосексуалистом — настоящий гвоздь в крышку гроба «старой доброй Англии». Той самой Англии, которая со времён Ост-Индской компании и по сей день, прячась под маской уютной, предсказуемой и интеллигентной старушки, жёстко контролирует все экономические, политические и смысловые процессы в мире, формирует стратегии развития национальных государств, устанавливает пределы их роста и создаёт механизмы управления. Именно она вымывает сейчас из России деньги, мозги, людей. А взамен экспортирует сексуальные извращения. — Так, в престижном Оскфорде отпрыску богатых родителей из любой страны без проблем позволят познать «прелести» однополых сексуальных отношений, изменяющих его природу раз и навсегда.

Дошкольникам в английских школах прочтут занимательную книжку о «гендере» из разосланного властями обязательного списка. А международные (!) стандарты для подобного обучения и «защиты прав детей» заботливо разработаны одним из ведущих экспертов ЮНИСЕФ Питером Ньюэллом, по совместительству — английским педофилом, неоднократ-

но насильовавшим в 60-х годах двенадцатилетнего мальчика и, наконец, осуждённым за это в 2018 г.

Шотландский епископ, настоятель собора Святой Марии в Глазго и ЛГБТ-активист Кельвин Холдсворс, призвал христиан молиться о гомосексуализме принца Джорджа, занимающего третье место в линии наследования британского престола — для того, чтобы англиканская церковь вслед за шотландской «признала однополые браки».

Вопрос престолонаследия Англии, «главноуправительницы» мира, — ключевой для международного гомосексуального движения: если её правитель предпочтёт извращённые половые отношения, всё человечество должно будет принять именно эту новую «норму».

Нынешние законные претенденты на английский трон, Чарльз и Уильям, не торопятся взваливать на себя груз жёстких ограничений и постоянного пребывания под прицелом журналистов — вакансии возможного преемника Елизаветы II третий год по-прежнему свободна. Двоюродный брат королевы — это хоть и не прямой наследник, но всё-таки неоспоримый родственник, персона королевских кровей, который, при необходимости, мог бы стать регентом для юного принца Джорджа в случае отказа от трона его отца и деда.

Именно здесь кроется разгадка заголовков типа «В королевской семье Британии намечается первая однополая свадьба»: «первая» — значит, путь открыт; «однополая свадьба» — значит, свадьбы бывают разного вида; «в королевской семье» — значит, теперь и на самом высоком уровне традиции и нормы отменяются.

Лорд Ивар Маунтбаттен прожил в браке со своей женой Пенелопой 16 лет и нажил троих дочерей, а теперь именно она поведет бывшего супруга «под венец» в частной часовне в Девоне. Вопреки распространяемой английскими СМИ легенде, что Пенни поддержала это его решение, на деле она пережила тяжелейшую травму, когда 8 лет назад узнала, что муж предпочёл ей мужчин. Она пыталась какое-то время заглушать отчаяние алкоголем, но, судя по всему, несмотря на новый брак, по-прежнему страдает. Люди везде одинаковы, и независимо от географии любовь так же дарит им и счастье, и боль.

Параллельно шокирующей новости о предстоящем королевском гомосексуальном торжестве, на которое близкие родственники «жениха» не приедут «исключительно из-за плотного графика», СМИ неожиданно актуализировали ещё одну линию, сообщив, что лорд Ивар Маунтбаттен — это внук гра-

фини Надежды Михайловны де Торби, которая по отцу была правнучкой императора Николая I, а по матери — правнучкой Пушкина.

Прекрасный заголовок для первой полосы: «Потомок Пушкина из королевского дома Англии празднует однополую свадьбу!» Вот она, «русская карта».

А накануне этого заявления, 17 июня, состоялось шествие содомитов в Киеве, где 2 тысячи извращенцев из разных стран шли по коридору из решёток за тройной цепью охраны из 5 тысяч полицейских. Православная общественность с плакатами скандировала призывы прекратить растление детей, «нацики» дрались — на марше было задержано более 60 человек, пытавшихся защитить свои ценности, но остановить шабаш все они так и не смогли.

В кузове специального грузовика, вихляясь и гримасничая, пританцовывали трансвеститы в перьях и парче. Среди шествия были замечены дети и подростки, а участники скандировали, выбрасывая к небу сжатый кулак: «Бунтуй, кохай, права не выдавай!» Участник из Санкт-Петербурга на камеру пригласил всех на «неделю маршей» в августе в его городе.

И ещё одно событие геополитического, даже цивилизационного уровня, также оставшееся незаметным, состоялось 18 июня: Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) обнародовала новую Международную классификацию болезней (МКБ-11), прокомментировав, что в ней появилась глава о традиционной медицине, а в список зависимостей впервые вошли видео- и цифровая игромания.

При этом авторы скромно умолчали, что в МКБ-11 появилась принципиально новая группа № 17 — «*сексуальное здоровье*». В неё вошли: «гендерная дисфория или расстройство гендерной идентичности; парафильные расстройства: эксгибиционизм, вуайеризм, педофилия, садизм, фроттеризм» и др. — всё то, что прежде считалось патологией. Другими словами, отныне педофилия, садизм, трансгендерность, транссексуальность и др. — больше не болезнь, а просто «один из видов сексуального здоровья»; именно по такой схеме ВОЗ ранее осуществила депатологизацию гомосексуализма. Это — историческое событие, «ломающее мир об колено», создающее новую реальность «всепобеждающего содома».

В течение года страны смогут вносить свои поправки и замечания в новый МКБ-11, который в мае 2019 г. будет принят на Всемирной ассамблее здравоохранения, а в силу вступит с 1 января 2022 г.

Общественность в своём Обращении к президенту активно выступила против этих изменений в МКБ-11, призвала

отменить недавний приказ Минздрава об ускоренном (в течение 30 дней, без обязательной прежде хирургической коррекции!) порядке смены пола, а также не допустить подписание подготовленного министром приказа, который переводит помощь пациентам с сексуальной патологией из сферы клинической психиатрии в сферу консультативной сексологии, в результате чего лечить сексуальные извращения в России больше не будут. Кто-то по-прежнему сомневается в наличии глобального сценария, согласованных дат и сроков, выстроенной стратегии и обозначенной цели?

В ответ на протесты общества из Минздрава РФ был получен ответ за подписью заместителя директора департамента Е.А. Сафроновой. Ссылаясь на мнение главного внештатного психиатра Минздрава З.И. Кекелидзе, чиновница сообщила, что «государства-члены ВОЗ обязаны руководствоваться МКБ в действующей редакции», что «отказ даже от отдельных её положений невозможен» и что «разработчики МКБ принимают во расчёт духовно-нравственные и культурные аспекты, но сугубо профессиональный подход остаётся для них приоритетным».

По поводу приказа о новом порядке смены пола в письме было сказано, что «этот ведомственный нормативный документ базируется на данных науки и практики» и что «нет никакого основания считать его ускоренным».

Также общественности было указано, что «по информации, представленной З.И. Кекелидзе, выдвигаемые гражданами требования не должны посягать на сложившиеся в современной медицинской науке представления о психическом здоровье и психической патологии». И, напоследок, ключевое: «Представители широкой общественности и СМИ не должны оказывать влияние на профессиональную деятельность врача».

В общем, господин Кекелидзе лучше знает, что нужно стране. Это выглядит, как в том анекдоте: «Сестра, а может, всё-таки меня в палату?» — «Доктор сказал «в морг» — значит, в морг!»

Для того чтобы обществу было легче перейти к новой гомосексуальной реальности, в социальных сетях широко распространяются такие специфические опросы, как, например, на тему: «Восприятие мужчин и женщин, отношение к гомосексуалам», подготовленный Высшей школой экономики (НИУ ВШЭ).

В данном опросе человеку предлагается для начала указать только свою сексуальную ориентацию (безусловно, это самый главный признак человека!), а затем выбирать из пред-

лагаемых утверждений то, с чем он согласен, например: «В отношениях с женщиной мужчины часто стараются доказать свое превосходство; когда мужчины болеют, они ведут себя как дети; мужчины стремятся занять более высокое положение в обществе, чем женщины; поступки женщин более моральны, чем поступки мужчин».

А также из таких: «Всех геев объединяет что-то глубинное, без чего они бы не были геями; только геи способны понять мысли и чувства других геев; можно многое сказать о человеке, узнав, что он гей; существование геев не наносит никакого вреда людям с традиционной сексуальной ориентацией; мужская гомосексуальность — это одна из естественных для человека форм сексуальности».

Это — яркий пример технологии изменения массового сознания под названием «Окна Овертона», когда прежде табуированное становится сначала обсуждаемым, потом приемлемым, затем желаемым и в итоге — предпочтительным.

Остаётся задать вопрос: на кого работает ВШЭ?

18 июня — день, в который Англия сняла табу с однополых «браков» в королевском доме, взорвав нравственное поле цивилизации. По «странному совпадению» в этот же день ВОЗ объявила о новом МКБ-11, в котором сексуальные извращения (педофилия, садомазохизм, фетишизм, трансгендерность и др.) депатологизированы и, соответственно, больше не подлежат лечению и наказанию.

Минздрав РФ не намерен использовать предоставленную возможность и вносить вслед за другими государствами поправки в МКБ-11 в части сексуальных отклонений. Он также ложно проинформировал общественность о том, что это невозможно.

В ведомстве уже подготовлены документы, позволяющие ускорить внедрение опасных изменений — принят новый порядок смены пола и представлен приказ о переводе пациентов с сексуальными отклонениями из ведения психиатров (лечение) в ведение сексологов (консультирование). При этом Минздрав в лице конкретных чиновников строго «прикрикнул» на общество, которое платит ему из своих налогов зарплату, — за то, что оно напомнило ему о своих ценностях, с которыми не намерено расставаться, да и вообще заявило о том, что оно есть.

Налицо — диссонанс между деятельностью Минздрава РФ и Стратегией национальной безопасности, утверждённой президентом, где духовно-нравственные и культурные ценности названы объектами национальной безопасности, подлежащими защите государства.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЖЁЛУДЬ НИБЕЛУНГОВ

РАССКАЗ

Лет тридцать назад этого человека еще можно было видеть на улицах города Бирюч. С бензопилою на плече он обычно торопился распилить кому-либо бревешки на дрова. Деньги от этого долгое время оставались для него едва ли не единственным источником существования. Ну, еще за трешку иногда чистил он туалеты в райцентровских учреждениях. И почти ни с кем не разговаривал, ронял в благодарность обычно только два слова: «Спасибо, пожалуйста».

Звали его Яков Мессер. Еще в давние пятидесятые, как утверждала молва, привезла Якова из сибирской ссылки одна местная жительница, да так и прижился Яков на новом месте. Года два-три подряд пилил он дрова и у меня. Но тогда разговориться со стариком не удалось, хоть и распирало меня любопытство пораспросить его о прошлом. «Спасибо, пожалуйста», — лишь проговаривал он скороговоркой, пряча в карман брюк десятку за работу.

И вполне возможно, что я так и не удовлетворил бы своего любопытства по поводу Якова Мессера, если бы не одна чисто случай-

ПРОЗА

ная встреча. Как-то под Рождество пригласили меня друзья попариться в баньке местного ремстройучастка. И вот в ней, этой баньке, в это время, оказывается, как раз и подрабатывал старый Яков. Время от времени он заглядывал к нам в парилку и плескал на багровые камни воду. И с каждым таким заходом становился всё больше и больше разоблаченным. Наконец, где-то с пятого посещения парилки Яков оказался голым по пояс: доканала-таки жара и его. И вот когда он склонился над дышащей жаром горкой камней, я увидел на его спине тщательно вытатуированную... географическую карту! Военную, со стрелками наступающих частей, линией фронта и названиями населенных пунктов. Я метнулся к старику, и первая надпись, нанесенная на его спину, меня несказанно удивила. Это было слово «Прохоровка». Чуть ниже — «Беленихино», чуть выше — «Марьино», а в самом низу, на пояснице, обозначен и сам Белгород.

— Старик! — Я развернул его за плечи. — Бога ради, откуда у тебя эта карта?

Яков захопал длинными белыми ресницами и отрицательно покрутил головой. Но тут поднесли на него и мои друзья. Поднесли банщику стакан водки, усадили на низкую полку. После нескольких своих «спасибо, пожалуйста» он начал говорить. И постепенно мы забыли и о камнях парилки, и о дровишках для печки, и обо всём на свете. Ибо рассказ Якова Мессера словно вырвал нас из реальности, перенеся под раскаленное небо июля 1943 года...

— Мое настоящее имя Иоахим Пауль фон Мессер, — начал старик, опустив сухие ноги в кем-то из нас услужливо поставленную шайку с почти нестерпимо горячей водой. — Родился и вырос я в отцовском имении под Дрезденом. Как и все дети моего поколения, занимался военно-спортивными упражнениями, состоял в юношеской организации «Вервольф». Блестяще законченная в 19 лет школа и безупречная родословная открыли передо мною двери привилегированного военного училища. И уже в 33-м году, сразу после прихода к власти Гитлера, я был инструктором СА в чине штурмфюрера. Потом Голландия, Франция, где я уже командовал танковым взводом и получил железный крест 2-й степени. Тогда и тени сомнения в верности нацистской идее у меня не появлялось. Мои танкисты были настоящими потомками нибелунгов: рослые, красивые парни легко покоряли не только страны и народы, но и женские сердца. И сам я женился на дальней родственнице пушечного короля Круппа, очарова-

тельной белокурой Лотте. Я часто наведывался с фронта в родовое имение, и все они тогда принимали мои военные экспедиции за приятные романтические прогулки. Я уже тогда ощущал, сколь тяжела работа воителя, но вслед за обожаемым фюрером считал это неизбежным занятием перед мировым господством арийской расы.

А тут еще образы пленных солдат укрепляли нас в самоутверждении. Понурые голландцы, французы, поляки, чехи, сербы, греки... Боже, сколь же легкомысленным лейтенантом переехал я на своем танке русскую границу на рассвете 22 июня!..

Мой танк подбили в первом же бою, на мосту через Буг. Подвел громадный белый крест на башне, в который и вцепил точный снаряд русский бронбойщик. Моя факелом горящая машина заклинила движение через мост, и от того в считанные минуты запылали еще несколько танков. Спасибо, механик сумел завалить горящую машину в реку.

Это словно отрезвило меня, и на войну с Россией я начал глядеть совершенно иными глазами. Помню, под Рославлем русские из бетонированного дота, пристреляв единственную дорогу в болотах, прочно закупорили наше продвижение. Дот бомбили с воздуха, громили из орудий чуть не прямой наводкой, а он все не умолкал. Десятка полтора танков и грузовиков, сотни две солдат недосчитались мы на подступах к тому доту. Подобного упорства противника я не встречал во всей Европе. По приказу самого Гудериана в считанный час соорудили полсотни деревянных макетов танков, «напялили» их на штабные легковушки и бросили под огонь этого дота. Снаряды у русских кончились где-то на третьем десятке фальшивых танков. Но и тогда дот не сдался, последними патронами его защитники пострелян самих себя. А было их всего... двое! Двое — и десятки разбитых в прах единиц техники, сотни людей. Мы стояли вокруг этих мертвых парней, вынесенных на траву, и тогда впервые ужас обуял меня. Я понял, что немцы — никакие не сверхчеловеки, а славяне — нормальные люди, которых лучше не трогать... Наверное, подобные мысли обуревали тогда многих наших солдат. И может быть, там, под Рославлем, я тогда уже проиграл свою, личную войну.

Но — команда вперед! Второй мой танк сгорел в Ясной Поляне. С обожженными руками я лежал в какой-то холодной комнате, женщина-фельдшер меняла мне бинты, а со стены, с портрета, укоризненно глядел удивительно знакомый бородатый старик. Командир моей танковой роты, ле-

жавший рядом с правой культёй вместо ноги, напомнил, что старик этот Лев Толстой. Оказалось, я страдал в той самой постели, где великий писатель вынашивал замыслы книг о непостижимой русской душе и нестигаемом духе своих соплеменников.

Бог миловал меня, во время Сталинградской катастрофы я учился на курсах в Германии, где познавал новый тяжелый танк — «Тигр». В июне сорок третьего вместе с эшелоном этих машин прибыли в Золочев, а оттуда — своим ходом — под Томаровку.

Надо отметить, что «Тигр» внушал доверие не только устрашающе громадным внешним видом, но и совершенной оснасткой. Мы считали, что новый танк неуязвим для снарядов противника. На полигоне под Томаровкой для проверки пытались расстреливать «Тигров» из орудий трофейных «тридцатьчетверок», и крупповская броня выдерживала самый интенсивный огонь. Но наученный горьким опытом, я выкрасил в защитный серо-зеленый цвет машины вверенной мне роты, в дополнение ко всему — номера танков нанесли малыми цифрами, а углы машин густо вымазали черной краской. Это затем, чтобы русские летчики сверху не могли определить марку танка, ведь на фоне черного поля для летчиков «Тигр» обретал совсем иные очертания.

Жестокий артналет русских 5 июля не причинил вреда нашей части. Очевидно, русские получили неверный ориентир, уложив свои снаряды в стороне от нашего полигона. Поэтому, когда другие части, задетые артналетом, двинулись на русские позиции, мы перед многими были в выигрыше.

...Прохоровка. Я даже не подозревал о ее существовании до рокового для меня дня 12 июля. За неделю боев до того огнем своей пушки я спалил четыре русских танка, несколько машин и раздавил гусеницами пару орудий. Моя рота не потеряла ни одной боевой единицы, за что вечером одиннадцатого числа и получил я второй железный крест и чин гауптмана. Тогда же командир всего нашего танкового кулака собрал нас на взгорке у селения Яковлево и воодушевил примерно такими словами:

— Солдаты 4-й танковой армии! Вы, как железные желуди Нибелунгов, должны усеять завтра эту жирную землю. Мы прорастём страшными для русских всходами, и благодаря вашему героизму здесь навеки поселится немецкий дух. Крепкие, как германские дубы, великие, как предки, наши дети и внуки, наши потомки навсегда обретут здесь для себя место обитания. Курск, Белгород, Прохоровка и прочие русские города и села отныне и навеки останутся нашими. Для

этого надо сделать всего одно усилие — разгромить завтра русских танкистов в открытом бою. Помните, у них нет таких танков, как у нас. У них нет снарядов, чтобы поражать наши танки. У них нет того духа мирового господства, который ведет нас вперед!

Потом ко мне майор подвел невысокого бородатого русского мужика, удивительно похожего на Льва Толстого, чей портрет мне крепко запал в память. Но руки моего «Толстого» были совсем не крестьянскими, с тонкими, почти прозрачными пальцами. Мужик старался держать их за спиной, но это не укрылось от моего взгляда. Майор пояснил, что этот местный житель, пострадавший от большевиков, проведет нас ложбинами к самому расположению противника. Понятно, майор советовал глаз не спускать с сего сомнительного поводыря... Впрочем, — остановился вдруг па полуслове старик Яков, — поднесите-ка мне еще стаканчик... Спасибо, пожалуйста!.. И воду в тазике смените, остыла уже.

— Утром бронированная громада в добрых семь сотен танков взревела дизелями, укутав полигон сизым дымом непрогретых моторов. Механики запустили также грузовики и тягачи, и мощный рев тысячи выхлопных труб сразу и надолго нас оглушил. Моя рота на высокой скорости прошла мимо штабных вагончиков, лазарета, надвое разрежала колонну медленно ползущих к фронту фанерных танковых макетов. Проводник сидел рядом со мной с таким видом, словно прогулки в танке на передовую были для него обычным делом. Он то и дело припадал к смотровой щели, рукой показывая водителю — вправо взять или влево. Я, как и многие командиры танков, стоял, полувысунувшись из башни, и наблюдал весь этот невиданный марш.

Железная река растекалась по ложбинам и балкам, но уже хорошо и без бинокля я видел пыльные шлейфы от русских танков, которые шли нам навстречу. Незадолго до этих дней лили затяжные дожди, но вот теперь в считанные часы нестерпимое солнце высушило почву, и земля, словно пуховик, вытряхивала из себя серые облака пыли.

Старик проводник потянул меня за ногу, и я опустился внутрь танка. На ходу, едва не ударяясь головой о железную грань прицела, старик начал объяснять, что нужно остановиться. Надев наушники, я дал приказ роте прекратить движение. И тут по радио я услышал чистый немецкий голос. «Никогда никакой внешний враг не ввергал нас, немцев, в пучину бедствий так, как это сделал Гитлер. Факты свиде-

тельствуют неумолимо — война проиграна...» «Что за чертовщина?» — удивился я. Но тут же в наушниках раздался уверенный голос командующего армией: «Офицеры, русские передают на нашей волне обращение предательского комитета «Свободная Германия», который сейчас заседает не где-нибудь, а в Москве. Всем перенастроить приемники на резервную волну!»

Мой мужик, сойдя босым в пыль, знаками показывал, что ему нужно пройти вдоль оврага, в который втянулась моя рота, до его развилки. Я так понял, что высовываться туда сразу проводник не советует, за поворотом балки могут быть русские пушки. Велев заряжающему своего танка сопровождать мужика, я остался ждать результатов их разведки.

И тут балку начал наполнять гул разворачивающегося рядом боя. Мы явно опоздали, и я нервно ждал, когда мои двое появятся из-за поворота оврага: их не было уже подозрительно долго. И тогда радио донесло до меня брань командира полка: «Гауптман Мессер, вы пойдёте под трибунал, если в ближайшие пять минут не вступите в бой!»

Я двинул роту вперед самым быстрым ходом и сразу за злополучным поворотом увидел моего несчастного ефрейтора с тесаком в животе. Мужик сбежал, оставив меня в таком положении, что я даже не представлял, в каком месте сражения выскочу сейчас на поле. Но на раздумье времени не оставалось.

И вырвались мы в самое пекло. В первые же секунды боя меня страшно потрясло то, что два «Тигра» из моей роты, едва высунувшись из балки, тут же были подбиты. Но дальше мы пошли теснить русских. Словно бульдозером, лобовой броней своего танка я буквально смял перед собой русские средние танки. Собственно, и стрелять-то сначала оказалось некуда: перед глазами мелькали то кресты, то звезды, номера на башнях различались лишь по манере написания...

Словом, передать это в простом рассказе попросту невозможно. Оставшись без заряжающего, я сначала радисту приказал заменить его, потом сам вталкивал снаряды в магазин орудия. О каком-либо командовании ротой нечего было и думать: теперь каждый на этом смертоносном поле выживал в одиночку. И где-то минут через пять мою машину буквально пробуравил русский снаряд. Нет, взрыва не было, заряд попросту прошел лобовую и кормовую броню, уйдя дальше. Оказалось, что для кумулятивных снарядов наша защита не составляла проблемы. Наш танк тут же вспыхнул.

Я выскочил из полыхающего танка и до сих пор не знаю, спасся ли мой экипаж. Сам же я метнулся к соседнему «Тиг-

ру», на который трое из его расчета натягивали оборванную гусеницу. Я помог парням и вместе с ними вскочил в их машину.

И опять дикая тряска, стук и шорох металла по корпусу «Тигра», и — новая сквозная дыра. И опять целым и невредимым я метался между ревущими железными зверями, пока не оказался внутри танка Т-IV. Как сейчас помню его бортовой номер — 722. Его экипаж сидел мертвым на своих местах. Я откинул тело водителя в сторону и развернул танк. Я был один, но на ходу умудрялся еще и стрелять. Попросту, бросив рычаги, я поднимал с пола снаряд, загонял его в магазин, задвигал замок. Впрочем, управления никакого и не требовалось — мой Т-IV разворачивали, тараня, то наши, то русские. Однако мне удалось поджечь русский танк и самоходное орудие.

А потом подождли меня. Танк вспыхнул с таким остервенением, что я едва успел свалиться в нижний люк. Взорвавшийся боезапас отбросил меня в сторону, кровь начала заливать глаза. Но скорее инстинктивно, чем подчиняясь разуму, я ринулся к другому танку, чтобы продолжить бой. И лишь когда, с трудом поднявшись на ноги, я перевалил через борт этого прокопченного танка, я понял, что оказался внутри невесть как попавшего в центр боя деревянного макета... — Старик Яков ненадолго примолк, потом вновь произнёс, подняв ноги над тазиком: — Самый раз наполнить рюмки...

Мы без напоминания сменили ему воду.

— Спасибо, пожалуйста. Шнапс ваш напоминает мне годы юности... Так о чем я?... Да, это был макет, внутри которого я без сознания пролежал весь день и всю ночь. Бой закончился, «железные желуди» оказались разбитыми наголову. А меня из деревянной коробки выудили солдаты русской трофейной команды. Понятно, скоро я оказался в колонне военнопленных, с которой пешком, качаясь от головной боли, дошел до Старого Оскола. А там — вагоны для скота, долгие недели пути в Сибирь. Работали в Саянских горах, в рудниках добывали селитру. Потом селитра шла на порох, и этими зарядами русские громили нашу армию.

Сказать правду, к нам, пленным, отношение у конвоя сложилось намного лучше, чем к работавшим там же русским заключенным. Что бы ни случилось, нам всегда вовремя давали пищу и одежду, регулярно показывали фронтовую хронику и трофейные немецкие фильмы. Русские же, чей лагерь раскинулся на соседней сопке, умирали десятками, иногда мы бросали в их проходящие на работу колонны хлеб и картошку. Нас разделяли строго, но общаться все-таки удава-

лось. Как правило, раз в неделю в прачечной пленных трудились русские женщины, тоже заключенные. С одной из них мне удалось познакомиться. Как оказалось, до недавнего времени числилась она корректором районной газеты, да вот по недосмотру в одной публикации в фамилии вождя не заметила опечатку. Ну, прямо на Новогоднем вечере и взяли Аннушку. Она легко говорила по-немецки, и мы быстро нашли общий язык. Скоро наша дружба стала перерастать в иное чувство.

Но тут я как-то простудился и два дня не выходил на работу. В наказание на две недели перевели меня в поселковую тюрьму. И вот здесь-то, среди уголовников и прочей нечисти, я и встретил своего бывшего проводника, похожего на знаменитого писателя. «Толстой» первым узнал меня и широко развел руки в стороны:

— Господин гауптман, какая встреча! Извини, брат, что пришлось пришить твоего ефрейтора, уж больно он не хотел отпускать меня восвояси.

Говорил теперь вчерашний мужик на чистом немецком, да и выглядел он совсем иначе. Маленькая, клинышком, бородка, острые глаза в морщинках. Он-то и поведал, что «проводники», вроде него, внедрялись чекистами чуть ли не во все немецкие танковые колонны. А сидит он теперь в лагере за то, что где-то на очередных курсах диверсантов заговорил во сне по-немецки. Посчитали за шпиона.

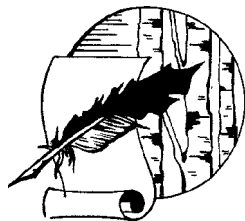
В тюрьме доступной оказалась водка. Зэки, невзирая на охрану, пили, расписывали свои тела татуировкой. По этой части непревзойденным мастером слыл и мой знакомец. Подпоив, он и меня уговорил согласиться на замысловатый узор с тевтонским крестом и русалкой, похожей па Валькирию. Словом, купил немецкой символикой.

Добрых три часа терпел я жуткую боль, лежа на животе и не шевелясь. А зэки заглядывали через плечо проводника и лишь прицокивали от восхищения языками. Потом я неделю не мог лежать на спине, но кожа зажила к моменту возвращения в лагерь. И вот тут-то соседи по бараку едва не убили меня, обнаружив на моей спине эту самую карту, что сегодня увидели вы. Земляки справедливо посчитали за оскорбление напоминание им о поле позора немецкого оружия. С тех пор и по сей день я не разоблачаюсь на людях. Сорок с лишним лет не нежился на пляжах, не ходил в баню. А теперь вот, видать, совсем постарел, коли забылся и открыл перед вами свою опозоренную спину... Проклятый проводник, он дважды провел меня с этим Прохоровским полем.

Ну а потом, после смерти Сталина, мы начали помаленьку возвращаться на родину. Но куда было податься мне? В восточной зоне оккупации Германии вряд ли кто ждал меня, я даже лицо свой Лотты забыл, да и проклятая карта на спине жгла душу вроде волчьего билета. Поэтому и приехал я с Аннушкой сюда, в этот райцентр. Понятно, что ни о какой пенсии не помышляю... Впрочем, плесните еще шнапсу... Спасибо, пожалуйста...

Сгорбленный, юркий, подслеповатый, он еще несколько лет шмыгал по улицам со своей неизменной пилой. Глядя на него, никто не думал, что это и есть тот «железный желудь», на который делал ставку фюрер. Так и не дав «всхода», он тихо увял в один из теплых летних дней.

Оно и понятно — железо не может прорасти живым побегом. Даже если это железо имело вполне людское имя — барон Иоахим Пауль фон Мессер.

Георгий КОЛЬЦОВ
(1945 — 1985)

Георгий Николаевич Кольцов родился 9 апреля 1945 года в с. Буреть Боханского района Иркутской области. В 1976 году закончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор книги «Корни кедра», изданной в Иркутске в 1975 году. С 1976 года по 1985 год вплоть до своей трагической гибели жил в г. Кашире Московской обл. Стихи публиковались в журналах «Звезда», «Сибирские огни», «Студенческий меридиан», «Пограничник», «Сибирь», в альманахе «Истоки» издательства «Молодая гвардия». В 2015 году к 70-летию поэта вышла в свет посмертная книга его стихов «Спасательный круг», переизданная в 2017 году.

ДЫМ НАД ИЗБОЙ

ДЕРЕВНЯ

То гнев свой меняла на милость,
То вновь становилась строга.
Я вырос в деревне.
Я вырос
В краю, где до неба стога.

Где звёзды мерцали в затоне,
Где рук не хватало в страду,
Где исстари,
Как на ладони,
Всегда человек на виду.

Настырный —
Наивный, по сути,
Да и на подъём не тяжёл,
Чтоб в городе выбиться в люди,
Я рано отсюда ушёл.

Дорогой, проверен на зрелость,
Я дело искал по плечу...
Мне многое в жизни хотелось,
Но честно признаться хочу,

Что, как бы мир ни был огромен,
Как наш ни оправдан побег,
В стенах деревенского дома
Душа остаётся навек!

РОДНОЙ ДОМ

Валентину Распутину

Снова в тесном доме соберёмся,
Три окошка — к реке под бугор...
А причина, возможно,
Лишь в том вся,
Что здесь мамка живёт до сих пор.

Мы смолистых дровишек наколем,
Засучив до локтей рукава.
На зелёном картофельном поле
Отцвела и пожухла ботва.

С чем сравнить материнскую старость?
С тяжкой участью тихих берёз,
На которых листвы не осталось, —
Всю по свету ветрище разнёс!..

Старший соль добывает в Усолье.
Младший брат обживает Москву.
Да и я в городок невысокий
Мать давно безнадёжно зову.

Рвётся нитка в том месте, где тонко.
Ну а если она не тонка?!
Наша мать, коренная чалдонка,
Дом бросать свой не хочет пока.

Сердцем чует:
Пока он не продан,
Каждый связан надёжным узлом
И с землею,

Откуда мы родом,
И с закатом за синим селом...

В доме, где не нажили богатства,
Где пока ещё мама жива,
Заставляет нас всех собираться
Неизбывная сила родства.

* * *

Звёзды в ключьях тумана
Догорают дотла.
Острогию трёхгранной
Выплывает скала.

Чьё-то робкое эхо
Растворилось в лесу.
Лодки —
Днищами кверху —
На зелёном мысу.

Облака, как таймени,
Розовеют вдали,
Но скала
Ловит тенью
Отраженье зари.

По воде,
Как от рыбы,
Разбежались круги.
Рыбаки!
Помогли бы
Снять зарю
С остроги...

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Колокольчики,
Колокольчики —
Ни конца вам, ни края нет.
То ли морюшко,
То ли полюшко —
Этот пляшущий синий цвет...

Озорная пора,
Озёрная!
Я и вспомнить теперь не смогу,
Сколько их,
Колокольчиков, сорвано
На ребячьем моём веку.

Я их ставил в стакан.
Подравнивал.
На пол стряхивал муравья.
Каждый —
Словно птенец подраненный,
Крылья медленно расправлял.

Снова в детство
Вернуться хочется
И по синему полю брести...
Колокольчики,
Колокольчики,
Обеззвученные в горсти.

СИБИРЬ

Я с берега слежу
За птичьей стаей...
И с каждым днём становится родней
Река с отливом плавающей стали,
Когда зажгутся бакены на ней.
Я уходил отсюда за рассветом,
Но знал:
Куда б меня ни занесло,
Я в эту землю врос,
Как корни кедра,
Невидимо,
Упрямо,
Тяжело.

* * *

Созвездьями тьма разрублена
На мелкие
На куски.
Таинственно,
Как у Врубеля,

Ложится луна в пески.
И Ангара под звёздами
Багровой кажется мне.
И слышно,
Как кто-то вёслами
Стреляет по тишине.

МАНЬЧЖУРИЯ

И сквозь века
Я слышу гик погони
И вижу пепелища городов...
Пасутся неосёдланные кони
В низинах сопок,
Словно у шатров.

А степь вокруг,
Как выжженная крепость,
Пылится под набегами ветров...
Солёные озёра в местный эпос
Входили очертанием подков.

На поле брани вдовы голосили.
Тот стон был слышен рядом и вдали.
И не было беды невыносимей
С момента сотворения земли.

Красивых русоколых полонянок
Монголы гнали с гиканьем в Орду.
Неся беду другим в тугих колчанах,
На свой же род
Накликали беду.

И чёрная Орда, не золотая,
Ещё представить даже не могла,
Что, как бы высоко ни залетала,
Всегда на землю падает стрела.

И, описав дугу,
Стрела находит,
Выходит так,
Не только лишь врага...
Коню — нести кочевника в походе,
А жёнам — тосковать у очага.

Слезились очи молодых монголоков.
Что — юрты без детей?
Они пусты!
И с той поры на склонах сопок голых
От слёз их вдовьих
Зацвели цветы.

ПРИЧАЛ

Показался за мысом
Дощатый причал.
— Здравствуй! — крикнуть хотелось,
Но я промолчал.

Переплавишь ли чувства
В скупые слова?
И к лицу ли, как в детстве,
Кричать в тридцать два?

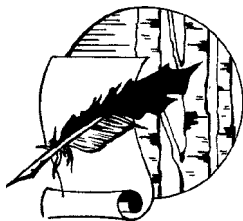
Рябь студёной волны.
И по коже — мороз!
В горле вдруг запершит
От непрошенных слёз.

Ветер, славя простор,
Над рекою крепчал...
От тебя расходились дороги,
Причал!

И скрипел твой настил,
Как солдатский ремень.
Ты всегда по-мужски
Чувства прятать умел.

Провожая людей,
Крепче в берег вралал.
Так не каждый из нас
Верен отчим местам.

Ты распутывал здесь
Узел встреч и разлук...
Вот и дым над избой,
Как спасательный круг...

Олег АЛЁШИН

В ЗАКАТНОМ СВЕТЕ

* * *

Грачёвка — родина отца —
Мое святое захоlustье.
Здесь нет начала и конца
Бездонной и небесной грусти.

И только здешние грачи
Судьбу пророчат по соседству.
Мне даже негде здесь свечи
Поставить изгнанному детству.

Родное стало вдруг чужим.
Но что меня сюда так тянет?
Я словно прошлым одержим,
Не отпускает сердца память.

Среди заброшенных крестов
Не отыскать родные кости.
На родине своих отцов
Мы как непрошенные гости.

* * *

Донских степей печальный сон
Последним криком не нарушу.
А ветер, словно бесогон,
Врачует раненую душу.

Что грезится стране моей
В лучах тревожного заката?
Быть может, череп снится ей
Непогребённого солдата?

Растет цикорий из глазниц,
А ей всё кажется, что это
Глаза славянских мудрых лиц,
На мир смотрящих с того света.

Печальней этих синих глаз
Нет ничего в закатном свете.
Так смотрят пристально на нас
Старухи и больные дети.

РЕМБРАНД. ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Всё готово: и хлеб, и вино на столе.
Отпечаток пыльцы на закатном стекле
Растревоженной бабочки. Говор чуть слышный.
Край одежды, что цвета несорванной вишни.
Остальное сокрыто в глубинах теней
Среди робких и редких горящих огней.
Вот оса мимо окон летит, желтогруда —
Прячет жало в ночи поцелуя Иуды...

* * *

Теперь в саду дни теплые так редки.
Последний плод озяб на голой ветке.
На чём он держится — понять мне не дано,
Лишь наблюдаю каждый день за ним в окно.
Он словно выжидает то мгновенье,
Которое предшествует паденью.
Печально мне, наверно, от того,
Что некому ладонь подставить под него.

* * *

Зачем мне спорить с вами? Вы, конечно, правы.
И даже яблоко на ветке, сгнившее, за вас.
И нет на свете бесполезнее забавы:
У незнакомца спрашивать — который час?
Всё тлен, печаль, беспомощность и омертвенье.
Всё это так. Но как бы вам на пальцах объяснить?
...Представьте: тихий сад, осеннее свеченье,
Тропа под клёнами, летящей паутины нить...
Но вдруг вы набрали на высохшую ветку,
Что хрустнула от тяжести устало под ногой.

Не страх — другое что-то, но, увы, нередко
Озноб вы ощущаете чуть сгорбленной спиной.
Но в тихом отзвуке природы омертвелой
Есть то, что заставляет лист над головой кружить.
И долго смотришь вверх с улыбкою несмелой,
И хочется еще, не зная для чего — пожить.

* * *

Я не бывал в кофейнях на Монмартре,
Не вел бесчисленных и дружеских бесед
О непонятном, но любимом Сартре,
Смотря рассеянно всем женщинам вослед.
На «ты» ни с кем я не был из великих
И не был знатоком коллекционных вин,
И жизнь моя прошла среди безликих,
К тому же нищенских в провинции витрин.
Не знаю отчего, но утром рано,
Когда июль влетел в моё окно шмельём,
Наивный и забытый сон Сезанна
Внушили запахи корицы с миндалем:
В нём улицы парижские прозрачны,
Как платье юной незнакомки на просвет.
И светлой тенью зонтиков охвачен
Легчайший шорох утренних газет...

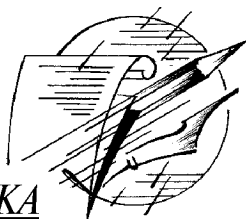
г. Тамбов

ВОЗНЯ У «ЦАРСКОГО ПРЕСТОЛА»

В самом начале июня российские СМИ, с пометкой «срочно», сообщили о визите князя Георгия Романова и его матери, самозванной «престолюбительницы Российского престола Великой Княгини Марии Владимировны», в Крым, особо отметив, что на полуостров они въехали по Крымскому мосту и не на роскошной иномарке, а на российской «Ладе». Их визит в Крым был приурочен к 235-й годовщине вхождения Крыма в состав Российской Империи. Известно, что М.В. Романова, которая постоянно проживает в Испании, провозгласила себя, несмотря на протесты многих других членов императорской фамилии, не только «престолюбительницей», но и главой Дома Романовых, а своего отпрыска — наследником российского престола. Увы, в этом качестве они признаны в постсоветской России официально.

**По стопам
«сыновей лейтенанта Шмидта»**

Депутат Госдумы Наталья Поклонская, хотя и известна своими симпатиями к монархии, весьма негативно отнес-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лась к визиту в Крым этой парочки Романовых, назвав их «коммивояжёрами с непонятными целями». «Не знаю, — сказала она, — поможет ли это «титулованным» гостям из Испании получить какой-никакой уголок на крымской земле, но на самом деле им удалось многое: привести в иступлённый восторг раввина Севастопольской синагоги, пообщаться с журналистами, побывать на экскурсиях, получить значок с корабликом и многое другое», — с юмором отметила Поклонская, добавив, что стоит заглянуть в историю, «прежде чем восхищаться подобными вояжами самопровозглашённых «государынь» и «цесаревичей»».

И далее, уже без всякого юмора: «Пока преданный всеми последний Российский Император Николай II находился под арестом, Его двоюродный брат, Кирилл Владимирович, с красным бантом заявился к М.В. Родзянко, чтобы присягнуть революции», — заявила Поклонская. По ее мнению, давно пора перестать выставлять себя на всеобщее посмешище и позволять себя душить «различного рода «монархам». «По-моему, в «сыновей лейтенанта Шмидта» все уже наигрались», — отметила она.

Позволю себе добавить немаловажные факты к тем, что привела Наталья Владимировна. О том, кем на самом деле были родители «престололюбительницы», в России, видимо, из соображений политкорректности предпочитают помалкивать.

Владимир Кириллович был единственным сыном Великого Князя Кирилла Владимировича — двоюродного брата Николая II и Великой Княгини Виктории Федоровны (урожденной принцессы Саксен-Кобург-Готской). С 1938 года он считался главой Российского Императорского Дома и Великим Князем. Далеко не все Романовы признавали его наследником российского престола — уже потому, что он сочетался морганатическим (неравным) браком. Избранницей Великого Князя стала Леонида Георгиевна Багратион-Мухранская, дочь самозванца Георгия Ираклиевича Багратиона, провозгласившего себя в эмиграции претендентом на грузинский престол. Хуже того, Леонида Георгиевна на момент венчания с Владимиром Кирилловичем находилась в разводе с евреем Самнером Муром Кёрби (погиб в немецком концлагере в 1944 году) и имела от этого брака дочь Луизу. По всем монархическим правилам князь Кирилл никак не мог считаться законным претендентом на трон и Великим Князем.

В Париже я познакомился с князем Михаилом Федоровичем Романовым, сыном родной сестры Николая II Принцессы Палей. Он родился уже в эмиграции, во Франции. Как-то

он рассказал мне, что ушел в «маки» (т.е. в красные) под фамилией «Мишель Романо», так как фамилию Романов доминировавшие в «маки» коммунисты не принимали на дух. А он, родной племянник Николая II, сражался до конца войны с гитлеровцами вместе с красными! Да и другие Романовы воевали в рядах союзных войск, как, например, князя Андрей и Дмитрий Романовы.

Князь же Владимир Кириллович предложил свои услуги Гитлеру. Уже 26 июня 1941 года он заявил следующее: «В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма-большевизма, который поработил и угнетает народ России в течение двадцати четырёх лет, я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом способствовать по мере сил и возможностей свержению большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма». Правда, князь вовремя опомнился и на дальнейшее сотрудничество с Гитлером не пошел. Его держали в Германии как заложника. В последние дни войны Владимира Кирилловича со свитой захватили американцы в Австрии в расположении лагеря остатков РОА, «армии» предателя генерала Власова. Преследовать после войны его не стали. Какое-то время он жил в Баден-Бадене. Англия принять его отказалась. Швейцария тоже. В результате он выехал на жительство в Испанию и только много лет спустя вернулся во Францию.

Мария — плод мorganатического брака Владимира Кирилловича и Леониды Багратион-Кёрби — не имела никаких прав на титул Великой Княгини и главы Императорского Дома Романовых. Тем не менее часть Романовых признала ее претензии на трон автоматически после смерти князя Кирилла.

В 1976 году Мария Владимировна вышла замуж за Франца-Вильгельма Гогенцоллерна, принца Прусского, а затем с ним развелась. Их сын, вопреки правилам российского и германского императорских домов, получил фамилию матери и официально именуется сегодня Георгием Михайловичем Романовым и «наследником российского престола». Большинство Романовых считают и Марию, и ее сына, провозглашенного ею цесаревичем, «самозванцами».

Незадолго до своей смерти князь Кирилл успел побывать в СССР накануне его развала. Он гостил в северной столице по приглашению Анатолия Собчака, занимавшего тогда пост мэра города. Визит состоялся уже после августовского путча — с 5 по 11 ноября 1991 года и совпал по времени с возвращением

городу его исторического имени — Санкт-Петербурга. Визит Владимира Кирилловича к Собчаку в 1991 году готовила группа офицеров действующего резерва КГБ. Руководил ею будущий президент России, а тогда председатель печально знаменитого Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга, полковник КГБ Владимир Владимирович Путин. Под надзором КГБ действовал и Петербургский монархический центр.

Казалось бы, что могло быть общего у КГБ, ведущего свою родословную от чекистов, зверски уничтоживших государя императора Николая II вместе с его женой и детьми, многих других Романовых, с Великим князем Владимиром Кирилловичем? Оказывается, связь была. В КГБ накануне развала СССР было заготовлено несколько сценариев сохранения власти в руках советской партийно-гэбистской номенклатуры. По мере укрепления сначала ельцинского, а затем и путинского режимов часть из этих проектов сошла на нет, и созданные под них «политические партии» канули в небытие, а что-то положили под сукно на время. В рабочем состоянии в XXI век перешли два проекта — созданная в 1989 г. в недрах КГБ и Отдела пропаганды ЦК КПСС партия Владимира Жириновского ЛДПР и проект реставрации монархии. Любопытно, что ярким сторонником этого проекта и возведения на трон не кого-нибудь, а Путина, весьма активно публично выступает с конца 2014 года именно Жириновский.

Жириновский не раз озвучивал кремлевские проекты для того, чтобы узнать, как на них в народе отреагируют. И если к этому решат когда-нибудь вернуться для укрепления личной власти нынешнего президента, то, как и рекомендовал Жириновский, соберут Земский собор по примеру того, на котором был избран на царство Михаил Романов. В нём сможет принять участие и «Великая княгиня» Мария, которая признает, что у нее на престол прав нет, но кандидатуру Путина в цари поддержит.

В столетнюю годовщину Февральской и Октябрьской революций, за год до выборов президента, монархический проект попытались реанимировать. Этим занимались и Жириновский, который специализируется на публичной озвучке идей Кремля (он не раз предлагал сделать Путина царем и именовать его уже сейчас Ваше величество), и глава Республики Крым Сергей Аксенов, и целый ряд «неодворян», возведенных в графья и князья претенденткой на трон Романовых «престолюбостительницей» Марией. Но есть «монархисты» и рангом ниже — вроде нашего придворного сатирика Хазанова, который публично преподнес Путину корону в пода-

рок. Все они мечтают о «сильной власти» в надежде, по своей рабской натуре, попасть в число придворных нового царя-батюшки со всеми положенными в таком случае привилегиями (без сталинских репрессий, конечно) и с правом на «кормление от дел». (Сам Путин вроде бы, по словам его пресс-службы, «относится к таким дискуссиям прохладно».)

Царские останки и трон

Подготовка к реставрации монархии началась еще при Ельцине, который всячески благоволил монархистам. При нём была завершена крупная операция ФСБ по захоронению «останков» царской семьи, хотя за таковые эти останки не признала ни Русская Православная Церковь, ни часть императорского рода Романовых. С удивительной бесцеремонностью, полностью игнорируя многочисленных и ныне живущих членов Дома Романовых, вчерашние номенклатурщики КПСС принялись перерывать могилы, искать в неизвестно откуда взявшихся останках гены царской фамилии Романовых. Уже по тому, что пробу на эти гены брали у членов королевской семьи Англии, а к ныне живущим Романовым, которые по линии наследования к Николаю II стоят гораздо ближе, даже не обратились, можно было заподозрить, что устроителей похорон Царской семьи гораздо больше заботит политическая, если не заодно и финансовая сторона дела (говорили о затерянных царских миллионах, вложенных в Федеральную резервную систему США, в английские и немецкие банки), чем восстановление исторической справедливости.

23 октября 1993 года по распоряжению правительства РФ была создана Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением царских останков. До 1997 года ее председателем был вице-премьер Юрий Яров, затем вице-премьер Борис Немцов, который проявил буквально бешеную активность по части восстановления монархии в России. Пошли даже слухи, что он стал фаворитом Марии Владимировны, наподобие Потемкина при Екатерине II. Кончилась эта его возня, однако, тем, что он перестал быть фаворитом Бориса Ельцина, который одно время видел в нем своего преемника.

Пик реставрационных настроений в Кремле пришелся на 1997—1998 годы. 27 февраля 1998 года правительство России приняло решение о перезахоронении останков Николая II и членов его семьи в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Перезахоронение состоялось 17 июля 1998 года. По

первоначальному сценарию о восстановлении монархии в России и примирении на этой почве всех политических сил должны были объявить после церемонии захоронения царских останков. За гробом последнего царя должен был идти наследник «цесаревич» Георгий вместе с регентом Борисом Ельциным.

К реставрации в Кремле готовились всерьез. Один из сотрудников Управления делами президента вспоминает, как к этому подошел его шеф Павел Бородин: *«Я лично держал в руках салфетку с вышитой царской монограммой. Столовое белье для торжественных приемов будущего царя готовилось на совесть. Специальные комиссии осматривали эскизы «коронационного» фарфора и столового серебра. Частично эта посуда до сих пор используется на кремлевских приемах — естественно, уже без монограммы, просто с орлом. У Пал Палыча Бородина в хозяйстве ничего не пропадало»*. Да, собственно, и сама скандальная реконструкция Большого Кремлевского дворца, в ходе которой были украдены миллиарды рублей, была затеяна именно в расчете на будущую коронацию. Пригодилась, кстати, и парадная форма для Первой роты Кремлевского полка, пошитая также специально к коронации. В киверах и колетах по образцу русской гвардейской пехоты 1912 года «кремлевцы» шеголяют на различного рода церемониях до сих пор. Кремлевский полк уже готовился хором исполнять «Боже, царя храни!»...

Поговаривали и о том, что дочь Ельцина Татьяна вот-вот станет царицей российской... Но сорвалось. Прежде всего потому, что Ельцина убедили не позориться с официальным признанием подлинности царских останков и правомерности притязаний княгини Марии на звание «престололюбительницы», а ее сына — на русский трон. Когда весьма уважаемые эксперты доложили Ельцину, что Георгий не Романов, а больше Гогенцоллерн, т.е. «царь не тот», он пришел в бешенство, и это едва не стоило карьеры Борису Немцову и кремлевскому завхозу Павлу Бородину. Оставшимися в живых Романовыми Кирилловичи были объявлены «самозванцами». И «престололюбительница» не поехала на церемонию захоронения останков своих «родственников» в Санкт-Петербург, объявив, что «сомневается в их подлинности».

Борис Ельцин, признав, что регента из него не вышло, порвал все отношения с княгиней Марией. Это, правда, не мешало ей делать бизнес на раздаче орденов, дворянства и титулов. Бизнес этот с самого начала был незаконным. Во время одной из наших встреч с князем Михаилом Романовым он сказал об этой афере престололюбительницы: *«Ник-*

то не может присвоить ни дворянского, ни графского, а уж тем более княжеского титула в отсутствие в России самого института монархии и царствующего монарха. Это исключено. Ни за какие деньги купить это нельзя».

Тем не менее монархический проект оказался у новой постсоветской «элиты» весьма популярным. Один из видных российских специалистов по исследованию истории монархии Кирилл Серебренитский писал по этому поводу: *«Ради собственного спасения советская «элита» может использовать не только «патриотическое» (как в 1941—1945 гг.) или «демократическое» (как в 1991-м) идеологическое прикрытие. Очень похоже, что сейчас, когда постсоветская «демократия» уже не вызывает у русского народа ничего кроме ненависти, а следовательно, уже исчерпала (или готова исчерпать) свой ресурс, паразитарная «элита» заблаговременно готовит себе новый рубеж для отступления. На сей раз — «монархический».* Действительно, в перспективе именно марионеточная «монархия» могла бы стать идеальным прикрытием для перекрасившейся советской «элиты».

«Неодворяне» с Лубянки

Кто стоит за «престолюбостительницей» и поддерживает ее в этом статусе, нетрудно догадаться. Она создала с помощью российских спецслужб свой «двор», свою монархическую организацию и свое «дворянство».

По дореволюционной переписи в конце XIX века в России было около полутора миллионов дворян. Сейчас в России около 14,5 тысячи их потомков. Но не они пришли к власти, хотя в команде Путина есть потомственные дворяне. Это — кадровый сотрудник КГБ СССР Сергей Нарышкин, председатель государственной Думы и вице-премьер Александр Жуков. Кроме того, из дворян был и Патриарх Московский и всея Руси покойный патриарх Алексей II, в миру — Ридигер, внук статского советника Александра Ридигера.

В постсоветской России активно действуют монархические объединения и союзы: Российское монархическое общественное движение, Российский Имперский Союз-Орден, Общероссийское общественное движение «За Веру и Отечество», «Общероссийский Союз потомков Российского Дворянства — Российское Дворянское Собрание» и т.д.

Конечно, подобный ренессанс монархизма не был случайным и объяснялся не тоской русских людей по монархии. Монархизм как форма правления привлек внимание бывших партийных номенклатурщиков высшего звена потому,

что по своему менталитету они еще в годы советской власти ощущали себя аристократией, своего рода неодворянами. Именно этим объясняется то, что со времен Ельцина вся кремлевская команда озаботилась приобщением к дворянству.

В декабре 2000 года в интервью «Комсомольской правде» тогдашний директор ФСБ Николай Патрушев, рекламируя своих коллег, занявших основную часть руководящих постов в путинской России, сказал: «Не хочу говорить высокие слова, но наши лучшие сотрудники, честь и гордость ФСБ, работают не ради денег... Внешне они разные, но есть одно важное качество, объединяющее их, — это служивые люди, если хотите, современные неодворяне».

Откуда же появились такие, мягко говоря, далекие от демократии идеи у директора ФСБ, бывшего члена КПСС и выпускника Высшей школы КГБ СССР, секретаря Совета национальной безопасности РФ, а теперь, судя по всему, еще и новоиспеченного предводителя российского «неодворянства»?

Покопавшись в своих архивах, я обнаружил информацию о том, что еще 18 апреля 2002 г. самозваная «престолюбительница Российского престола Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Мария Владимировна» пожаловала Н. Патрушеву орден Св. Николая Чудотворца 1-й степени, в связи с чем 3 ноября 2005-го он был утвержден в потомственном дворянстве вместе с супругой и сыновьями. Выходит, и сын его Дмитрий, недавно назначенный Путиным министром сельского хозяйства, не иначе как «потомственный дворянин». Это ли не наследственная аристократия наяву?

Можно понять по-человечески, почему Н. Патрушеву, потомку крестьянина Игнатия Патрушева, что был родом из деревни Подомо Вилегодского района Архангельской губернии, лестно попасть во дворянство. Но он же не может не знать, что оно — липовое. Директор ФСБ все-таки. Предоставить кому-либо дворянство можно было бы лишь при существовании в России действующей монархии, чего, как известно, нет. Поэтому все эти розданные Марией звания и титулы — фикция, афера и не более того. Так что наш новоиспеченный предводитель российского «неодворянства» и бывший руководитель ФСБ только дискредитировал и себя, и свое ведомство, принимая царский орден и титул. Феликс Эдмундович такого бы не потерпел...

К тому же всё это «одворянивание» путинской команды, в массе своей рабоче-крестьянской, быстро превратилось в бизнес. Некий новоиспеченный «граф» Алексей Мешков признал публично, что приобрел свой титул в 2009 г. за 16 тысяч рублей. Трудно сказать, сколько заплатили за свои

грамоты и регалии бывший мэр Москвы, сын тверского плотника, а теперь князь Юрий Лужков, покойный граф Черномырдин, внук псаломщика церкви села Бахметьево Елифанского уезда, бывший спикер Госдумы «князь» Борис Грызлов. Сие — тайна за семью печатями. Вдова экс-мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, член Совета Федерации России (почему-то от республики Тува), член общественного совета Российского Еврейского Конгресса Людмила Нарусова, дочь охранника из военной комендатуры и билетерши в брянском кинотеатре, также считается «дворянкой», и, соответственно, ее скандальная дочь Ксения Собчак тоже имеет этот титул. По данным «Комсомольской правды», «дворянами» также стали Павел Буре, Алла Пугачева и др. спортсмены и артисты. Такова ныне «белая кость».

«Ее Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Мария Владимировна, Верховная Начальница Российских Императорских и Царских Орденов, Глава Российского Императорского Дома», как именуют в России с 21.04.1992 г. дочь Владимира Кирилловича, раздавала дворянство вместе с царскими орденами явно не без учета положения российских «неодворян» в структуре власти. Так, в дворянах и в списках кавалеров ордена Св. Анны I степени, который она вручает лично, числятся:

С.В. Степашин — директор ФСБ (1994—1995), министр юстиции РФ (1997—1998), министр внутренних дел РФ (1998—1999), председатель правительства РФ (с мая по август 1999 года), председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000—2013) и с 2007 года председатель Императорского Православного Палестинского Общества.

Е.А. Муров, сотрудник КГБ СССР с 1971 года. В 1974 году переведен в Первое главное управление КГБ СССР (внешняя разведка). С 1992 по 1998 г., т.е. в те годы, когда Путин работал в мэрии Северной столицы, занимал должности начальника ряда районных подразделений ФСБ в Санкт-Петербурге. С 1997 года — заместитель начальника Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. В 1998 году переведен в центральный аппарат ФСБ РФ, назначен первым заместителем начальника Департамента экономической безопасности ФСБ РФ. С 18.05.2000 по 26.05.2016 — руководитель Федеральной службы охраны (ФСО) Российской Федерации. В 2004 году Е.А. Мурову присвоено воинское звание генерала армии.

С.Н. Фридинский — заместитель Генерального прокурора РФ, главный военный прокурор (с 7.07.2006 по 26.04.2017), генерал-полковник юстиции.

Ю.Н. Балугевский, бывший начальник Генерального штаба, первый заместитель министра обороны. Ему же в 2001 г. Российский императорский дом выдал орден Святителя Николая Чудотворца.

Орденом Николая Чудотворца I степени, к которому прилагается потомственное дворянство, награждены: А.В. Квашнин, начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ, первый заместитель министра обороны РФ (1997—2004), полномочный представитель президента РФ в Сибирском федеральном округе (2004—2010), а также его заместитель Валерий Манилов и генерал Владимир Шаманов, командующий ВДВ, М.Н. Кожевников, генерал-лейтенант, заместитель главнокомандующего внутренними войсками — начальник Управления кадров Главного командования Внутренних войск МВД РФ, с июня 1998 г. — начальник Управления ФСБ России, а также В.И. Стржалковский — близкий к Путину сотрудник Управления КГБ СССР по Ленинградской области, подполковник КГБ с 1980 по 1991 г., бывший министр РФ по туризму и генеральный директор туристической компании ЗАО «Фирма «Нева» (Санкт-Петербург), которая была уличена в организации секс-туризма в Финляндии, а затем — генеральный директор ОАО ГМК «Норильский никель». И так далее.

С тех пор монархический проект Кремля, если не сдали в архив, то попридержали. Не исключено, что визит княгини Марии и ее отпрыска в Крым — это сигнал к возрождению этого проекта. Хотя скорее всего это — и тут права Наталья Поклонская — очередной пиар этих самозванцев, давно уже всем надоевших со своими претензиями на российский трон и аферами по распродаже дворянских титулов и царских орденов.

ТОРМОЗОК

РАССКАЗ

У входа на рынок отец торопливыми затяжками докурил папиросу и потушил окурочек, пустив слюну в мундштук. Отец всегда курил только папиросы «Север», и всегда так гасил окурки.

— Ну что, сверчок? Пойдем-ка мы сначала к салу прицелимся. А дальше — по обстоятельствам, — сказал он, потирая руки. Отец любил эти редкие поездки на рынок.

В город за салом он ездил каждый раз после получки. И мать всегда отправляла с ним Сашу — считалось, что для надзора. Сала покупали столько, чтобы хватило отцу на тормозки до следующей получки, матери на за жарку для борщей и на яичницу для Саши.

Из поселка в город около часа ехали по каменистой грунтовой дороге в дребезжащем всеми своими железными суставами автобусе. Автобус называли «ботинком», в нем трясло и кидало из стороны в сторону так, что пассажирам казалось, будто их катят в железной бочке.

Над базаром висел ровный гул и в слоистом воздухе плавали запахи

ПРОЗА

чего-то кислого, пряного и копченого. Чтобы не отставать от отца, Саша вцепился в полу его широкого полотняного пиджака и видел вокруг себя только людские ноги, тележки с мешками, тяжелые сумки и корзины. Саша был мал ростом и осенью собирался идти в первый класс.

Отец приостанавливался то у одного, то у другого прилавка, коротко переговаривался с торговцами и двигался дальше. Между ног покупателей сновали базарные собаки с закисшими глазами и свалявшейся шерстью, некоторые хромые или с разорванным ухом.

У одного прилавка отец задержался и Саша, приподнявшись на цыпочки, прямо перед своим носом увидел целый штабель толстого сала с лиловой волнистой прослойкой и золотистой шкуркой. От сала веяло запахом костра и сытости.

Под навесом на крюке висела свиная голова, желтая, в коричневых подпалах. Крупные изумрудные мухи, быстро перебирая тонкими лапками, влезали в две черные дырки на пяточке и вылетали из них, как пчелы из улья. Голова привлекла внимание Саши своим невозмутимым, гордым видом. Она выглядела так, будто никогда не имела толстого неповоротливого туловища с короткими ножками на копытцах, а всегда существовала сама по себе. Чуть приоткрытая пасть ее изображала умиротворенную улыбку.

Рассматривая свиную голову, Саша вспомнил как мать ругает отца, когда он является домой пьяным: «Опять нажрался как свинья? Не жмурь свои пороссячьи глазки! Не отворачивай свое свиное рыло!» Отец никогда не скандалил с матерью, во всем с нею соглашался, и пьяным только улыбался и тихо отправлялся спать.

Свиная голова, будто почувствовав внимание к ней, приоткрыла один глаз и подмигнула Саше. Он, не найдя другого ответа, показал ей язык. Голова широко раззявила пасть и вывалила свой язык — длинный, лилово-серый, в пупырышках. У Саши стало щекотно в носу, и он громко чихнул. Голова тоже чихнула и язык ее выскользнул из пасти и тяжело шмякнулся на прилавок.

— Возьми язык, мужчина, — торговка подсунула отцу свиной язык, — жинка холодца наварит, неделю сытые будете.

— Нет, — отказался отец. — Мне сало надо.

— Ну так выбирай, — мордастая тетка в замусоленном на животе фартуке стала переключивать с места на место узкие шпалы сала в инее соли. Отец выбрал самый толстый кусок. Торговка срезала с него полоску и на кончике ножа протянула его Саше:

— Кушай сало с чесночком...

Отец, ухмыляясь, покачал головой, заплатил за сало, и они пошли к выходу с мясного ряда.

— Опять ты толстого сала купил, — сурово сказал Саша и выплюнул разжеванный комок. — Мамка наказывала — тонкого.

— Чем толще сало, тем меньше шкурки. Экономия! — назидательно сказал отец. — Мамке на жарку лучше тонкое, а мне на тормозок в самый раз.

Тормозок отец всегда готовил сам.

— Настоящий шахтер к тормозку бабу не подпустит, — рассуждал отец, аккуратно нарежая сало полосками, похожими на белые клавиши пианино. Хлеб годится только черный, с кислинкой. Обязательно — половина луковицы, чеснок в шахту не брали. Соль в спичечной коробке, пара вареных яиц и пара кубиков сахара-рафинада. Все это плотно обертывалось газетой «Труд» и накрест обвязывалось суровой ниткой. Вот и готов тормозок. К нему добавлялась алюминиевая фляга с квасом. За квасом Саша ходил на хлебопекарню, там его давали бесплатно.

Иногда, возвратившись со смены, отец протягивал Саше небольшой газетный сверток:

— Это тебе гостинец от Шути.

Гостинцем оказывались остатки отцовского тормозка, и пахнул он сыростью угольного подземелья.

— Старые углекопы рассказывают, что когда-то, давным-давно, случился взрыв газа-метана на нашей шахте, — рассказывал отец на расспросы Саши. — Вся смена погибла. На-гора их выдали и похоронили, как полагается. А одного навалоотбойщика искали-искали и не нашли. То ли звали его так, то ли прозвище такое было — Шутя. Вот его призрак до сих пор по шахте шастает. Мужиков об опасности предупреждает, мы его знаки понимаем. Ну, подкармливаем остатками тормозков, у кого остается. На штреке оставляем. А что он до конца смены не съест, то домой забираем — гостинец от Шути.

— Ну что ты мелешь! — подслушав отца, возмущалась мать. — А то я на плитах не работала? Одного только призрака в шахте видела — десятника Диденка, охотника баб в темноте полапать. Так он до сих пор живой. А объедки ваши крысы сжирают вместе с газетами.

Но Саша верил отцу и прятал гостинец в карман, чтобы мать не выбросила собаке. Потом, налазавшись с пацанами по степным оврагам, разжигали костер и обжаривали нанизанные на прутик кусочки сала и хлеба — вкуснее шашлыка он не едал

За мясными рядами потянулись прилавки, где торговали овощами, фруктами и медом. Дальше — молоко в бидончиках, банки со сметаной, терриконы творога на лотках.

— Пора подкрепиться, — объявил отец, — объявил отец, — они направились к прилавку, сплошь заставленному стаканами с ряженкой. Саша выбрал тот, где пенка на ряженке запеклась до коричневой корки. Молочница, в белом фартуке и в газетной пилотке, молодая и румяная, предложила к ряженке пирожки со сладким творогом.

Перекусив, двинулись на барахолку. Как обычно, отец стал примеривать то зеленую фетровую шляпу с засаленными полями, то рабочие ботинки из негнущейся кожи на металлических заклепках — похожие на чемоданы; то синий в полоску пиджак с ватными плечами; то китайское кожаное пальто апельсинового цвета. Саша знал, что денег на такие покупки мать им не выдавала, и не понимал, зачем отец так азартно торгуется с продавцами.

Он и Сашу заставил примерить тяжелое — на вате — пальто расцветки спелого кукурузного початка с большим цигейковым воротником, воняющим солидолом. Отец подбивал пальто на плечах, одергивал полы и рукава, застегивал на все пуговицы и приговаривал, что обновка, конечно, великовата, но к зиме будет в самый раз. Продавец с ним соглашался, но утверждал, что такую добротную вещь сейчас нигде дешевле не купишь, а ближе к зиме цена поднимется вдвое.

— Подождем пока, до зимы еще полгода, — сказал отец, и Саша с облегчением освободился от тяжелого, как матрас, пальто.

— Ничего, Санек, — отец по-мужски похлопал его по плечу. — Когда школу закончишь, купим тебе настоящее пальто: черное, длинное, с разрезом сзади и с хлястиком. И белое кашне!

Саша думал, что кашне — это такой головной убор, вроде шляпы. Но почему белое? И на всякий случай спросил:

— А кашне — это что?

— Ну, это шарф такой. Представляешь: черное пальто, белое кашне и кожаные перчатки!

— Мне это не надо. Я после школы в армию пойду. Мне военная форма нравится, — сказал Саша.

С барахолки, как всегда, отец направлялся к зеленому ларьку, втиснутому между двумя каменными сараями. Над ларьком на двух палках держалась жестяная вывеска. По пейзажу с горными вершинами и в шапках снега, изумрудным морем в белых барашках волн было размашисто начертано: «Натуральное грузинское вино». Ларек, казалось, стро-

ился строго по габаритам его хозяина. Могучая фигура Автандила — так звали ларечника — занимала всё внутреннее пространство строения, похожего на скворечник. Всё у Автандила было большим, нечеловеческих размеров: волосатые уши, весь в черных дырках мясистый нос, выпученные глаза, бурая копна усов над толстыми губами; и огромный живот, вздымающийся до сизого подбородка.

— Здорово, уважаемый, — сказал отец и приклеил на липкий прилавок бумажный рубль. На ларьке висела картонка с чернильной надписью: «1 ст. — 50 коп.».

— Автандил, что-то ты на грузина не очень похож, — улыбаясь, сказал отец.

— Я кавказец, уважаемый, — Автандил обнажил под усами целую обойму золотых зубов, опустил руки под живот, там что-то всхлипнуло и послышалось ровное журчание.

— Не перельешь? — спросил отец.

Автандил молча смотрел на отца своими лошадиными глазами и не переставал сийть золотом во рту. С невозмутимым видом он извлек из-под себя стакан, налитый до краев бледной и мутной, как нездоровая моча, жидкостью и розовый шланг для клизмы с бельевой прищепкой на конце.

— Пей на здоровье, уважаемый.

Отец выпил, зажмурился и сквозь зубы произнес:

— Чистый уксус. Сдачу давай.

— Выпей еще, дорогой. Букет, а не вино, — сказал Автандил и выставил на прилавок уже наполненный вином стакан.

Саша дернул за полу отцовского пиджака, но отец уже приложился ко второму стакану. Автандил подал обоим по одной мандариновой дольке и сказал:

— Заходи, уважаемый.

Мандариновая мошонка была кислой и не разжевывалась, как резиновая, и Саша выплюнул ее за ларьком.

За складами начинался высокий забор, он тянулся до выхода с базара. Вдоль забора расположились торговцы всякой домашней живностью. Этот ряд хрюкал, блеял, кудахтал и мычал. Здесь приятно пахло деревней.

За высоким каменным туалетом, густо выбеленным известью, с небрежно намалеванными буквами «м» и «ж» на противоположных краях стены, толпились голубятники. Они отличались от покупателей оттопыренными на груди одеждами. Из-за паух у них то и дело выныривали голубиные головки — гладкие и чубатые — тянулись клювами целоваться со своими хозяевами. Внезапно раздавался короткий свист и в небо выбрасывался белый комок. Трепыхаясь, он направлял крылья и хвост и почти вертикально набирал высоту.

— Божья птица, — наблюдая за голубиным полетом, тихо произнес отец. — Говорят, в них души умерших живут.

— А Федя-однокрылый из своих голубей суп варит, — сказал Саша, не отрывая взгляд от парящего в небе почтаря. — Между пальцами головку зажимает — и трясь! Головка в руке, а туловище в траве кувыркается...

— Федя без души живет, — сказал отец, доставая папиросу из мятой пачки. — Когда он руку под канат лебедки сунул, то его бы всего на барабан намотало, но успели выключить мотор. Руку вместе с лопаткой оторвало, и душа раньше срока через дырку вылетела.

Они медленно шли к выходу с базара, задерживаясь то у клеток с красноглазыми дрожащими кроликами, то у посылочного ящика с поскуливающими щенками, то у корзин с порхающими в них пестрыми цыплятами, то у привязанного к забору и жалобно блеющего козленка на раскоряченных ножках, то у выводка визжащих поросят.

В закутке перед воротами базара, под широким белолыстым тополем в пуху, как будто на него вытрусил перину, уныло стояла каурая лошадка, впряженная в обшарпанную телегу. На телеге громоздились цветастые узлы, полосатые тюки и ветхие мешки. Сверху этого добра, свесив ноги в грязных кирзовых сапогах, развалиясь, сидел пожилой цыган с темным, в глубоких морщинах лицом, до половины закрытом растрепанной бурой бородой. Черная выгоревшая шляпа была надвинута до бровей, зеленая шелковая рубаха на груди и потертый кожаный жилет были обсыпаны подсолнечной шелухой. Цыган лениво лузгал семечки и длинной хворостиной отгонял мух и мошек с подрагивающего крупа лошади. Вдоль телеги взад-вперед расхаживала молодая цыганка, худая и стройная, как балерина, в зеленой с ромашками юбке до пят и в новом мужском пиджаке стального с отливом цвета. В одной руке она держала пучок пурпурных петушков на палочках, в другой у нее дымилась папироса.

— Красавец, купи леденец своему пацану, — набросилась цыганка на отца. — Весь день сосать будет и есть не попросит.

Растерявшийся отец взял сразу два петушка, цыганка совала ему третьего, приговаривая:

— Бог троицу любит. Бог троицу любит.

— Хватит и двух, — решительно отказался отец. — А то у него золотуха будет. Цыганка преследовала их до ворот базара, предлагая отцу предсказать судьбу по линиям ладони и выпрашивая папиросы.

Когда вышли за ворота и присели на скамейку под высоким каштаном на пустой автобусной остановке, отец сказал:

— Ты мамке про этих петухов не говори. Не любит она цыган.

Саша, до этого лизавший леденец, стал его с хрустом грызть. Отец посмотрел на свои часы «Победа» с серым от угольной пыли циферблатом:

— Да у нас еще навалом времени! Автобус будет только через час.

Саша знал, на что намекает отец — неподалеку была пивная и без посещения ее не обходилась ни одна поездка в город.

— А мамка наказывала... — начал было Саша, но отец прервал его:

— Она много чего наказывала. И чтобы леденцы у грязных цыганок не покупал тебе. А ты еще мороженое, наверное, хочешь? Эскимо на палочке хочешь, с шоколадной коркой, за двадцать две копейки?

— Нет. Я фруктовое люблю, за семь.

— Ладно, фруктовое. Можно два.

В пыльных кустах сирени вокруг пивной повсюду — на кособоких ящиках и на камнях — компаниями сидели мужики и пили пиво из пузатых стеклянных кружек. В вытоптанной вокруг траве серебрилась рыба чешуя и обрывки фольги от упаковки плавленых сырков «Дружба». Из дальних кустов тянуло запахом сырой земли и человеческой мочи. Жирные мухи роями кружили над закусками, разложенными на обрывках газет прямо на земле.

Сквозь галдеж донеслось:

— Василь Степаныч, подгребай к нашему берегу!

Это звали отца.

Трое мужиков расположились на камнях вокруг широкого старого пня. После рукопожатий и приветствий стало понятно, что это были горняки с шахты, где работал отец.

— Приземляйся, — подсунул отцу пустой ящик пожилой мужик с голым желтым черепом и с паклевыми усами. Другой — молодой и суетливый — стал доливать в кружки с пивом водку с начатой бутылки. Третий — худой, с длинным темным лицом и с синим шрамом наискось лба, — спросил у отца:

— За салом приезжал, Васек?

Отец кивнул, стал шарить по карманам, извлек пригорошню мелочи:

— Иди, Санек, купи себе мороженое.

Когда Саша, доедая второе мороженое, вернулся к пивной, то отец уже масляно улыбался и жмурил свои пороссячи глазки.

Компания, поддерживая друг друга, благополучно и вовремя добралась до автобуса.

Каждую ночь Саше снились сны, в которых он, как голубь, летал над землей. То он взвивался высоко в небо и под облаками видел города и деревни, леса и горы, моря и пустыни. То он парил низко над землей, облетая высокие трубы фабрик и заводов, водонапорные башни железнодорожных станций, шахтные терриконы и копры. То он заглядывал в чужие вечерние окна, где по-разному жили одинаковые люди. И отдыхал на перилах балконов и на карнизах зданий.

«Это ты растешь, сынок», — объясняла мать его полеты во снах.

Но в ночь после поездки с отцом на рынок Саше приснился такой странный сон, что он даже матери не стал рассказывать о нём.

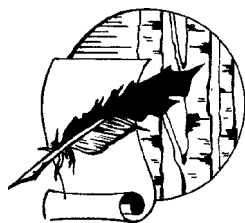
Снилась Саше свиная голова за прилавком зеленого ларька. Голова улыбалась во всю ширь своей пасти, сияя золотыми зубами. Она то и дело чихала, и из черных дырок в ее пятке во все стороны брызгало, как из фонтана, натуральное грузинское вино.

И снился призрачный Шутя с темным, в глубоких трещинах лицом и с бурой бородой. Длинное черное пальто болталось на его сухом теле, а концы замызганного белого кашне, намотанного на его тощую шею, были закинута за спину. Шутя протягивал грязную костлявую руку и бубнил: «Дайте сала с чесночком...»

И снился однокрылый Федя-голубятник. В своей единственной руке он держал пучок петушков на палочках и ходил от компании к компании вокруг пивнушки, предлагая свой товар и приговаривая: «Бог Троицу любит». А когда кто-нибудь протягивал руку, чтобы взять, петушок распускал перья, взмахивал крыльями и взлетал в небо. А довольный Федя хохотал, как безумец, приплясывал и отчаянно махал своим единственным крылом. Будто тоже пытался взлететь.

Отец ушел на шахту в половине шестого утра, когда Саша еще пребывал в мире героев своего удивительного сна. Отец приготовил себе тормозок и ушел в первую смену. Это была его последняя в жизни смена и последний тормозок, который целиком достался Шуте. Отца раздавило в шахте глыбой породы.

г. Луганск, ЛНР

СТИХИ ПОЭТОВ ДОНБАССА

Василий ТОЛСТОУС

* * *

Что нет войны — о том сказал приёмник,
а телевизор скромно промолчал,
но в глубине оконного проёма
разрывы бомб изводят по ночам.
Сосед безногий курит на балконе
и смотрит, щурясь, к северу от нас,
туда, где за Щегловским терриконом
грохочет позабытая война.
Напротив дом. Дырой зияет крыша.
картина веет чем-то неземным.
Жена уснула. Спит и ровно дышит —
привыкла за три года не-войны.
Часы на кухне бьют негромко полночь.
Сосед стоит и матом кроет жизнь:
он то зовёт своих бойцов на помощь,
то вниз глядит, считая этажи.

* * *

Я не готов к трагическим концам
и не приемлю объяснений краха.
Как жить на свете плачущим отцам
и матерям, седеющим от страха?
Когда боишься холода ночей
и тает вера в клятву Гиппократа, —
тогда душа становится ничьей,
паря над телом в старенькой палате.
«Не навреди!» — два слова так просты,
освящены предчувствием надежды.
Так вера ждёт ответной чистоты
и слишком часто умирает прежде.

г. Донецк, ДНР

ВОЙНА

Обстрелы затихнут едва ли:
Грохочет и ночью, и днём,
И слышим мы, прячась в подвале,
Как ходит земля ходуном.

И вздрагивал дом, и над всеми
Под треском бетонных плит
Повис тяжкий груз потрясений
И плачущий шёпот молитв.

* * *

И снова день лесной прогулкой начат.
Иду по тропке, в думы углубясь.
Какое всё же счастье внучку нянчить,
И только боль пронзает за Донбасс.

По небу растечётся туча-клякса,
И пустятся дождинки скоро в пляс.
И в радость внучку мне катать в коляске,
Но больно, что война пришла в Донбасс.

У внучки взгляд и нежный, и счастливый.
О, дай ей, Бог, на мир светло смотреть!
А там, в Донбассе, выстрелы и взрывы,
И в чьи-то двери вновь стучится смерть...

* * *

Старое кладбище Крыма...
Но средь оградок и плит
Вижу я парусник Грина,
Слышу, как море бурлит.

И под порывистым ветром —
Я не поверил глазам —
Девушка в образе светлом
Быстро скользит по волнам...

г. Стаханов, ЛНР

Владимир СПЕКТОР

* * *

Добро опять проигрывает матч.
Счёт минимальный ничего не значит.
Закономерность новых неудач
Почти равна случайности удачи,
Чья вероятность близится к нулю,
Как вероятность гола без штрафного.
Добро, проигрывая, шепчет: «Я люблю»,
И, побеждая, шепчет то же слово...

* * *

Принимаю горечь дня,
Как лекарственное средство.
На закуску у меня
Карамельный привкус детства.
С горечью знаком сполна —
Внутривенно и наружно.
Растворились в ней война,
И любовь, и страх, и дружба...

* * *

Уходит время бескорыстных песен,
Всё реже слышно: «Друг, товарищ, брат»...
Всё чаще: неудачлив, значит — честен,
Зато нечестен — выгодно богат.
Ты чувствуешь, дружище, как уходит
Наивная застенчивость, и с ней —
Нелепое, как дым без парохода,
Теряет голос эхо наших дней.

г. Луганск, ЛНР

Андрей МЕДВЕДЕНКО

МЕЧТА НЕ УБИТА

*Памяти командира бригады
«Призрак» Алексея Мозгового*

За ним охотились не раз.
А это значимости признак.

Мгновенно исчезал из глаз
и появлялся, словно призрак.

Певец — решился воевать.
Всегда он там был, где труднее.
Нет, не за тем, чтоб убивать,
а чтобы сделать жизнь честнее.

Не уберётся.
Диверсант
исподтишка ударил в спину.
И помутился зоркий взгляд.
С дороги сбросило машину.

И всё ж мечта не пресеклась.
Над ним пустое — власть могилы.
Хоть жизнь его оборвалась,
но песня — набирает силу!

г. Луганск, ЛНР

Людмила ГОНТАРЕВА

* * *

Это словно кино, как в больном сне —
опоили дурманом нас по весне.
Ну а летом кровавые звезды в ряд
в карауле над городом нашим стоят.

А в полях окопы — шрамом на лицо...
Не послать любимому письмецо.
Сколько километров путь из рая в ад?..
Во степи солдаты без имен лежат.

Танки в Интернете, танки за окном.
Как конструктор «Лего», вдруг сложился дом.
По подвалу ходит старый мудрый кот —
в самом безопасном месте он живет.

Город мой контужен, город мой устал...
Кто бы нам страницы эти пролистал...
Но писать спокойно мы обречены
хронику ненужной непростой войны.

* * *

Мы войну объявим только завтра
на рассвете, когда солнце всходит.
...На муку талоны, спички, сахар
и моя записка на комодe.

Добровольцем ухожу — смотрите —
в регулярные войска санчасти.
Занимай места в партере, зритель:
я спасаю раненое счастье,

извлекаю день из-под обломков.
...Красный мак и белые одежды...
Бинтовать разлуку так неловко,
так туга повязка — струны режет.

Приручив дыханье тёплых пальцев,
ощущаю боль как неизбежность.
В организме убывает кальций.
В перестрелке убивают нежность.

После взрыва — гулкое затишье,
крика своего уже не слышу.
Вспоминаю лето: вишни, вишни,
и закат багровым соком вышит.

Пусть зима забьёт крест-накрест ставни,
осень взглядом мой состав проводит.
Я уйду внезапно, но оставлю
для тебя записку на комодe.

МОЛИТВА

Услышь нас, Господи, мы — живы,
пошли на землю свой конвой
гуманитарный. Тянет жилы
сирены вой и ветра вой...

Поверь нам, Господи, мы — люди.
В братоубийственной войне
за всех солдат молиться будем,
на той и этой стороне.

Прости нас, Господи, мы серы
и сиры в глупости своей.
В родной земле греша без меры,
мы просим процветанья ей...

Спаси нас, Господи, мы слабы:
от минометного огня,
стрельбы и ненасытных «градов»,
мы сами не спасем себя...

Спасибо, Господи, мы живы...

г. Краснодар, ЛНР

Сергей ЗАРВОВСКИЙ

* * *

То ли небо упало в море,
То ли море в небе летящее...
Две луны, меж собою споря,
Выясняют, кто настоящая.
А глаза твои морем полнятся,
Или небо в них отражается.
За возможность в тебе исполниться
Две стихии насмерть сражаются.

* * *

Вурдалаки вышли на охоту —
Дрожь в руках, азарт погони, полночь...
Если повстречается им кто-то,
Жертва, не рассчитывай на помощь!
Щупальца опутали планету,
Вот один, другой в сетях трепещет,
К жалости взывать резона нету,
Не шадят ни стариков, ни женщин.
И в космическом, безумном мраке,
Ночью и до самого рассвета
Ладят на добычу вурдалаки
Сети... скоростного Интернета!

г. Луганск, ЛНР

Иван НЕЧИПОРУК

НАД РОСЬЮ

Вербы тоскуют над водами в тихом укоре.
В кручах прибрежных мерещится мне Святогорье —
Как же похож этой речки поток на Донец!
Но не хватает мне ветра в беззвучном просторе,
Мне не хватает биенья донбасских сердец...

Край мой родной, я душою с тобой непрестанно
Там, где твои терриконы — наследье титанов,
Вместе с курганами тайны столетий хранят,
Там, где вся степь стала чёрною огненной раной,
Там, где твои города превращаются в ад.

* * *

Проберёт до костей тебя русское слово,
Соберёшь скудный скарб и пойдёшь по земле,
Чтоб найти верный след, отпечаток живого,
Светозарного дара в заиленной мгле.

И напившись тоски, что в тебе станет светом,
Наполняясь огнём запредельной мечты,
Ты поймёшь, что Россия — душа всей планеты,
Ей под силу сдержать чёрный гнёт пустоты.

г. Горловка, ДНР

Наталья МАВРОДИ

* * *

Как хорошо душой свободной
Вдруг вознестись над суетой,
Над завистью, всегда голодной,
И над убогой клеветой.

Как хорошо, раскинув руки,
Парить, парить за кругом круг,
Над паутиной чьей-то скуки,
И надоедливых услуг.

Там, в небесах под облаками,
Вновь полюбить земную твердь,
И песнь в терновнике с шипами,
И жизни пёстрой круговерть.

ПОКА ЕСТЬ ЧУДАКИ...

Быть чудаком и верить в чудеса,
Купаться летней ночью в море звездном,
За журавлем гоняться в небесах —
Я точно знаю: никогда не поздно.
Дыханье от восторга затаив,
Увидеть волшебство в совсем привычном,
И, слыша незатейливый мотив,
Величье ощущать в полете птичьем.
Бежать куда-то за своей мечтой,
Вновь совершая тысячу ошибок,
Не сомневаясь, спор вести с судьбой,
И грезить о награде из улыбок.
О, как мне жаль угрюмых простаков,
Кто, ошибаясь, в чудеса не верит,
Тех, чьи сердца закрыты на засов,
Чьи наглухо забиты в детство двери.
Мир будет жить, пока есть чудачки,
Пока Земля дыханьем их согрета,
Пока рождаются с легкой их руки
Стихи и песни, сказки и сонеты.
Пока мазки ложатся на холсты,
Подснежники цветут средь зимней стужи,
И, следуя законам красоты,
В песчинках зреет качество жемчужин.

г. Луганск, ЛНР

Елизавета ХАПЛАНОВА

МЫ НЕ ЖИВЁМ

Тоскуем не о прошлом, а о будущем...
Глотаем боль отравленного времени.
Мы не живём, а ожидаем случая...
В земле — металл. В ней нет живого семени!

В заплатках каждый дом и сердце каждое.
Холодный ветер лязгает снарядами.
Лишь тишиной напиться нынче жаждем мы!
Увидеть солнце утром будем рады мы...

Меж залпом и разрывом жизнь протянется,
Как будто нить в отверстие игольное...
А после... мы не знаем, кто останется,
И кто услышит пение престольное.

Нет в настоящем будней или праздников —
Всё полосой сплошной сквозь судьбы сушице.
И лишь Всевышний день стирает ластиком,
Сокрыв от нас и прошлое, и будущее...

БЕЗ СНА

Замирающим холодом следует ужас по телу..
За секундой секунда безумно стучится в висках!
Я под звуки войны засыпать всё ещё не умею,
Зажимая в гортани ночами срываемый страх.

Где-то звёзды плодятся, разбрызгав по небу икринки...
И целуются пары, гуляя под вечной луной...
В нашем небе не звёзды — застыли ребячьи слезинки.
А под небом — лишь «бахи», пришедшие вместе с войной.

Не привыкнуть к кошмарам, что стали не снами, а явью.
Но сквозь гром миномёта, я слышу — пульсирует Жизнь!
В ожиданье покоя опять многоточие ставлю,
И шепчу как молитву: Донбасс, мой родимый, держись...

г. Макеевка, ДНР

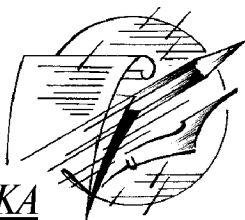
КРЕПЧЕ СТАЛИ

По достижении зрелого возраста, тем более пожилого, становится стыдно писать беллитристику, выдумывать то, чего не было. В нашей жизни бывало такое, что и без выдумок тянет на острые сюжеты.

И по прошествии более полувека во сне, как наяву, являются мне события и люди, особенно сокурсники, с которыми мне и после выпуска приходилось соприкасаться по службе...

На встречу в 2018 году, наверное, приедут немногие, да и в живых моих сокурсников осталось мало. «Не густо!» — так бы сказал незабвенный адмирал флота Георгий Михайлович Егоров, оставивший добрую память о себе у многих подводников времён «холодной войны». Но что поделаешь — жизнь не остановишь. У каждого человека своя судьба, на которую накладывается и судьба страны, а она для нашего поколения была нелёгкой, а старость вообще досталась печальной.

Мы пришли в училище подводного плавания в послевоенные годы, в основном мальчишки из глубинки, которые не то что подводную лодку, но и паровоз видели впервые. Но через 4,5 года из стен училища под грифом «Войсковая часть

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

62651», это потом оно станет имени Ленкомсомола, мы вышли brave лейтенантами подводного флота страны. Напутствуя нас, начальник училища, герой-подводник, вице-адмирал Николай Павлович Египко говорил: «Служба ваша опасна, но почётна...» Так оно и вышло — опасностей было много (в подводном флоте они есть всегда), а вот почёта-то никто и не заметил.

Вот я уже капитан 3-го ранга, помощник командира атомхода. Западная Лица, секретная база нашего атомного флота. Здесь уже не одна дивизия, у причалов лодки разных проектов и разных поколений. И в каждой дивизии есть мои сокурсники, конечно, уже на разных должностях.

Полярная ночь, экипажи спокойно спят в казармах, на лодках бдят дежурные смены. И вдруг по флотилии объявляется — боевая тревога!

Всё приходит в движение. К причалам устремляется чёрный поток людей, извивающийся словно гигантский удав. Я бегу рядом со своим сокурсником Львом Каморкиным, который служит на лодке первого поколения, он командир БЧ-3, не последний человек на торпедной лодке. Наши субмарины стоят у одного причала. На бегу мы рассуждаем, что бы значила эта боевая тревога? Проверок вроде не намечалось. Неужели война? Вот и наши красотки, доблестные лодки. Он на свою, а я на свою. Здесь всё отработано до автомата — не зацепиться ни за один предмет, когда по скользким поручням скользишь в чрево субмарины. У люка ногой — раз. Согнулся, рукой цепко схватился за крышку люка, и второй ногой на трап — два. Двумя руками за поручни вертикально стоящего трапа схватился — три, и ты уже на уровне нижнего рубочного люка. Спиной об открытый нижний рубочный люк навалился, и... здесь опять комингс. Не дай Бог в спешке на комингс люка, на зеркало его наступить. Это вырабатывается на уровне рефлекса у каждого подводника. Комингс люка на лодке — это жизнь. Комингс протекает, не плотно пригнана резина, или руковица забыта на нём, или шнур от переноски — и всё. Можешь утонуть со всей командой. Четыре — схватился руками за поручни трапа центрального поста-отсека — и молниеносно на своём боевом посту. Всё дело заняло полторы-две секунды. Не успел отскочить — и на голову тебе уже падают остальные. Но ты уже даёшь команду:

— Подводную лодку к бою и походу приготовить!

В голове роятся шальные мысли. Нас готовили к войне — и вот она! Настоящая война! Мы выполним свой долг. Наш долг, я знал это точно, как и другие, состоял в том, чтобы

беспрекословно выполнять все приказы командира лодки, точно и профессионально работать с целью и, в конечном итоге, поражать противника...

Нам повезло — «война холодная» тогда не переросла в войну горячую, и мы никого не утопили. Теперь я думаю, что случилось тогда худшее, мы бы работали на пределе сил, выполняя свой воинский долг...

Вспомнился один эпизод из жизни, когда я ещё был капитан-лейтенантом и служил на дизель-электрической подводной лодке 629-го проекта, которую флотские острословы окрестили «сараем», а теперь я служу на атомной «раскладушке». Юморной всё-таки народ моряки.

Я был командиром минно-торпедной боевой части, попросту минёром. Неделю назад я встретил тещу, которая приехала погостить из Питера, но поговорить с ней не успел. Я её уважал, да и она, много пережившая, всю блокаду Ленинграда, с пониманием относилась к моей службе, и всегда в спорах с женой принимала мою сторону. Я звал её мамой больше из уважения, чем из-за возраста — она была на три года старше моей родной матери. Ещё она вызывала уважение к себе своим открытым гостеприимством. Многие мои сослуживцы, бывавшие в Питере, пользовались её адресом, с гостиницами в нашей стране всегда было туго. И сегодня седые ветераны вспоминают её добрым словом.

Анна Никитична, так звали тещу, не первый раз посещала нас на Северах и обычно всегда говорила: «Соскучилась по внучке. Она единственная у меня, а здесь вкусненьким ребёнка не побалуешь. Дай, думаю, проведу...» Но это было больше отговоркой. Сердце болело у неё за всех — и за внучку, которую она хотела взять в Питер, но её пока не отдавали, и за дочь, и за зятя, особенно за их совместную жизнь, на то были причины. Нет, я ей внушал доверие, а вот дочь последнее время стала взбрикивать, недовольная моей службой. «Отбилась от рук, — говорила мне теща, — возьми возжи, не поддавайся!..» Но одно дело слова, а другое дело — личный догляд и материнское руководство.

Ноябрьским поздним вечером подводный крейсер 629-го проекта, ошвартовавшись у плавпирса одной из северных баз, отпустил по домам своих уставших офицеров. Все думали о том, как дома, natoпив «титаны», смоят подводную грязь. Чего-чего, а «грязи» на подводных лодках, особенно дизельных, хватало всегда, и офицеров, как обычно рисуют моряков в приключенческих романах, в белоснежных рубашках здесь встретить почти невозможно. Все — от матроса до командира — на время походов облачаются в рабочую рубу,

имея форму с золотыми погонами в каютах-клетушках: а вдруг загонят в другую базу.

Путь от причала до дома занял около двадцати минут. Я не ошибся, меня ждали. Дверь открыла тёща, поцеловала и сообщила, что жена и дочь, уже спят:

— Ждали-ждали, но не выдержали — заснули. Сказали, чтобы я их разбудила. «Титан» натоplen, ужин готов. Хотели поужинать вместе. Минут десять назад звонил какой-то оперативный и просил, когда ты придёшь, чтобы позвонил ему...

Всё это Анна Никитична говорила на ходу, пока я снимал сапоги и развешивал мокрую канадку. Мильком взглянув на кухню, заметил накрытый стол, на котором красовалась бутылка пятизвёздочного армянского коньяка, роскошь по тем временам. Но надо было звонить оперативному.

— Старик, — сказал мне оперативный, — давай дуй на лодку Преображенского, она стоит у шестого пирса. Казак Голота (командир дивизии подводных лодок, капитан 1-го ранга Голота Григорий Емедынович — впоследствии контр-адмирал, трагично закончил свой путь) приказал тебе идти с ними на глубоководные испытания...

— Да ты что! У них же есть собственный минёр, Вася Батон!

— Ну, этот вопрос не ко мне. Ты же знаешь, Голота всегда берёт тебя в море. А собственно, всё сам узнаешь на месте...

Приказ есть приказ. Обернувшись к тёще, которая внимательно прислушивалась к разговору, с сожалением сказал:

— Не получилось, мать, ни помывки, ни торжественного ужина. Откладывается до следующего раза. Опять в море.

С этими словами, я начал надевать сапоги и ещё не высохшую канадку. Никитична, как бы что-то предчувствуя, стала успокаивать меня:

— Не переживай! Мы подождём. А их я не буду будить, скажу, что ты задержался. А это надолго?

— Не знаю, надо разобраться, Может, через час вернусь, у них есть свой минёр. Наверное, здесь какое-то недоразумение.

Я побежал к шестому причалу. По неписаному закону, подводники всегда выходы «на работу» приурочивают к ночному времени. Среди нас даже бытовала такая шутка: «Кто работает по ночам? Женщины древней профессии, воры и, конечно, подводники!» Ночь была не из приятных. Добежав до пирса, я доложил на мостик, что прибыл по приказу комдива.

— Тебя и ждём! — ответили с мостика. — Давай в носовую швартовную. Сейчас доложим комдиву и будем отходить!

Я попытался выяснить обстановку, но меня никто не слушал. Все засуетились, а старпом, по кличке «гусь лапчатый», сказал, что потом всё объяснит. Пришлось покориться судьбе и забыть про праздничный ужин, про горячий «титан», про беседу с тещей и прочие радости, о которых моряку по большей части только приходится мечтать. Быстро включился в ритм жизни лодки Преображенского, мне и раньше приходилось с ними выходить в море. Торпедисты знали меня и вполне доверяли. Подъехавший на машине Голота поинтересовался наличием минёра, пролез на мостик и приказал отходить. Приготовив надстройки подводной лодки к походу и погружению, швартовные команды потянулись вниз. Путь в чрево субмарины этого проекта лежал через надстройку мостика и два длинных вертикальных трапа вниз — недаром эти лодки на флоте называли «сараями» из-за рубки огромных размеров. Когда я пробирался вниз, меня задержал комдив и, как бы извиняясь, сказал:

— Не обижайся, капитан-лейтенант. Всё знаю. Придём с моря, дам тебе отдохнуть. А сегодня надо вводить эту лодку в строй.

Меня тронуло такое внимание, и я направился в первый отсек.

Самые неприятные для подводников выходы — на испытания после всяких ремонтов в заводах и, в частности, на глубоководные испытания. «Глубоководка» — так называют ежегодные погружения лодки на предельную рабочую глубину в целях испытания корпуса и забортных механизмов. На них избегали ходить и представители заводов. Поэтому и неудивительно, что Вася Батон, капитан 3-го ранга, минёр этой лодки, опытнее меня, вдруг «серьёзно» заболел. На таких выходах происходят всякие «случайности», о которых тогда не принято было распространяться. Не обошлось без «рядового случая» и на сей раз.

Придя к утру в полигон глубоководных испытаний, комдив принял решение начать испытания без надводного обеспечения, нужно было спешить. К слову, на флоте, как и у автомобилистов, многие «ЧП» происходят именно из-за спешки — почему-то всё должно делаться срочно.

Ритуал глубоководных испытаний сложен: через каждые 10 метров глубины лодка задерживается, всё тщательно осматривается и прослушивается, и только после докладов из всех отсеков — «Отсек осмотрен, замечаний нет!» — она преодолевает следующие 10 метров. И так до глубины 270 метров...

Но в тот раз на глубине между 230 и 240 метров, когда, имея дифферент на нос, субмарина медленно шла в глубину,

в первом отсеке раздалось шипение, хлопок и весь отсек сразу заволокло плотным туманом. Я, стоя у переговорного устройства «Нерпа», только успел доложить в центральный пост: «Пробоина в первом отсеке!» — и бросился искать вместе с матросами эту самую пробоину. Сделать это было сложно. Струя била откуда-то из-за трубопроводов, переплетений которых в подводной лодке не счесть, и была такой силы, что сбивала с ног. Глубина была уже около 260 метров, а это составляло давление свыше 25 атмосфер. Для подпора был дан воздух высокого давления в отсек да и в центральном посту не дремали. Вскоре, продутая аварийно, лодка, как пробка из шампанского, выскочила из объятий глубины и закачалась на поверхности моря. Описывать весь сложный процесс борьбы за живучесть — весьма неприятное занятие. Надо отдать должное — панике тогда никто не поддался. После всплытия выяснилось, что «пробоиной» стала прокладка, вырванная из фланца трубопровода, связанного с забортной водой. Но, несмотря на такую, казалось, незначительную пробоину, воды в отсек набралось изрядно, и она полностью затопила электронасос в трюме, за который очень переживал механик.

Меня вызвали на мостик, и комдив начал расспрашивать меня обо всём подробно. Когда я хорошо отозвался о моральном духе личного состава, то флагманский механик Женя Кобцев не выдержал и встрял в разговор: «Товарищ комдив, надо разобраться — по «НБЖ» (Наставление по борьбе за живучесть) они действовали или нет?!» На что последовала резкая отповедь Голоты: «Да пошёл ты! Главное — всплыли! Идём в базу, там будем разбираться!»

Лодка направилась в базу. Все переживали это событие, но было приказано до выяснения окончательного вердикта не распространяться со своими версиями.

К обеду я попал домой. Жена с дочкой гуляли, и меня опять встретила тёща. По моему усталому виду она поняла: что-то на этом выходе в море было не так. Но, умудрённая жизнью, не стала приставать с расспросами, а направила меня в ванную, а сама стала хлопотать на кухне.

После первой рюмки коньяку я лёг в кровать и провалился в забытё, где продолжал бороться за живучесть отсека... Проснулся от тихого разговора Анны Никитичны с моей женой. Она настойчиво убеждала дочь ласковее относиться ко мне и ценить нелёгкую службу подводников. Из их разговора я с удивлением узнал, что пока я был в море, мать молилась за меня, чувствуя сердцем, что неспроста меня назначили на этот выход. А я-то считал её неверующей. Тогда, навер-

ное, я и понял, что молитвы близких спасают не только подводников, но и других от всяких напастей...

Я потом пережил ещё не одно глубоководное погружение, остался на поверхности жизни, но запомнил это на всю жизнь и уверен, что молитва «матери» тогда сыграла не последнюю роль...

Служба продолжалась. И вот я на атомоходе. Тревоги и неожиданные выходы в море продолжаютя....

Через полгода после вышеописанной боевой тревоги наша атомная ракетная подводная лодка ушла на боевую службу в Средиземное море. О том, что мы идём в Средиземное море, узнали только выйдя в море, погрузившись и начав поход, когда вскрыли пакеты. Штурман заготовил карты на весь Мировой океан. Этот район ещё не был освоен нашими атомоходами. Мы были первыми, и как первым нам пришлось решать многие вопросы впервые.

Но главное, в июне 1967 г. мы оказались в центре мировых событий — началась арабо-израильская война. Ни на какие уступки Израиль не идёт. И опять мир стоит на пороге войны горячеей, а мы гаранты мира. Сегодня об этом мало кто помнит, человечеству свойственно забывать уроки истории, а нам это стоило здоровья и нервов. Американская пресса писала: *«Как только началась арабо-израильская война, командиру «К-131» было приказано в течение 15 часов подготовить лодку к нанесению ракетно-ядерного удара по Тель-Авиву. Командир был ошеломлён. Он вовсе не хотел стрелять по Тель-Авиву, но знал, что не может не выполнить приказа...»*

Но одно дело писать, видя бой со стороны, другое — пережить его. Но, слава Богу, обошлось и в тот раз. Только одним своим присутствием атомоход сумел погасить накал страстей. Мы выполнили свой долг, но не были отмечены наградами. Обиды не держим — это наша работа.

По возвращении в базу после 92 суток похода началась повседневная, изматывающая рутинная работа, где мы были уже не главные. Во всём бал правил береговой чиновник, прикрывающийся морем, словно одеялом...

Через полмесяца после возвращения я встретил в посёлке Заозёрный своего сокурсника Льва Каморкина. Он гулял со своей малой дочкой, а я со своей. Пока дети знакомились, мы разговорились. Он сказал мне, что их подлодку направляют на боевую службу в Средиземное море, а у него нет желания идти в эту автономку. Я ответил ему, что знаю об этом, так как их командир Степанов приходил к нам за нашим опытом похода в СРМ, так моряки называют этот морской

театр. Лев сетовал на то, что у него из-за этого похода срывается учёба на офицерских классах по минно-торпедной специальности. Он категорически был против командирской карьеры.

Он любил минно-торпедное оружие, но не любил его применение, от него гибло сразу много людей. Мы вспомнили с ним одну горькую истину, которую высказал когда-то в шутку один из уважаемых наших преподавателей. Мы называли его «папа Лонцих». Приставку «папа» он получил, наверное, за чисто домашний, неофицерский и нестроевой вид. «*Напьясно* («папа» картавил) *мы готовим из вас убийц массового масштаба*». Это по поводу «отключившегося» на занятиях минного факультета курсанта. Мало кто задумался над этой шуткой всерьёз... Как и не думали мы тогда с Каморкиным, что это была наша последняя встреча. Остались только воспоминания о нём.

Мы дружески расстались, полные оптимизма и надежд на будущее.

Лев Фёдорович служил на знаменитом нашем первенце — атомоходе «К-3», который уже и на полюсе побывал, а теперь, летом 1967 года, направлялся в субтропические воды.

После похода на полюс в июле 1962 г. атомоход попал в полосу фавора — о нём писали в газетах, одна за другой на борт следовали разные делегации, а члены экипажа стали обязательными представителями многочисленных конференций и съездов. До боевой ли подготовки? Измученные командиры тихо спивались и без огласки снимались с должности. В таком «темпе» прошло пять лет, а тут понадобилось заткнуть дыру в плане боевой службы, и вспомнили о «К-3».

Срочно назначили нового командира — капитана 2-го ранга Степанова, доукомплектовали экипаж офицерами и сверхсрочниками с других подводных лодок и вытолкнули на боевую службу. Каморкин был самым опытным *своим* офицером. Экипажу пришлось срабатываться в процессе похода. Несмотря на все недостатки в подготовке к автономке, экипаж и лодка справились с поставленными задачами. Они возвращались домой, когда последовал приказ из Москвы — задержаться на Фареро, на противолодочном рубеже и провести его доразведку. И это тогда, когда экипаж на пике усталости! Не из-за таких ли необдуманных вводных с дополнительными задачами уже при возвращении в базу погибли АПЛ «Скорпион» (США) в мае 1968 г. и «К-8» (СССР) в апреле 1970 г.? (О «К-8» расскажу ниже.)

8 сентября 1967 г. пришло радио — прекратить разведку и следовать в базу. А в 4 часа начался пожар в 1-м отсеке, причины которого неясны до сих пор.

Люди спали, кроме вахты, и всё началось неожиданно. Лев, в отличие от механика и замполита бросился из второго отсека в горящий первый, а не от него...

Пожар в первом отсеке! Что может быть страшнее этого на подводной лодке, где первый отсек — это торпедный арсенал: два десятка торпед, и в их числе ядерные. Это хорошо понимал Лев Каморкин, который, не считаясь со своей жизнью, аварийно затопил отсек. За этот героический подвиг он был удостоен посмертно ордена боевого Красного Знамени и забыт. Все офицеры моего поколения знали, что орденов на подводном «фронте» не дают, их в основном вручают кабинетным военным. Что толкнуло Льва Каморкина на такой поступок? Это трудно понять сегодня, но не тогда...

Лев был моим однокурсником, т.е. по нашим обычаям братом, и я по свежим следам изучал эту трагедию. Таких братьев у меня более сотни. Теперь, когда я знаю, кого из нас готовили, я бы назвал наш большой кубрик в училище цехом завода по производству пушечного мяса. Но тогда никто из нас не догадывался о нашем истинном предназначении, мы готовились защищать страну от врагов и, действительно, были большой семьёй. Братья мои за 60 лет разбрелись по свету, но я стараюсь следить за их судьбами. Многие погибли в «холодной войне», не дождавшись войны горячей: вместе с лодками ушли на дно морское, умерли от болезней, от преждевременно наступившей старости, от разочарований и беспробудного пьянства... Есть среди них и адмиралы, и старшие офицеры, и Герои Советского Союза, но некоторые так и остались лейтенантами. И у каждого своя судьба, которая тянет не меньше, чем на повесть, но я не профессиональный писатель, поэтому ограничусь небольшим рассказом ещё об одном своём товарище, который был на два года старше меня.

В этом году Всеволоду Бессонову исполнилось бы 84 года, но судьба предоставила ему только 37 лет, которые он прожил достойно. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно, не на войне, но подвиг его не менее славен — подвиг в мирное время иногда более значим, чем на войне.

Подвигу предшествует вся жизнь, короткая или длинная. Детство Всеволода чем-то похоже на моё. Мы дети войны, и, как вспоминает его одноклассница Юлия Скороходова: «Жизнь была тяжёлой, одевались мы бедно, зато нравственные качества всегда оставались на высоте. В то время учителя давали нам знания с душой. Сева окончил школу с развитым чувством патриотизма». Я привёл слова эти простой женщины о детстве В. Бессонова, потому что готов подписаться под ними, сам рос и мужал в такой же среде. Наверное, по-

этому ещё в училище между нами возникли дружеские отношения. И в память о Всеволоде Борисовиче я могу сказать, что это был настоящий офицер-подводник, грамотный и беззаветно преданный Родине и морскому братству. Он был немного старше меня по годам, но никогда не кичился и был на равных и со старшими, и с младшими — редкое качество в нашей стране: среди холуёв и хозяев оставаться человеком. Уже за это он достоин награды. У него в характере было больше достоинств, чем недостатков.

Геройство Всеволода Бессонова состоит в том, что он стремился сохранить не только корабль, но и людей. Он смотрел в будущее.

Ныне уже не секрет, что освоение новой техники, тем более атомных подводных лодок, шло с большим напряжением и трудом. Подводная лодка «К-8» была заложена в 1957 году, вошла в строй флота в августе 1960 года и была вторым серийным атомоходом нашего флота. Это был фактически экспериментальный корабль, и выявленные недостатки на нём влияли на дальнейшее развитие атомного флота. Трагедия «К-8» 12 апреля 1970 года в Бискайском заливе — наглядный пример того, что все серьёзные инструкции пишутся кровью. Гибель одних есть предотвращение гибели других, может быть, больших жертв. Так было с «К-19», не исключение и «К-8». Только об одной знает весь мир, а другая остаётся в тени.

Подводная лодка «К-8» не очень удачная субмарина, не только потому, что одна из первых, но и по своей судьбе. Не раз приходилось её ставить в неплановый ремонт. После окончания ремонта в 1969 году «К-8» совершила поход на боевую службу уже под командованием капитана 2-го ранга В. Бессонова. Следующая боевая служба, начатая 17 февраля 1970 года, оказалась роковой. Вот как об этом повествует Пётр Николаевич Петров, служивший на «К-8» в период аварии лейтенантом, командиром штурманской электро-навигационной группы:

— Смотрю на снимки и вспоминаю горечь тех дней. Это Володя Шабанов. Мы вместе, в одно время, в 69-м году пришли на лодку. Ей к тому времени было десять лет. С азартом взялись за изучение атомохода. Володя стал командиром БЧ-3 (минёром), а я командиром ЭНГ (штурманёнком). А это мой командир боевой части старший лейтенант Коля Шмаков, на год старше меня был. Экипаж был у нас, можно сказать, молодёжный. «Стариком» для нас был командир лодки Всеволод Борисович Бессонов. Хотя — какой он старик... Ему в ту пору было лишь 37 лет. Но это был уже опытный командир, о чём красноречиво говорил орден Красного Знамени. Если память

меня не подводит, Бессонов прошёл командирское становление на дизельных лодках, а затем побыл старпомом на атомоходе и лишь потом возглавил корабль.

Об аварии Пётр Николаевич рассказывает через силу. Тяжело вспоминать то, что болью отзывается в сердце, обжигает душу.

— Мы, выполнив задачи боевой службы, возвращались домой, но нас привлекли на учения «Океан». 8 апреля после вечернего чая, где-то в 21 час 30 минут, стали подвсплывать на сеанс связи. Ничто не предвещало беды. И вдруг мичман Леонид Оголь доложил, словно обухом по голове ударил: «Пожар в рубке гидроакустиков!»

Тут же сыграли аварийную тревогу. Не успел стихнуть ревун, как в центральный пост поступил доклад из седьмого отсека: «Горит регенерация!»

Тогда, к сожалению, не было тех средств борьбы за живучесть, в частности, с пожарами, какие имеются сегодня на атомоходах. Вся надежда была на ВПЛ (воздушно-пенная лодочная система), да огнетушители. Попытка сбить огонь в центральном отсеке не удалась. Положение становилось критическим. Пришлось всплыть. Меня, задохнувшегося от угарного газа, вытащил наверх механик — капитан 2-го ранга Валентин Николаевич Пашин. Глотнув свежего воздуха, я пришёл в себя. Море было почти спокойно, а в районе 7-го отсека вода, соприкасаясь с горячим металлом, парила.

До конца выполнили свой долг специалисты главной энергетической установки: капитан 3-го ранга В. Хаславский, капитан-лейтенант А. Чудинов, А. Поликарпов и старший лейтенант Г. Шостаковский. Аварийная защита реактора левого борта сработала автоматически, а на правом им вручную пришлось опускать аварийную защиту реактора. «Прощайте, ребята, не поминайте лихом» — это были их последние слова.

Было исключительно трудно, обстановка была непредсказуемой, а главное, не было связи с центром. Но экипаж вёл себя мужественно и самоотверженно. Только 10 апреля нас обнаружило болгарское судно «Авиор». К этому времени погода испортилась.

Пётр Николаевич с восхищением рассказывает о мужестве и хладнокровии Бессонова...

Но 12 апреля в 2 часа 15 минут лодка стремительно ушла под воду, унеся с собой 22 ещё живых человека...

— Потом всех нас пересадили на подошедшую плавбазу «Волга», — продолжил рассказ Петров, — где находился член Военного Совета — начальник политуправления Северного

флота вице-адмирал Ф. Сизов. По приходу в Североморск нас сразу же отвезли на базу отдыха, и начались разбирательства. Семьям ничего не сообщили, хотя гарнизон бурлил разными слухами. Широкой огласке трагедию, разыгравшуюся в Атлантике, не предавали. Видимо, никому не хотелось признаться в гибели атомохода, кстати, одного из первых в Военно-морском флоте....

52 человека не вернулись из того похода в родную базу. Они честно выполнили свой долг. Флот и страна не вправе их забывать, как и их командира, сделавшего всё для спасения экипажа.

Есть подвиг боевой, есть трудовой, а есть повседневная жизнь, похожая на подвиг. Своей повседневной нелёгкой жизнью подводника Всеволод готовил себя к тому единственному мигу, который делает человека героем или... Бессонов оказался на высоте. Замполит, которого В. Бессонов отправил на плавбазу, чтобы тот потом мог рассказать о действиях экипажа в период аварии, писал в донесении: «... Душой экипажа был командир подводной лодки капитан 2-го ранга Бессонов Всеволод Борисович...» На атомной подлодке он был по годам старше всех, хотя ему-то и было 37 лет, но это уже был опытный командир, прошедший все ступеньки подводной службы: становление на дизельных подводных лодках, всё наше поколение 50—60-х годов прошлого века начинало с дизель-электрических подводных лодок, где он уже столкнулся с атомным оружием — участвовал в испытаниях атомной торпеды. Затем помощник и старпом на атомоходе — это были первые атомные лодки. В должности помощника командира атомной подводной лодки «К-133», однотипной «К-8», участвовал в феврале-марте 1966 года в трансокеанском переходе с Севера на Восток в подводном положении. За что награждён орденом боевого Красного Знамени. После того перехода был назначен старшим помощником командира АПЛ «К-8», командиром которой он стал в 1968 году. Это был командир, а не выскочка. За пять лет на «К-8» Бессонов из экипажа лодки сделал настоящую команду, которая верила ему, а он ей. Паники при аварии не было, ибо во всех случаях количество жертв увеличивается из-за паники, и это не слова, а жизненный опыт. Один лишь факт: в 4-м отсеке примером для моряков был старший лейтенант Аджиев. Под его руководством был запущен дизель-генератор на отсос воздуха из загазованного отсека. Но сам Гамардахан Аджиевич потерял сознание. Матрос Филимонов, прослуживший на лодке два года, не растерялся: подключив офицера к дыхательному аппарату, принял командование отсеком на себя. А

когда был отдраен верхний рубочный люк, Филимонов вывел всех людей из отсека наверх.

Что такое пожар на подводной лодке, тем, кто служил в подводном флоте, объяснять не надо. Страшен пожар на подводном корабле, а на подводной лодке во много крат страшней... Горит железо в замкнутом пространстве! Спасая корабль, Всеволод Бессонов думал о будущем!..

Закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР членов экипажа «К-8» наградили орденами и медалями. Офицеров и мичманов, оставшихся в живых, а также всех погибших — орденом Красной Звезды, а оставшихся в живых матросов и старшин срочной службы — медалью Ушакова, одной из престижных наград российского флота. Звание Героя Советского Союза присвоили командиру подводной лодки капитану 2-го ранга В. Бессонову (посмертно). Я не хочу комментировать этот в какой-то мере не очень справедливый Указ, во все времена наше государство не очень ценило своих героев... И как обычно происходит у нас — наградили и забыли. Подвиги не должны забываться. И очень отраднo, что Бессонова и его подвиг помнят на его малой родине.

Небольшой районный город Курской области Льгов, родина многих знаменитых людей, не забыл и своего геройского моряка — подводника Всеволода Борисовича Бессонова. Его именем названа одна из улиц города, главная школа города носит его имя, где функционирует школьный музей, посвящённый его короткой и яркой жизни. Не обошёл его вниманием и краеведческий музей района, где имеется экспозиция его имени. 12 апреля 2005 года в городе было освящено место, где ныне стоит памятник Герою. Всеволод остался в море — там памятником ему остаётся только широта и долгота места, доступная немногим. Памятник на земле — это память для всех, дань уважения курян своему земляку-герою.

Чисто сухопутная Курская область тесно связана с морем, она дала командира АПЛ «К-8», героев атомного подводного крейсера «Курск», который знает весь мир. Это наглядный отпор тем безродным либералам, которые не оставили своих попыток доказать, что Флот России не нужен. Нет, Флот был и будет нужен России. Он не только защитник страны, но и становой хребет её государственности.

О РИСКАХ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Тема «цифровой экономики», «цифрового общества», «цифрового правительства», «цифровых денег», подхваченная ведущими мировыми СМИ, акцентирует внимание на тех возможностях, которые открываются перед человечеством в связи с широким внедрением информационно-компьютерных технологий (ИКТ). Нередко рисуются картины светлого будущего, которое не за горами.

Однако в быстром распространении ИКТ есть существенные риски. А именно усиление эксплуатации человека корпорациями, установление жёсткого контроля не только над поведением человека, но и его мыслями. Серьёзным является риск демонтажа остатков национального государства, замены его так называемым цифровым правительством, за которым скрывается мировое правительство, представляющее интересы очень узкой группы людей. Некоторые авторы описывают такое будущее терминами «цифровая диктатура», «электронный концлагерь», «цифровое рабство».

Существует мнение, что эпицентром цифровой революции является Запад, но

ЭКСПЕРТЫ

события последних лет показывают, что в построении цифрового общества лидирует Китай. Официальная идеология в КНР говорит о построении «социализма с китайской спецификой», но на самом деле в стране строится «капитализм с китайской спецификой» (социалистическая риторика — лишь оболочка). Это молодой капитализм (в отличие от английского или даже американского), он создаётся с чистого листа, поэтому использует все новейшие информационные, коммуникационные, социальные технологии. Китайский цифровой капитализм в каком-то смысле может стать моделью для старого западного капитализма.

Китайцы, как выяснилось, более восприимчивы ко многим техническим новациям, чем европейцы или американцы. Так, немцы очень неохотно отказываются от наличных денег, а китаец уже сегодня готов от них полностью освободиться. Молодой китаец, особенно проживающий в крупном городе, даже кредитные и дебетовые банковские карты считает пережитком, предпочитая пользоваться приложениями в мобильном телефоне или планшете. Так, суммарный оборот мобильных платежей в Китае за 2017 год составил около 5,5 трлн. долл. Для сравнения: в США смартфонами расплатились всего на 112 млрд. долл. (почти в пятьдесят раз меньше, хотя численность населения в США меньше, чем в Китае, лишь в четыре раза). Один из наиболее популярных платёжных сервисов Alipay позволяет китайцу, проживающему в городе, обходиться без кошелька или банковской карты. Он оплачивает со своего мобильного телефона любые услуги и покупки в магазинах. Он может даже на сельскохозяйственном рынке приобрести продукты с помощью телефона, ибо продавцы там тоже технически вооружены.

По многим параметрам развития ИКТ Поднебесная опережает сегодня и США, и страны Старого Света. И развивается этот процесс в плановом порядке.

Несколько лет назад в Китае зазвучало словосочетание «система социального кредита» (ССК). Она задумана как система оценки благонадёжности граждан и организаций по различным параметрам с помощью электронных средств массового наблюдения, использующих технологию анализа больших данных (big data). Председатель КНР Си Цзиньпин так объяснил народу суть ССК: «Для борьбы с острой проблемой недостатка доверия нужно крепко взяться за создание системы оценки надёжности, покрывающей всё общество. Нужно совершенствовать как механизмы поощрения законопослушных и добросовестных граждан, так и меха-

низмы наказания тех, кто нарушает закон и утратил доверие, чтобы человек просто не осмеливался, просто не мог потерять доверие».

В 2014 году Государственный совет КНР выпустил документ «О планировании строительства системы социального кредита (2014—2020)». В нем выделены следующие аспекты поведения человека, которые должны быть охвачены системой: 1) честность в государственных делах; 2) коммерческая добросовестность; 3) поведение в обществе; 4) судебная история.

Что касается юридических лиц, тут система оценки в рамках ССК воспроизводит модели, апробированные в некоторых странах Запада. Например, в США и Европе такие оценки давно производят кредитные бюро. В тех же США имеются крупные кредитные бюро, где сосредоточена информация о сотнях тысяч коммерческих и иных организаций, хотя бы раз обращавшихся за кредитами в банки. Кредитные бюро ведут также базы данных по физическим лицам, но только по тем, которые пользуются банковскими кредитами.

По части оценок физических лиц Китай является первопроходцем. Китайская ССК предполагает учёт всех граждан, даже тех, кто никогда за кредитами не обращался. А набор оцениваемых параметров (в отличие от западных кредитных бюро) крайне широк. Каждому гражданину присваивается определённый социальный статус, который изменяется в соответствии с начисленными ему баллами за те или иные поступки — от «образцового» до изгоя. Документ «О планировании строительства системы социального кредита» определяет возможные санкции в отношении физических и юридических лиц, которые будут иметь низкие рейтинговые оценки, как и привилегии для тех, кто будет обладать высокими рейтингами. Наборы санкций и привилегий периодически уточняются. Сейчас, например, для физических лиц с низкими рейтингами предусмотрены следующие санкции: 1) запрет на работу в госучреждениях; 2) отказ в социальном обеспечении; 3) особо тщательный досмотр на таможне; 4) запрет на занятие руководящих должностей в пищевой и фармацевтической промышленности; 5) отказ в авиабилетах и спальном месте в ночных поездах; 6) отказ в местах в дорогих гостиницах и ресторанах; 7) запрет на обучение детей в дорогих частных школах. Это далеко не полный список наказаний, ожидающих нарушителей правил игры. Например, для «проштрафившегося» китайца может быть полностью закрыт доступ к кредитам либо предусмотрены повышенная процентная ставка и особые (более жёсткие) условия обеспечения кредита.

Предполагается, что информация о гражданах будет поступать из муниципальных, правоохранительных, судебных органов, банков, торговых и иных коммерческих организаций в единый информационный центр. Кроме того, информация будет поступать из систем видеонаблюдения. Китайские города опутаны густой сетью камер наблюдения. Страна достигла больших успехов в технике, позволяющей распознавать в толпе человека, попавшего в поле зрения камеры видеонаблюдения.

К реализации проекта подключены восемь крупных китайских частных компаний. Это те компании, которые имеют мощные базы данных по своим клиентам и ведут работы по совершенствованию ИКТ. Среди них выделяются Alibaba и Tencent. Эти компании — лидеры в области финансовых технологий не только в Китае, но и в мире. На сервисы мобильных платежей Alipay и WeChatPay приходится 90% рынка мобильных платежей в Китае. Tencent — владелец мессенджера WeChat, которым пользуются 500 млн. человек (данный мессенджер позволяет не только обмениваться текстовой, аудио- и видеоинформацией, но и осуществлять денежные транзакции). Alibaba — крупнейшая платформа интернет-торговли (годовой объём продаж более 23 млрд. долл.), которой пользуются 448 млн. китайцев.

Поступающая в единый центр информация обрабатывается с помощью технологии big data. На выходе — персональный рейтинг китайца, находящийся в открытом доступе и меняющийся в режиме online. Базовый рейтинг, равный 1000 баллов, присваивается каждому попадающему в систему гражданину. Когда ССК заработает на полную мощность, его будет получать каждый только что родившийся младенец. В момент смерти каждый китаец также будет иметь рейтинг, от которого будет зависеть, как человека проведут в последний путь.

Рейтинговые маркировки граждан будут примерно такими же, какими сегодня пользуются мировые рейтинговые агентства Standard & Poors, Moody's, Fitch, оценивающие финансовое положение государств. Если у человека рейтинг выше 1050 баллов, он маркируется как AAA. При 1000 баллов — AA. А если у человека менее 900 баллов, его переводят в группу В. Если рейтинг опускается ниже 849 баллов, человеку присваивают знак С.

Конченными людьми оказываются те, у которых рейтинг ниже 599 баллов. Это изгои, они получают клеймо в виде буквы D. Таким людям не дадут кредитов, не продадут би-

лета на самолёт, их не примут на многие виды работы. Без залога они не смогут получить в аренду ни автомобиль, ни даже велосипед.

Сознательный китаец может наращивать свой исходный рейтинг «правильным» поведением, которое помимо всего предусматривает доносительство. Гражданину, сообщившему в инстанции о «неправильном» поведении соседа или коллеги по работе, присваиваются дополнительные баллы. Недонесение о «неправильном» поведении ближнего квалифицируется как «пособничество» и «попустительство» и будет караться штрафом в виде вычета баллов рейтинга.

Китаец, стремящийся повысить свой рейтинг, должен разбираться, с кем ему следует общаться, а с кем — нет. Так, если он вступит в контакт с человеком, имеющим клеймо D, то рискует понизить свой рейтинг. А если общение гражданина с человеком из группы D будет иметь регулярный характер, такой гражданин сам может угодить в категорию изгоев.

Согласно плану, система должна быть внедрена в Китае повсеместно к 2020 году после пилотных испытаний. Реализация проекта началась в 2016 году под лозунгом «Обеспечить достойных доверия людей преимуществами во всём и ограничить во всём тех, кто доверия не заслуживает». ССК проходит окончательное тестирование в нескольких десятках городов. Самым известным из них является Жунчэн (провинция Шаньдун) с населением 670 тысяч жителей. В этом городе единый информационный центр собирает данные из 142 учреждений, анализируя 160 тысяч различных параметров. Для тех, кто уже попал в базы данных ССК, с 1 мая 2018 г. вступила в силу система штрафов и преференций. В прошлом месяце китайцы, получившие клеймо в виде буквы D, уже лишились доступа к самолётам и комфортабельным скорым поездам.

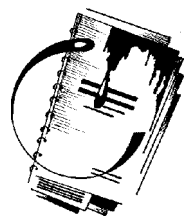
Мир, затаив дыхание, следит за тем, как в Китае создаётся «система социального кредита». Через два года система охватит всю Поднебесную. Кто-то следит за этим проектом, рассчитывая использовать китайский опыт в своих странах, а кто-то с тревогой размышляет о том, что в Поднебесной осуществляется антиутопия Джорджа Оруэлла.

БЕЛОМОРКАНАЛ

85 лет назад, 20 июня 1933 года, введён в строй Беломорско-Балтийский канал, соединивший Белое море с Онежским озером и далее с выходом к Балтийскому морю и к Волго-Балтийскому судоходному пути. Построен он силами заключённых ГУЛАГа в рекордно короткий срок — за год и 9 месяцев, официально открыт 2 августа 1933 года, считается гордостью первой пятилетки (1929—1932). Это было первое в СССР полностью лагерное строительство. Общая протяжённость канала — 227 километров, включая 19 шлюзов, 100 сложных инженерных сооружений, 2,5 тысячи км железнодорожных путей.

Впервые идея строительства судоходного канала принадлежала Петру I, но детально за разработку проекта взялись только в XIX веке. Тогда по приказам правительства было разработано четыре проекта строительства: первый — проект Ф.П. Деволана (1800), второй — графа А.Х. Бенкендорфа (1835), третий — флигель-адъютанта Лошкарёва (1857), а в 1900 г. профессор Тиманов за проект строительства канала был награждён золотой медалью Парижской всемирной выставки. Однако все

ДОСЬЕ "МГ"

варианты были отклонены царским правительством из-за их высокой стоимости.

К строительству приступили ещё в конце 1931-го, без проекта, который вчерне был разработан лишь в начале 1932 г. Стройка шла без применения техники, практически вручную. В сооружениях канала использовали главным образом местные недефицитные строительные материалы: дерево, камень, грунт, торф. В разные периоды строительства численность заключённых менялась, не превышая 108 тысяч. Основную их часть составляли жертвы коллективизации («раскулаченные»), а также представители русской интеллигенции, недобитой во время Первого Русского Холокоста 1918—1922 гг. Каждый подневольный строитель назывался: *заключённый каналоармеец*, сокращенно «з/к», от чего произошло жаргонное слово «зэк». Подразделение ГУЛАГа на канале называлось Беломорско-Балтийский лагерь (БелБалтЛаг).

Кураторами стройки стали будущий нарком НКВД Г.Ягода и начальник ГУЛАГа М.Берман. Строительством канала с 1931 по 1933 год руководил Н.Френкель, в руководство БелБалтЛага на этапе строительства входили также Э.Сенкевич, П.Александров и С.Фирин.

В мае 1933 г. Ягода доложил Сталину о готовности Беломорканала. 25 июня по всему каналу от начала до конца прошёл пароход «Чекист». В июле этого же года Сталин, Ворошилов и Киров совершили прогулку на катере по новому рукотворному водному пути. По свидетельствам очевидцев, Сталин сказал, что канал получился мелкий и узкий, и охарактеризовал его как бессмысленный и никому не нужный (глубина канала в то время составляла всего 3,65 м). Тем не менее по каналу сумели провести корабли из Ленинграда в Баренцево море, положившие начало созданию Северного флота.

После окончания строительства 4 августа 1933 г. были освобождены 12 484 заключённых, сокращены сроки для 59 516 заключённых. За руководство строительством награждены орденом Ленина 6 крупных деятелей ОГПУ — Г.Ягода, М.Берман, Л.Коган, Я.Рапопорт, С.Фирин и Н.Френкель, а также 2 инженера — С.Жук и К.Вержбицкий. После окончания строительства на эксплуатации канала осталась 71 тысяча заключённых.

В романе А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» о руководителях стройки написано: «Так впору было бы им выложить на откосах канала шесть фамилий [...] наёмных убийц, записав за каждым тысяч по сорок жизней: Берман — Фирин — Коган — Френкель — Рапопорт — Жук». «Тысяч по

сорок» — это из области фантастики, конечно. По этой части Солженицын вообще страдал болезненным воображением, однако жертвы, безусловно, были, и жертвы немалые. Кто же были эти шестеро?

Берман Матвей Давыдович — начальник ГУЛАГа, арестован в 1938-м, расстрелян в 1939-м. А до этого — в 1918-м — вступил в партию и стал начальником уездной ЧК в Глазове (в возрасте 20 лет!). В том же году исключён из партии за пьянство, но вскоре восстановлен и с 1920-го командовал уже губернскими ЧК — Томской, Енисейской, Семипалатинской, Иркутской. В 1924—1927 гг. — полпред ОГПУ в Средней Азии, в 1927—1928 — председатель ОГПУ УзССР, с 1930-го — зам начальника, а с 1932-го — начальник ГУЛАГа.

Фирин Семён Григорьевич — начальник БелБалтЛага, арестован и расстрелян в 1937. До этого — в 19-летнем возрасте (1917) уехал из Витебска, чтобы принять участие в революционных событиях в Питере и Москве, в 1918-м стал коммунистом, в годы Гражданской войны служил в разведуправлении Западного фронта под командованием Тухачевского, затем в разведке РККА за границей, затем переведён в ОГПУ. С 1930-го — замначальника Особого отдела ОГПУ.

Коган Лазарь Иосифович — заместитель начальника ГУЛАГа, начальник Беломорстроя, арестован в 1938-м, расстрелян в 1939-м. А до этого — в 1908-м — по приговору Киевского военно-окружного суда за вооружённые ограбления приговорен к расстрелу, заменённому вечной каторгой, в 1918 стал коммунистом, служил в РККА комиссаром, с 1920-го — особистом, затем начальником Новороссийской ЧК, а с 1923-го начальником Дагестанской ЧК, затем пошёл по линии ГУЛАГа.

Френкель Нафталий Аронович — начальник работ Беломорстроя, затем начальник БАМЛага, впоследствии дослужился до генерал-лейтенанта и умер своей смертью в возрасте 77 лет (1960). До этого — в 1918-м — член одесской банды Мишки Япончика, затем главарь собственной банды грабителей (1919), главарь банды контрабандистов (1919—1923), единственный из членов которой избежавший расстрела в 1924-м. По указанию Эйхманса, начальника Соловецкого лагеря, где Френкель отбывал 10-летнее заключение, он был досрочно освобождён в 1927 году и перешёл на работу в ОГПУ. Именно ему приписывают идею использования дешёвой рабочей силы заключённых для работы на крупных народно-хозяйственных стройках.

Рапопорт Яков Давыдович — помощник (заместитель) начальника ГУЛАГа до 1939 года, затем возглавлял различ-

ные управления строительства в системе НКВД, дослужился до генерал-майора, после ухода в отставку работал замдиректора института «Гидропроект» и умер своей смертью в 1962-м. До этого — В 1919-м (в возрасте 21 года!) — занимал пост заместителя председателя Воронежской ГубЧК. Об отношении чекистов Воронежской губернии к «врагам советской власти» сохранились свидетельства: « В Воронеже пытаемых сажали в бочки, утыканные гвоздями, и катали. На лбу выжигали пятиконечную звезду; священникам надевали на голову венки из колючей проволоки» (С.Мельгунов, «Красный террор»). По словам очевидцев, Рапопорт лично руководил пытками: «...когда погружённый в кипяток терял сознание, Рапопорт приказывал приостановить пытку, приводил пытаемого в чувство, а затем командовал: «Продолжайте!» («Донские ведомости», 1919 г.)

Жук Сергей Яковлевич — руководитель проектирования и зам гл. инженера строительства канала, с 1942-го до своей смерти (1957) директор института «Гидропроект», названного в последствии его именем, генерал-майор, инициатор создания и идеолог проектов Цимлянской ГЭС и каскада гидроузлов на Волге, построенных заключёнными и нанёсших огромный экологический и хозяйственный ущерб, инициатор проекта поворота северных рек в Казахстан и Среднюю Азию. Его называли «начальником ГидроЛага». Урна с прахом — в Кремлёвской стене. До этого — в 1917-м — окончил Петербургский институт путей сообщения, с 1931 — в ОГПУ. Гл. инженер строительства канала Москва—Волга, Рыбинского и Угличского водохранилищ.

Историки Гуверовского института (США) сравнивают Жука и Рапопорта с создателями лагерей смерти. Вряд ли это сравнение преувеличено.

«ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО» И ДРУГИЕ «ДЕЛА»

(к 90-летию начала Второго Русского Холокоста)

1929 год вошёл в русскую историю как «Год великого перелома» — развернулась коллективизация. Шесть миллионов (по осторожным оценкам) её жертв — это было действительно переламывание хребта русскому крестьянству.

Менее известно, что столь же успешно переламывался хребет русской интеллигенции, оставшейся в России после Первого Русского Холокоста 1918—1922 годов, и ещё занимавшей видные места в науке, в экономике и в армии. Правда, счёт жертвам там был намного меньше, но ведь и прослойка старой интеллигенции была уже невелика.

Громкие процессы на рубеже 1920—1930-х годов, сфабрикованные в ОГПУ (Менжинский, Ягода, Агранов, Балицкий, Дерibas, Заковский, Реденс и их «соратники» на местах), положили начало массовым политическим репрессиям. Об этих репрессиях либеральные историки, политики и журналисты вспоминают неохотно. Наверное, всё-таки соображают, что до полной власти Сталину в то время было ещё очень далеко, его личные политические противники от этих репрессий никак не пострадали, и называть репрессии «сталинскими» никак не получается, а раз не получается — зачем о них вспоминать. Если же копнуть поглубже, то оказывается, что организаторами и вдохновителями репрессий были в основном большевики-«интернационалисты» или попросту троцкисты, которые и после свержения Троцкого продолжали занимать высокие этажи власти. Об этом нынешним «либералам» вспоминать тем более не хочется.

Предтечей волны репрессий было «Шахтинское дело», по которому проходила группа инженеров и служащих, якобы действовавших под руководством Парижского центра и являвшихся агентами Франции, Польши и Англии одновременно. 90 лет назад, 18 мая 1928 года, на скамье подсудимых в Колонном зале Дома Союзов оказались 53 человека, которых обвиняли в умышленном вредительстве на шахтах Донбасса. Шесть из них были расстреляны. Ещё 82 были осуждены во внесудебном порядке. Причем «вредительство» осуществлялось так изощрённо, что в обвинительном заключении даже было написано: *«Более опытные и осторожные вредители (подобно инженеру Кузьме) проводили вредительство так тонко и осмотрительно, что не только не было заметно его следов, но, наоборот, внешне рудник [Власовский] производил весьма хорошее впечатление»*. Председателем суда был непотопляемый бывший меньшевик Вышинский, а вот главному обвинителю, верному большевику-ленинцу Крыленко, повезло меньше — того расстреляли в 1938-м.

Поводом для «Шахтинского дела» явились частые срывы производственных планов, высокий травматизм на шахтах и растущее недовольство рабочих. Однако причинами этого было не «вредительство» специалистов, а совсем иные обстоятельства. Оборотной стороной начавшейся индустриализа-

ции страны стала гонка (соцсоревнование) за перевыполнением плана, что не только нанесло большой ущерб безопасности подземных работ с сопутствующей гибелью шахтёров в забоях, но и вызвало недопустимую эксплуатацию и частые поломки оборудования (если учесть к тому же низкую трудовую и технологическую дисциплину рабочих). Недовольство рабочих, вызванное как промахами в организации и управлении, так и плохим снабжением, партийные деятели сумели направить против специалистов. И это им хорошо удалось, поскольку многие из спецов работали раньше на буржуев — прежних хозяев шахт. «Шахтинский процесс» стал для власти громом над головой, первым успешным опытом «перевода стрелок».

В декабре 1929 г. было начато «Академическое дело». По нему проходила элита историков Ленинграда, Москвы и других городов. Среди них были крупнейшие учёные С.Ф. Платонов (автор и доныне лучшего учебника истории России, выдержавшего до революции 11 изданий), М.М. Богословский, Е.В. Тарле, А.И. Андреев, С.В. Бахрушин, Б.А. Романов — в общей сложности 85 человек. В вину им был поставлен антигосударственный заговор и создание «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», — конечно же, с целью свержения советской власти и восстановления монархического строя.

Всё это, разумеется, фальшивка, а действительная их вина заключалась в двух фактах. Во-первых, они не хотели воспринимать марксизм-ленинизм как «метод научного познания». Будучи честными учёными и порядочными людьми, они его просто не считали методом. Во-вторых, они проигнорировали приказ партии, пожелавшей укрепить Академию наук 8 академиками-коммунистами. В январе 1928 года на общем собрании Академии трое из этих восьми были забаллотированы, а ещё трое были избраны с перевесом всего в один голос.

В августе 1929 г. на 100-летнем юбилее И.М. Сеченова, отмечавшемся в Академии наук, великий И.П. Павлов в своём докладе со свойственной ему прямоотой так прокомментировал ситуацию:

«Без Иванов Михайловичей с их чувством достоинства и долга всякое государство обречено на гибель изнутри, несмотря ни на какие Днепрострои. <...> Введён в Устав Академии параграф, что вся работа должна вестись на платформе учения Маркса и Энгельса — разве это не величайшее насилие над научной мыслью? Чем это отличается от средневековой инквизиции? <...> Нам приказывают (!) в члены Высшего учёного учреждения избирать людей, которых мы по совести не можем признать за учёных. ...Прежняя интеллигенция частично истребляется, частично и развращается».

Академию потребовалось срочно «чистить». Идейным вдохновителем «чистки» был денационализированный русский выродок, тщедушный, злобный, но очень влиятельный новоиспечённый академик Покровский, глава «исторической школы Покровского», суть которой — в обливание помоями всей русской истории. Он указывал: *«Надо переходить в наступление на всех научных фронтах. Период мирного сожительства с наукой буржуазной изжит до конца»*.

Первым в январе 1930 г. был арестован 71-летний С.Ф. Платонов (просидел год в тюрьме, ещё через два года умер в ссылке), за ним в тюрьму потянулись и остальные, а через год «тройка» ОГПУ вынесла «антигосударственным заговорщикам» на удивление мягкий (при таком-то преступлении!) приговор — академикам ссылка на 5 лет, остальным лагеря на 5—10 лет. Расстреляны были только шесть бывших царских офицеров, которые являлись ещё и членами не существовавшей «военной группы» не существовавшего «Всенародного союза». Причина мягкости приговоров вскоре стала ясна. От «школы Покровского» вскоре отказались, подвергли её жёсткой критике и перешли на нормальный курс русской истории, преподавать который было трудно без старых спеццов. В этом курсе возводились должные почести великим достижениям и великим деятелям России, за исключением, конечно, царей и министров, — здесь марксистско-ленинский «метод» сохранился во всей своей силе. Заслуга в таком повороте целиком принадлежит Сталину, потому Троцкий из далёкого зарубежья и обзывал его национал-большевиком.

Весной 1930 г. после ряда крупных забастовок в Донбассе было заведено дело «Промпартии». По нему проходили 8 крупных руководителей промышленности (членов не существовавшего ЦК не существовавшей партии), обвинённых во вредительстве, в связях с французской и английской разведками, с русскими буржуями-эмигрантами и т.д. Суд под председательством того же Вышинского при государственном обвинителе том же Крыленко приговорил пятерых к расстрелу (вскоре заменённому 10 годами заключения), остальных — к разным срокам. О том, что это были за преступники, свидетельствует анекдотический эпизод в конце судебного следствия. Во время допроса одного из подсудимых Рамзина прокурор спросил: *«Откуда вы знаете, что в вашем институте имеется два-три десятка лиц, находящихся во вредительской ячейке?»* Рамзин ответил: *«Об этом я знаю из следственного дела»* (!). Кроме этих восьмерых, по всей стране было арестовано более 2 тыс. человек — «рядовых членов» т.н. Промпартии.

1930 год дело «Трудовой крестьянской партии». Оно было настолько шито белыми нитками, что устраивать показательный процесс организаторы постеснялись, и суд проходил в закрытом режиме. Обвиняемых приговорили к различным срокам заключения, в тюрьмах, лагерях и ссылках они пробыли до 1937 года, тогда их и расстреляли, уже по новым приговорам «троек». Среди них были великие учёные Н. Кондратьев и А. Чайнов.

1930 год. «Дело семёновцев». По нему проходил 21 бывший офицер лейб-гвардии Семёновского полка. Их обвинили в создании организации «с целью свержения существующего строя». Фактическая «вина» состояла в том, что они спрятали своё прославленное полковое знамя под алтарём бывшего полкового храма. Без суда и, фактически, без следствия к расстрелу были приговорены 11 человек, к 10 годам концлагерей — 4 человека, к 5 годам — 5 человек, лишь один признан невиновным.

1930 год дело «Всесоюзной военно-контрреволюционной организации “Весна”», завершившееся тюрьмами, расстрелами, в лучшем случае — изгнанием из армии большинства бывших царских генералов и офицеров, воевавших в Гражданскую войну на стороне Красной армии. Именно им — начальникам штабов и оперативных отделов — были обязаны своими победами Блюхеры, Ворошиловы, Дыбенки, Тухачевские, Уборевичи и Якиры.

Второй Русский Холокост не ограничился истреблением крестьянства, старой технической, научной и военной интеллигенции. Было ещё истребление православного духовенства и активных прихожан с уничтожением тысяч церквей. Причём если в 1918—1922 гг. храмы и монастыри преимущественно грабили да сбрасывали колокола с колоколен и кресты с куполов, а большинство церковных зданий не трогали, то теперь их уже уничтожали (включая множество шедевров архитектуры). Но это — отдельная печальная тема.

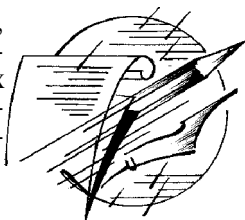
г. Новосибирск

«ГЕНЕТИКИ»...

Статья эта назревала давно. Но столкнувшись лавину камешком явился вовсе незначительный эпизод. В споре об одном популярном видеоблогере, здесь не важно даже, о ком, один из знакомцев сказал мне примерно следующее: не особенно-де им увлекайтесь, имярек не столь прост, и за замечательно остроумными и правильными его высказываниями скрыта очень тонкая и очень коварная русофобия.

Я возразила так: но какой смысл в незаметной на вооруженный взгляд «тонкой русофобии», если русофобия самая грубая и толстая вываливается на общество самосвалами? Надлежит ли искать конспирологические многоходовки там, где всё давно делается об один ход. Опять же — вывалили самосвал и поехали за следующим. Собеседник мой пока не нашелся с ответом.

И отнюдь не самыми необразованными слоями общества воспринимается эта грубейшая и ломающая идеология. Какое там. Трудно понять, почему это работает, но оно работает. Когда студенты самых престижных учебных заведений, уж если не получается записаться в евреи, выискивают себе прад-

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

душку готтентота либо бабушку сету, лишь бы обозначить себя вне «генов злодейства», о которых изобильно сообщают нам выдающиеся генетики наподобие мадам Боссарт. Я пу-таю ее с мадам Гербер, но интернет подсказывает, что генети-ками являются обе. Одна восхищается «доброкачественны-ми генами» Ходорковского, другая говорит о русском «гене-тическом антисемитизме», сопряженном с «влиянием Церк-ви». Заметим, как ни старались размытые в биографии пред-ки Гербер оное влияние Церкви заменить прогрессивным коммунизмом, но не получилось наш народишко исправить. Какой-то Шлосберг, понятия не имею, кто таков, но, вероят-но, для посвященных он что-то да значит, пишет, что «коли-чество генетических (!!!) живодёров в России зашкаливает».

Потомственная революционерка и вчерашняя активная комсомолка товарищ Альбац тоже однажды собралась пи-сать «статью о генетической истории русских». После того, как твит раньше времени угодил в интернет, вызвав огром-ное количество насмешек, кажется, передунала.

Не отстают и «почётная легионерка», писательница Улиц-кая, лауреатка Букера и прочих премий: «Есть некоторое био-логическое объяснение, которое называется «отрицательный отбор». Это раздел науки, который называется «*популяцион-ная генетика*». Определенные группы людей пострадали за вре-мя советской власти. Их потомство тоже пострадало. Более того, многие дети уничтоженных властью людей тоже не вы-жили, а некоторое количество детей этих людей с определен-ным генотипом не родилось. Это генетическое объяснение».

Я росла среди ученых естественников и с 14 лет читала материалы достопамятной сессии ВАСХНИЛ. Будучи диле-тантом, лишь самую малость сведущим, скажу, что представле-ния этих высоких умов о генетике хуже, чем пещерны. Улиц-кая, в незапамятные времена еще кое-как закончила биофак (что, кстати, делает ее более ответственной за несомую при-митивную ахинею), но по специальности, кажется, не ра-ботала. Остальные же «генетики» — вовсе мимо: Шендеро-вич — институт культуры, Боссарт — журфак, Гербер — юри-дический.

Последнее особенно интересно, ибо разум не может вмес-тить, каким образом юрист по образованию столь охотно подписывается под статью УК. Выше подобраны (из десят-ков схожих) только те, что содержат слово «генетика».

«Передайте мадам, что Розенберга за это повесили», — ком-ментируют блоггеры под одной из вышеприведенных цитат.

И ведь вывод из всех цитат лежит на поверхности: генети-чески ущербный индивид никакому перевоспитанию и улуч-

шению по определению не поддается. Ну а что тогда делать с социально опасным «генетическим живодёром»? Ну, что-нибудь эдакое, пока он опасен не сделается, превентивное. Лучшее в младенчестве или внутриутробно. По, опять же продолжая вывод, национальному признаку.

Можем здесь, конечно, вспомнить, что третий рейх прежде геноцида иных народов начал «улучшение» внутри собственной страны и титульной нации. Зловещей памяти программа Т4 — по уничтожению неизлечимо больных и умственно отсталых. Ах, эта мракобесная Церковь, её остановившая, ах непрогрессивный Кардинал Галлен!

Впрочем, я против спекуляций слишком конкретным термином «нацизм», либо некорректным термином «фашизм», на которые столь парадоксально падки процитированные выше граждане. Скажем точнее, и этого будет достаточно: помянутые индивиды исповедуют человеконенавистническую идеологию, разжигающую межнациональную неприязнь, и под эту свою идеологию пытаются подвести «научную» базу.

Японские экспериментаторы ни на минуту не были нацистами, идентифицируя китайцев, объектов своих чудовищных опытов, в качестве «брёвен». Кому от их *ненацизма* легче?

Названия идеологии, образчики которой мы видим выше, покуда не придумано. Определять ее как «либерализм» за пределами неграмотно. «Либерализм провозглашает права и свободу каждого человека высшей ценностью и устанавливает их правовой основой общественного и экономического порядка», поясняют нам словари. Ну и какое отношение к этому имеет высчитывание процентов «правильного», не подлежащего люстрации населения, столь популярное в этой среде?

И уж, хотя это и немного в сторону от национальной темы, еще одного элитария не могу обойти стороной: это Драгунский-младший, всю жизнь в таковой роли и подвигающийся. В отличие от сокорытников, он не призывает к люстрации, однако также большой любитель измерять народ в «процентах». Ах вы, старухи и старики наши процентщицы-процентчики! Социальная концепция Дениса-фиса, на наш взгляд, также до изумления далека от демократических ценностей. Сводится она к тому, что 80% населения нашей страны (цифра, как признает и сам неизъяснимый генетик, взята с потолка) живут тяжелым трудом единственно по той причине, что не оказались способны пробиться к труду легкому либо вовсе к платному безделью. Поэтому уважать их не за что. Трудятся, чтоб не сдохнуть с голоду. При этом: «Они даже не

аморальны. Аморализм — это ведь тоже этическое учение, требующее определенного напряжения ума и некоторых знаний. Они чаще всего бывают имморальны, то есть вне морали. Им почти недоступны категории добра и зла, выходящие за пределы их повседневного быта, за пределы сиюминутной личной выгоды. Именно сиюминутной, потому что задуматься о сколько-нибудь отдаленных последствиях своих поступков они не в силах». То есть, проще говоря, — *животные*.

«Аморализм ему (Драгунскому. — Е.Ч.) стал доступен за счет напряжения ума и некоторых филологических знаний, — блестяще комментирует один блоггер, — а вот понять, что повседневный быт тоже требует морали и не обязательно весь продиктован сиюминутной выгодой, что дураков не 4/5 населения, а существенно меньше и что образование не гарантирует ума и порядочности, он уже не сможет никогда».

Патологическое неуважение к честному труду — вообще характерно для квазиэлит, остро ощущающих свое жалобное несоответствие захваченным ими в обществе нишам. «Дениска» пускается в том же неизъяснимом тексте в рассуждения о том, что де 80% — это как раз те самые чудовища, что устраивают «Варфоломеевские ночи». Сложно всерьез говорить о Варфоломеевской ночи с существом, для которого она сводится лишь к словосочетанию-стереотипу, но нельзя не отметить, что ее участники были преимущественно аристократией. Мародеры, конечно, подключились, как же без этого, но Гиз, Екатерина и Карл — они отнюдь не зарабатывали на жизнь «тяжелым физическим трудом».

Да так ли они образованны, эти прекрасные «генетики» от гуманитарной сферы и кухонные социологи? Или просто — глупы, при всем своем самомнении?

Но меня удивляет даже не это. За последний год я побывала примерно в десятке российских городов и сёл. Либо перечисленные элитарии вовсе не путешествуют по стране, и знают о ее жизнь из «своих» же медиа, либо мы путешествуем в параллельных мирах. Отчего, если я оказываюсь в деревенском доме далеко-далеко от Москвы, хозяин дома, кивая на великолепно современные интерьеры, горделиво комментирует, что «дизайн полностью разработан женой», меж тем, как «Дениски» непременно окажутся среди полчищ тараканов и узрят деревянный туалет на дворе.

В советское время жизнь в провинции была тяжелой, зачастую — угнетающей. Не по причине нищеты (сужу, конечно, больше о периоде, который успела застать), шахтеры нередко зарабатывали поболее столичных ученых. Но в глухие тона окрашивала жизнь прежде всего невозможность путешество-

вать по стране. Не все помнят и знают, что даже в Москве невозможно было побывать, не имея в ней знакомых, готовых предоставить кров. Просто взять и забронировать гостиницу было почти нереально — нереально на свои кровные деньги. Люди тогда действительно много читали — всё, что возможно было достать, хотя и книжный голод ощущался. Но чтение не заменит живой жизни — да, пьянство, да, драки среди молодежи, порой заканчивавшиеся весьма худо. Но из этого никак не вытекает, что сама по себе профессия шахтёра — удел неудачника. Из этого вытекает лишь одно: что в нормально обустроенной стране и шахтер должен жить достойно, а не в положении полукрепостного.

Сколько бы неправильностей ни терзали нас сейчас, я с радостью наблюдаю, как сглаживается постепенно различие между столичной и провинциальной жизнью. Когда сибирский резчик по дереву, выпуская душистую кедровую стружку из-под лезвия, самым обыденным тоном произносит: «Да, на Мон Сен-Мишель непременно собираюсь съездить. Этого места нельзя не повидать», я счастливо понимаю, что не все перемены в нашей жизни — к худшему.

В мире каких больших фантазий обитает сие неизъяснимое порождение советского писателя? Тяжелый труд — это «низ», предназначенный для «вялых и неумных»? Старичку Ницше бы это сошло в его времена. Но нынче времена — даже не позднесоветские. Один мой читатель, теперь уже — друг, ибо читатели мои нередко становятся мне друзьями, живет в провинции и работает на заводе. Страстное его увлечение — восточные единоборства, ради участия в которых он временами ездит в Японию. В свободное же от работы, спортивного зала и воспитания троих детей время занимается историей Белого движения в своем городе.

Ну и кто из двоих, спрашивается, человек состоявшийся и гармоничный? Тот, кто тяжелым трудом покупает свое право жить так, как хочется именно ему, или скачущий с синекуры на синекуру «элитарий» — то преподаватель, то политик, то писатель, высосавший досуха свою детскую популярность?

Кто из двух — «неумен и вял»? Нет, конечно же, в смысле того, как попасть в нужную приёмную, наш «элитарий» будет каким угодно, но не вялым. Вялыми мы обозначим его мыслительные способности, дарование — тут уже наблюдается откровенный рахит, — и всё это прикрыто в ритуале зашиты откровенным социальным шовинизмом.

Вот, кажется, и слово нашлось. Шовинизм. Это не невнятный «фашизм», это довольно-таки точно. Шовинизм соци-

альный, как у Драгунского, или же национальный, как у Гербер, Альбац, Боссарт и прочих с ними тухлых сливок нашего общества.

Ну а коль скоро место нации, состоящей из «генетических живодёров», с «заложённой в русской природе страстью к воровству», по их определению, должно быть, ясен день, в социальном «низу», то социальный шовинизм плавно переходит в обыкновенный. Они еще не сошлись в том, подлежат ли три четверти населения люстрации. Сойдутся — полагаю, сообщат.

А пока Герберы еще не запретили христианства, я, сообразно учению Христа, верую, что всё, лежащее вне Его, — путь заблуждений. Претензии — не ко мне. Гербер их, впрочем, и предъявляет, как видим выше, но, парадоксальным образом, сама оказывается при этом под той самой статьей 282, которую так жаждет предъявить христианству.

Межнациональная же тема в странах, не являющихся моноэтническими (каких почти и нет) требует такта. Но такт должен быть обоюдным. Ничего необычного и специфического для России мы не наблюдаем. Идеология толерантности, захватив всю Европу, обеспечила всем национальным меньшинствам положение безнаказанного хулигана по отношению к большинству. Мир, быть может, и не всегда идеально справедливый прежде, сегодня сделался попросту ненормальным и, что называется, «не жильцом» в перспективе.

До поры большинство можно прессовать. Но не вечно же. В перспективе — либо возникновение реальных межэтнических конфликтов на месте фантомных, либо приход иной силы, более эффективной, которая сомнёт как калифов на час, так и утратившее крепость самоидентификации большинство.

Здесь хотелось бы расширить тему. Я, как уже понятно, категорически не хочу, чтобы мною написанное свелось к обсуждению «еврейского вопроса». Стараниями упомянутых лиц и легиона с ними, если удастся на него свернуть, начинается элементарное забалтывание сути. Мне не важно, чьими именно усилиями национальное большинство объявляется «генетически» отрицательным.

Кстати, есть и вовсе странные феномены, наподобие обитателя двусмысленного Парнаса проф. А.Зубова, у которых национальности вовсе нет. Никакой. Ибо, во-первых, профессор считает русских склонными к «отвращению к труду, обману, безответственным действиям», во-вторых — себя к ворам, лентяям и безответственным типам отнести не готовы.

Вспоминается хулиганская выставка, собравшая несколько лет тому весь толерантный бомонд. Посетителей встречали плакаты: «Пушкин — негр», «Высоцкий — еврей», «Жуковский — турок», «Даль — датчанин» и т.п. (Дорого б дала поглядеть на реакцию Александра Сергеевича, ну так ведь за покойных говорить удобно). По полу при этом были разбросаны фотографии молодых футбольных болельщиков с Манежной площади — по ним полагалось ходить.

Они последовательны. У «этого народа нет ничего своего хорошего», ибо — «генетика». Опираясь на «генетическое злодейство», можно строить планы, которые звучат вполне во всеуслышанье.

«Я, честно говоря, не вижу особой проблемы, если Россия разделится по Уральскому хребту, — провешала Альбац в своей программе на «Эхо Москвы». — Я думаю, что это неизбежно. [...] С моей точки зрения, при том, как сегодня происходит развитие экономики, и в том числе развитие Дальнего Востока, мне кажется абсолютно неизбежным, что так или иначе Сибирь станет какой-то частью, ну, экономическим каким-то вассалом Китая. Мне кажется, это абсолютно неизбежная вещь».

Еще дальше забегает профессор ВШЭ С.Медведев: «Похорошему, у России как у не справившегося и безответственного хозяина Арктику надо отобрать и передать под международную юрисдикцию».

ВШЭ, оно, конечно, ВШЭ. Гайдар шагает впереди. Но откровенность производит сильное впечатление. Антирусская позиция плавно переходит в антироссийскую, и «прогрессивные интеллигенты» встраиваются в любое начинание, сулящее народу и стране хоть малейший ущерб. Не подарить ли Эстонии земель по Изборск сообразно любимому этой страной давнему договору с большевиками? Разумеется! Поддерживать ИГИЛ, нежно названный Альбац «исламским социализмом»? С удовольствием! Заплевать референдум Крыма с нетрезвой руки «подаренного» в свое время Украине? Уж конечно! Поддержать АТО? Еще бы! Профессор Зубов потихоньку, похоже, дошел в своих изысканиях до отрицания Волынской резни: «Бандеровцы — это пример большой лжи советской системы... Им приписывалось всё — уничтожение евреев, сотрудничество с Гитлером. Хотя с точки зрения науки истории — это было национальное освободительное движение, антикоммунистическое». Кто, собственно, «с точки зрения науки истории» массово замечен в Бабьем Яре и особенно на Волыни, профессор не поясняет.

Сейчас эвтаназия понемногу внедряется отнюдь не в третьем рейхе, но в западноевропейских странах, на которые наши прогрессисты привыкли равняться. Они производят впечатление безумных. Превосходно устроенные при совдепе, они поливают грязью даже те события и явления, сказать о которых плохо не позволил бы себе ни один из сидевших диссидентов.

Можно долго изучать их неизъяснимые высказывания, не умея понять: отчего всё это процветает в стране махровым цветом, меж тем как конструктивная оппозиция планомерно подавляется не то что на взлете, но на взлетной полосе?

В лояльных кругах бытует мнение, на мой взгляд, не выдерживающее никакой критики. Что де стаю оголтелых чудищ допускают к медиа нарочно, дабы народ видел, что в случае чего ельцинские годы покажутся лёгкой репетицией. Лояльным кругам, конечно, надлежит как-то оправдывать это баснословное засилье.

Мы же скорее предположим, что все «страдальцы от кровавого режима» одновременно являются и его не последней частью. Вероятно, корешки этого явления восходят еще к советским временам.

Коммунистическая же идеология, которой на словах так противостоят наши домодельные «генетики», может быть избыта лишь тогда, когда прекратится война властей с народом, над «теоретическим» обоснованием которой деятельно трудится квазилиберальная квазиоппозиция.

Символы человеконенавистничества, как мы видим, меняются слишком уж легко. И его услуга готова день и ночь трудиться под любыми символами.

КТО ВИНОВАТ?

В башкирском городе Стерлитамак 18 апреля девятиклассник напал с ножом на сверстников и учительницу информатики, а затем поджёг класс и попытался убить себя. Учительница ценой собственного здоровья защитила детей и в итоге попала в реанимацию; там же оказались ещё двое школьников и сам нападавший.

История в Стерлитамаке стала шестой в ряду российских школьных вооружённых нападений после Одинцово, Ивантеевки, Перми, Улан-Удэ и Шадринска.

СМИ уже окрестили эти трагедии «российским колумбайном» по аналогии с произошедшей в одноименной американской школе трагедией двадцатилетней давности, когда двумя школьниками было ранено 37 человек, из которых погибли 13.

При обсуждении трагедии в Стерлитамаке в СМИ уже прозвучали призывы ввести в стране должность школьного уполномоченного по правам ребёнка для того, чтобы он следил за учениками в социальных сетях и вовремя принимал меры.

Попытки объяснить её причину пошли изначально по самому лёгкому пути: мол, всё произошло оттого, что нападавший учился в

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

коррекционном классе и имел проблемы с умственным развитием, но это не отражает всей картины.

Причина отставания развития у школьника заключалась в выраженном нарушении слуха, когда человек не слышит всего происходящего вокруг него и, по определению, не может составить о нём полного представления. Не будучи виновным в своём недуге, он терпел насмешки и издевательства сверстников, что, закономерно, могло вызывать у него агрессию. Но это — всего лишь контекст, а причину превращения человеческого страдания в жажду убийства ещё предстоит понять.

СМИ, которые окрестили школьные убийства «русским колумбайном», придали зверскому преступлению романтический флёр и создали новый социальный субъект — «колумбайнеров». Для слабого в том или ином отношении подростка стать одним из них — убийственной (в прямом смысле) слава и долгожданное решение затянувшегося конфликта с окружающими.

В мире произошло уже 15 случаев подражания жестокости «колумбайна» — в основном в США, один в Южной Корее и шесть из них — в России.

По информации СМИ, сенатор Елена Мизулина заявила Генеральному прокурору Юрию Чайке 18 апреля после происшествия в Стерлитамаке, что ещё 10 апреля направила ему справку о том, что к «годовщине Колумбайна» в России может произойти ряд аналогичных преступлений в российских школах.

Но в чём тогда выражаются полномочия членов Совета Федерации, если они не позволяют своевременно дать нужный ход столь серьёзному документу, ограничиваясь лишь докладом о нём генпрокурору уже после свершившегося преступления? И почему нельзя было сообщить о такой страшной перспективе более оперативно и непублично, вне внимания СМИ?

Теперь, благодаря громкому заявлению, журналисты широко распространили эту информацию, и всем, кто даже никогда об этом не слышал, сразу стало ясно, что в мире есть некий страшный «колумбайн», годовщина которого уже приближается, и есть конкретная дата. Сказано также, что в России у этого преступления есть последователи, которые намерены кровью школьников отметить этот день.

В итоге получилась короткая и эффективная ударная информационная кампания, в результате которой произошла актуализация в массовом сознании темы «колумбайна» и его своеобразная легализация.

При ближайшем рассмотрении, у этой кампании есть даже свой конкретный изначальный старт: в феврале 2016 года

крупные группы в социальных сетях начали активно продвигать мемы (символы, картинки) с американскими школьниками-убийцами Клиболдом и Харрисом, что вызвало всплеск интереса к теме. А уже в сентябре 2017 г. в России произошло первое убийство в подмосковной школе в Одинцово.

По оценкам журналистов, в социальных сетях сейчас не меньше 30 тысяч «колумбайнеров», около 10 групп ВК с численностью 3-4 тысячи человек в каждой, а также инстаграм, форумы и пр.

На основании этого нужно вести речь о созданной в социальных сетях на почве событий двадцатилетней давности новой молодёжной субкультуре, которая в дальнейшем будет всё более активно возвращаться и искусно направляться.

Чтобы противостоять этому, нужно понимать суть происходящих процессов и грамотно искоренять их причины. Похоже, что это сейчас обществу как раз пока не по силам: звучащие призывы ввести школьных уполномоченных по детям и усилить контроль над социальными сетями — это лишь борьба с последствиями и свидетельство некомпетентности; на этом этапе нужно работать с глубинными причинами.

Если у молодёжи нет собственных правильных идеалов, её легко обмануть ложными образцами. Если у школьников нет точек приложения возрастной активности, и отсутствует возможность для реализации стремления к справедливости — они найдут в «бездонном интернете» эрзац-замену. Если подростку некому рассказать о своих тревогах, неуют и одиночестве — его совсем просто подтолкнуть к ложной лёгкости преступного шага, когда одним ударом можно «решить всё».

Как мы можем этому противостоять?

В настоящее время у нас в семье, школе и государстве уничтожена иерархия отношений: младшие больше не уважают старших, школьники ни во что не ставят педагогов, граждане не ценят государство.

Полномасштабное патриотическое воспитание детей по факту отсутствует, воспитание детей в школе отменено, педагоги унижены, бесплатные кружки и секции уничтожены.

Институт семьи в России основательно разрушен ювенальными технологиями, авторитет полноценной семьи в обществе нивелирован, родители бесправны, отобрание детей как наказание за нелояльность конкретному чиновнику или работнику или просто для отчётности стало общей практикой.

Это — фатальные изменения общества, которые в конце концов угрожают нашей национальной идентичности.

Психологи, занимающиеся семейным консультированием, знают, что проблемы ребёнка, с которыми семья обрати-

лась к специалисту, — это всегда лишь симптом неблагополучия самой семьи.

И как бы специалист ни старался «переделать» ребёнка, ничего у него не выйдет, пока сама семья не захочет избавиться от своих ошибок, не вернётся к правильному пониманию своей жизни, не осознает ценности своих близких и счастья каждого дня пребывания с ними. И никакой «школьный уполномоченный» не сможет заменить близкого человека и не подарит любовь и ласку.

Ни в одном государстве никогда не возникнет ужасных «колумбайнов», если оно сделает защиту семьи, а не отдельных её членов, главным направлением своей политики, если оно наконец-то озаботится нравственностью своих детей, а также организует им нормальную учёбу, обеспечит полезную и доступную занятость вне учёбы и сделает всё, чтобы их семьям не пришлось в изматывающей борьбе за кусок хлеба вынужденно оставлять детей одних в тот самый момент, когда им особенно одиноко и бесприютно.

Государство должно, наконец, вспомнить о нравственности как о единственном защитном механизме нации — чем быстрее мы вернём её в наше правовое и общественное пространство, тем больше у нас будет шансов уцелеть.

Екатерина КУЛЕБЯКИНА

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ШКОЛЫ

В недалеком будущем традиционные школьные учебники собираются заменить цифровыми и, что гораздо страшнее, заменить традиционный межличностный обучающий процесс новой обучающей программой, которая якобы будет анализировать индивидуальные возможности ребенка и составлять план его индивидуального развития. Замечательная «замануха» для родителей, мечтающих об индивидуальном подходе к каждому учащемуся. В материале, размещенном 20 июня на

сайте РБК, «Цифровизация за 500 млрд: как школьников отучат от бумажных учебников» подробно описываются виртуальные выгоды, обещают облегчение работы учителей.

Цифровизация в школе преподносится как великое благо, признак высокого уровня цивилизации, избранности. На форумах, посвященных новым технологиям, идут еще дальше, предлагая заменить учителя роботом-андроидом. Если ознакомиться с рекомендациями к роботам-андроидам, то «минус» только один — высокая стоимость, а «плюсов» не счесть: это и обучение детей, которые не могут посещать школу по состоянию здоровья, и помощь детям-аутистам, и освобождение педагогов от школьной рутины и пр. В качестве примеров, должных вызвать восторг и полное доверие, приводят Южную Корею и США.

Многие с настороженностью воспринимают подобный «прогресс», и не зря. Конечно, не страшно, если бумажный учебник будет записан на флешку, но электронное устройство, открывающее его, будет подключено к ГИС (Государственной информационной системе), а значит, иметь выход в интернет. Справятся ли школьники с соблазном воспользоваться интернетом вместо урока? Даже умственно отстающие дети быстро учатся пользоваться интернетом, что уж говорить об интеллектуально здоровых детях, которые с легкостью взламывают пароли и обходят родительские интернет-запреты. Но вспомните, какая беда всё больше поражает наших неглупых интернет-продвинутых детей? Интернет-зависимость. Всё чаще приходится сталкиваться с жалобами родителей, что ребенок не хочет общаться со сверстниками, а потом и с родными, всё свободное время (а также и время, которое должно быть потрачено на учебу) проводит в соц. сетях, отстраняется от жизни своей семьи, становится всё более безразличным, эмоционально холодным, нарушается взаимопонимание.

Этих детей выхолащивает интернет: ведь общаясь с человеком напрямую, возникает необходимость в сопереживании, в умении разделить радость или печаль собеседника, а это, безусловно, требует какой-то жертвы, каких-то затрат. А в соц. сетях всё просто: выбрал нужный смайлик — и нет проблем. Ты как бы откликнулся на чужую беду, не переставая вести счет своих виртуальных побед.

Еще одна проблема, грозящая превратиться в беду: задержка речевого развития у детей. Двадцать лет назад двухлетний ребенок, читающий стихи Барто, ни у кого не вызывал особого умиления — таких было немало. Сейчас таких — единицы. В поликлинике проводятся мед. осмотры психиатра у

детей в 2 года. Из 10—15 детей, приходящих на прием, только 1–2 ребенка могут назвать знакомое животное, многие двухлетние дети используют в своей речи всего 5–10 слов (мама, папа, баба, дай, пить, ам-ам — норма годовалых детей для поколения нынешних родителей), хотя неплохо понимают обращенную речь. Возникает вопрос: почему? Ответ очевиден на улицах города: большинство мам одной рукой везут коляску, а в другой держат телефон-смартфон: чадо глазееет по сторонам, и мама интересно проводит время, а если надо ответить на лепет малыша — отвечает, не отрывая глаз от экрана. И вот тут-то кроется корень проблемы: чтобы развивалась речь у ребенка, ему недостаточно слышать ее, он должен видеть мимику и артикуляцию матери, чтобы за счет работы «зеркальных» нейронов активизировалась его собственная артикуляция. Никакие аудио-игрушки, «игрушки-повторюшки», никакие интернет-программы не научат ребенка говорить, если он не видит лицо разговаривающего человека.

Возможности «зеркальных» нейронов еще не полностью изучены, вокруг них много мифов, но безусловно одно: именно «зеркальные» нейроны передают навыки речи, навыки мыслительных операций от взрослого человека ребенку. Именно так: «зеркальные» нейроны взрослого передают информацию «зеркальным» нейронам ребенка, которые, в свою очередь, запускают работу нужных зон коры мозга. Если информация будет подаваться ребенку с другого источника, «зеркальные» нейроны не включатся. То же самое происходит во время учебного процесса: если при подаче учебного материала не участвовали «зеркальные» нейроны педагога, то не включатся мозги учеников. Попробуйте-ка заменить объяснения учителя по новому материалу аудиозаписью, а потом дайте ученикам проверочную работу. Результат вас сильно огорчит.

Еще один бич нашей цивилизации — аутизм. Двадцать лет назад аутизм встречался у одного ребенка из пяти тысяч, сейчас — у одного из пятидесяти. Раньше основным контингентом детского психиатра были умственно отсталые дети, но сейчас аутисты уверенно обгоняют их. По состоянию на 2012 год в США каждый пятидесятый житель был диагностирован как аутист. На территории Южной Кореи такой диагноз был поставлен каждому 38-му жителю. По данным ВОЗ во всём мире в 2012 году аутизмом страдал 1 из 88. Откуда такое существенное расхождение с данными по всему миру у столь продвинутых стран? Вернитесь к началу статьи: именно эти страны являются передовыми в цифровых технологиях.

Та самая «цифровизация», в которую обещают загнать всех нас, там уже состоялась, и результат заставляет застывать.

Что значит ребенок-аутист? Это инвалид, для социальной реабилитации которого необходимы грамотные специалисты и большие материальные затраты. Те из них, кто сможет реализовать свой интеллектуальный потенциал, будут испытывать трудности в создании семьи, фактически будут исключены из процесса воспроизведения населения (т.е. не оставят потомства). По прогнозам ВОЗ к 2025 году аутистом может быть один из тридцати новорожденных. Господа, вдумайтесь! Из чьих зарплат станут начислять пенсии через 20—30 лет, если мы доживем до 63—65 лет?

Замещение цифровыми технологиями естественной передачи знаний от старшего поколения младшему неизбежно приведет к утрате навыков самостоятельного мышления. В результате подрастающее поколение станет всего лишь частью матрицы, управляемой силой, которая контролирует цифровые и информационные потоки уже сейчас. А это угрожает не только суверенитету страны, но и каждому человеку в отдельности.

БЕЗОТВЕТНЫЕ ВОПРОСЫ

Власть в Российской Федерации всё более и более действует по законам шоу-бизнеса. Пресс-конференции и «Прямые линии» с Владимиром Путиным становятся всё длиннее, превращаясь в подобие реалити-шоу с продолжением уже в реальной жизни в виде поручений президента. Чиновники Администрации и президентской пресс-службы лезут из кожи вон, чтобы не допустить несогласованных вопросов, переключив внимание аудитории на частные случаи и фигуры речи. Поэтому гораздо интереснее изучить те вопросы, которые не показывают Путину, но которые все равно попадают «куда надо» (особенно если их много), поскольку дают важный срез общественного мнения. РИА «Катюша» провела свой опрос читателей, чтобы выявить предпочтения нашей — патриотической в основе своей — аудитории.

Приведем некоторые наиболее типичные вопросы, набравшие максимальное число «лайков» в интернете, но которые не были озвучены во время «Прямой линии» президента:

«Что делать родителям, которые не хотят создания электронного досье на своего ребёнка, поскольку это нарушает тайну личной жизни, а также выступают против насильствен-

ной цифровизации школы (электронные дневники, индивидуальные образовательные траектории, замена учителя на тьютора и т.п.)?»

«Когда Россия признает ЛНР и ДНР и признает ли вообще? Скажите людям правду. Они уже пятый год живут в подвешенном состоянии. Почему такая несправедливость: кому-то — мосты и тому подобное, а кому-то — нищета и разруха?»

«Когда наше правительство повернется лицом к народу? Когда задумаются, что с вырождением деревни погибнет и русский народ? Когда реально будет волновать будущее страны (образование всё дальше и дальше уводит детей от духовного, нравственного и культурного развития)?»

«Есть ли надежда на отмену ЕГЭ и возврат к проведению традиционных экзаменов в школах?»

«Когда будет введена уголовная ответственность за неправомерное изъятие (похищение) детей из семьи органами опеки, а также пособничество таким изъятиям?»

«Почему у нас в экономическом блоке сидят бухгалтеры? Они за 6 лет не добились никакого роста экономики. Они только закручивают гайки и увеличивают сборы с народа! Борются с инфляцией — душат экономику, а толку-то? Кредитные ставки бесчеловечные! И какова реальная стоимость строительства квадратного метра жилья?»

«Будет ли национализация Центрального банка Российской Федерации? Будет ли проводиться реформа Конституции Российской Федерации? А именно статьи 13 пункт 2 — идеология, и статья 15 пункт 4 — верховенство международного права над внутренним госправом».

«Почему народ России расплачивается за господдержку российских олигархов, которые десятилетиями выводили наши средства за рубеж через офшоры и заигрывали с иностранными государствами? Почему не провести эксперимент, назначив на экономико-финансовый пост патриота? Например, Глазьева. Почему экономикой в стране рулят только прозападные либералы?»

«С какого перепуга у нас все торговые сети — типа Пятёрочка, Перекресток, Карусель, Дикси, Лента, Билла, Семья, О'кей, Спай, Тройка, Магнолия, Ашан и другие продуктовые магазины — в руках голландцев и прочих иностранцев?»

«Когда введут принудительное лечение психов, наркоманов и алкоголиков? Когда введут уголовное наказание за педерастию?»

«Голосуя за Вас, народ избирал не эффективного менеджера, а человека, который будет защищать нашу страну, наш народ и наши святыни от агрессии «мирового правительства» — син-

диката транснациональных корпораций, посягающего на сами основы христианской цивилизации. Ваше решение сохранить у власти бригаду «чикагских мальчиков», слепо верующих в мантры МВФ и Всемирного банка, ведущих нас в цифровое, ювенально-содомитское «завтра», в котором уже не будет места ни свободной творческой личности, ни нормальной семье, ни вере, ни Родине, ни культуре — вообще ничему из того, ради чего живет русский человек, — вызвало огромное разочарование в народе. Очевидная неспособность этой команды выполнять социальные обязанности государства (о мобилизации всех сфер жизни и рывках в новый технологический уклад с таким правительством даже говорить смешно), его откровенное бессилие в отношении владельцев сырьевых (в частности, нефтяных) компаний и банков, проявляемое в виде неконтролируемого роста цен на бензин и повышения тарифов за ЖКУ, создают нездоровый фон, на котором может развиваться опасная для государства революционная ситуация. Тем более что желающих «чиркнуть спичкой», как Вам, разумеется, известно, более чем достаточно. Понимаете ли Вы всё это? Или Вы надеетесь договориться с «четвертым рейхом»? Неужели опыт Каддафи, Хуссейна и Милошевича ничему не научил?»

РИА Катюша

Нина БОЙКО

ТОСКА НЕБЫВАЛОЙ ВЕСНЫ

(М.Ю. ЛЕРМОНТОВ)

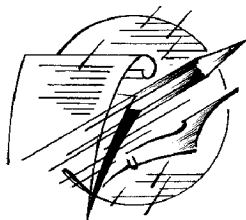
В томленьи твоём иступленном
Тоска небывалой весны.

А. Блок

I

Главным лицом в жизни Михаила Юрьевича Лермонтова была его бабушка Елизавета Алексеевна, происходившая из знатного рода Столыпиных, который прославился верными сынами отечества и выдающимися государственными деятелями. Видное положение в обществе и громадное состояние сделали характеры Столыпиных твердыми, властолюбивыми и высокомерными. Но все они почитали искусство. Отец Елизаветы Алексеевны содержал домашний театр, на сцене которого играли крепостные и его собственные дочери. «...В Симбирской вотчине проживая, — писал А.М. Тургенев о дочерях Алексея Емельяновича Столыпина, — девицы-боярышни изволили сами занимать высокие амплуа в трагических пьесах».

Вскоре Столыпин завел крепостную труппу из семидесяти актеров и музыкантов. «Каждую неделю доморошенная и организованная труппа ломала трагедию, оперу, комедь и, сказать правду,

Публикуется в сокращении

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

комедь ломала превосходно» (А. М. Тургенев). Зрителями и слушателями были помещики Симбирской, Саратовской, Пензенской и Московской губерний, приезжавшие в гости. После того как Столыпин перебрался в Москву, на его сцене выросли многие крупные дарования, но в 1806 году, в связи с переездом в Пензу, он продал театр императору Александру I за 32 тысячи рублей. Этим доморожденным актерам, танцорам и музыкантам суждено было стать первотворцами отечественного государственного театра.

Фанатичным меломаном был и младший сын Столыпина, Афанасий, похитивший даже двух девушек у соседа за их красивые голоса.

Алексей Емельянович — пензенский помещик, губернский предводитель дворянства имел 11 детей; старшей была Елизавета. Стройная, разумная, с приятными чертами лица, с крепкой деловой хваткой, унаследованной от родителя, она считала себя некрасивой и признавалась потом: «Я была не молода, не красива, когда вышла замуж, а муж меня любил и баловал... Я до конца была счастлива». Так это или нет, потому что имеются прямо противоположные сведения, но вместе они прожили 16 лет, и никогда Елизавета Алексеевна не отзывалась о муже плохо. Настояла, чтобы и внуку дали его имя — Михаил.

Замуж она вышла за елецкого помещика Михаила Васильевича Арсеньева и после свадьбы чета перебралась в село Тарханы, купленное на деньги (58 000 руб.) от приданого невесты и записанное на Елизавету Алексеевну. Вот как писал о Тарханах чембарский краевед П. К. Шугаев: «Село лежит на востоке от Чембара в четырнадцати верстах. Расположено оно по обеим сторонам небольшой долины у истока небольшой речки, основано в начале XVIII столетия господином Нарышкиным и его крепостными крестьянами, выведенными им из московских и владимирских вотчин как бы в ссылку, отборными ворами, отчаянными головорезами, а также и закоснелыми до фанатизма раскольниками. Село было продано Арсеньевой за неплатеж оброка и вообще бездоходность его, а также и потому, что вся барская усадьба, в которой владелец сам никогда не бывал, сгорела вследствие того, что повар с лакеем нарышкинского управляющего вздумали палить живого голубя, который у них вырвался и полетел в свое гнездо, находившееся в соломенной крыше. Гнездо загорелось. Сгорело и все село, до основания, кроме маленькой деревянной церкви. Этот управляющий Злынин был также в Тарханах во время нашествия одного из отрядов Емельяна Пугачева, командир которого опрашивал крестьян, нет ли

каких у кого жалоб на управляющего, но предусмотрительный Злынин еще до прибытия отряда Пугачева сумел улагодворить всех недовольных, предварительно раздавши весь почти барский хлеб, почему и не был повешен».

Место было благодатное, с дубовой рощей, липовой аллеей, прудами и речкой. На площади в 4080 десятин проживало около 500 крепостных крестьян мужского пола с детьми и женами, которых Елизавета Алексеевна сразу перевела с оброка на барщину, что позволяло увеличить доход. Был построен новый барский дом, выданы стройматериалы на восстановление крестьянских изб. Через несколько лет, заболев, Арсеньева написала духовное завешание: «Чувствуя слабость своего здоровья, Тарханы, приобретенные во время супружества с Михайлом Васильичем и с помощью его, с признательностью за горячую любовь его и беспримерное супружеское уважение завещаю в случае своей смерти в равных долях мужу и дочери».

Михаил Васильевич Арсеньев происходил из старинной дворянской семьи. Детство провел в селе Васильевском Елецкого уезда Орловской губернии, затем учился в Богородицком пансионе знаменитого агронома и садовода А. Т. Болотова, служил в лейб-гвардии Преображенском полку, и вышел в отставку в чине поручика. У отца его были обширные владения в Орловской губернии, сына ожидало порядочное наследство, но сам он его не получил или не спешил получить, позже оно досталось его жене и дочери.

В Тарханах Михаил Васильевич занимался строительством и благоустройством усадьбы. Был избран уездным предводителем дворянства и, по словам современников, проявил жар человеколюбия и твердую решительность благородного сердца. Был страстным театралом, создал в Тарханах театр, где играли «господа, а некоторые роли исполнялись актерами из крепостных». 2 января 1810 года Михаил Васильевич скоропостижно скончался. Уход супруга из жизни Елизавета Алексеевна восприняла тяжело и, облаченная в черные одежды, походила на старуху. Через год поехала в Васильевское к его родственникам: перевести наследство мужа на себя и дочь.

Васильевское находилось в тридцати верстах от имения Кропотово, хозяином которого был Юрий Петрович Лермонтов. Арсеньевы и Лермонтовы дружили между собой, и в этот приезд дочь Елизаветы Петровны познакомилась с Юрием Лермонтовым. Маше было 16 лет, ему 24 года. Как описывают его современники, красивый, начитанный, остроумный и вспыльчивый. Маша влюбилась в него. Очевидно, и он в нее тоже.

Арсеньева забеспокоилась: Лермонтов беден, Кропотово приносило ему очень скромный доход, к тому же он опекал трех незамужних сестер и заботился о матери: отец его умер; четвертая сестра была замужем, проживала в Москве.

Но Лермонтов жил не хуже других, только не было лишних денег. Капитан пехотного полка, он был сейчас в отставке. В юности Юрий Петрович окончил кадетский корпус в Санкт-Петербурге, участвовал в войне со Швецией и Францией, но после смерти отца вернулся домой — в тот самый год, когда Елизавета Алексеевна со своей хрупкой дочерью Машей приехала к родственникам в Васильевское. Для поправки финансов Лермонтов мог бы заняться винокуренным делом, как отец Арсеньевой, но для постройки заводов и закупки хлеба не имел оборотных средств. Малоходное Кропотово не позволяло накопить средства ни отцу, ни матери, ни самому Юрию Петровичу, а драть три шкуры с крестьян они не хотели. Крестьяне говорили о Лермонтове: «добрый, даже очень добрый барин». Он был образован, блистал столичными манерами, в доме имелась большая библиотека, но военная жизнь тоже сказалась: характер его был неровный.

Маша писала в своем альбоме, обдумывая письма Юрия Петровича из Кропотова, куда он время от времени отлучался: «Вы пишете потому, что хотите писать. Для вас это забава, развлечение. Но я, искренно любящая вас, пишу только для того, чтобы сказать вам о своей любви. Я люблю вас. Эти слова стоят поэмы, когда сердце диктует их». Как ни противилась мать, дочь настояла на помолвке с Лермонтовым. Елизавета Алексеевна была уверена, что Лермонтов женится не на Маше, а на деньгах. Но Арсеньевой было 38 лет, ждать ее скорой кончины, чтобы Маша вступила в наследство, Лермонтову не приходилось. Об этом он сам, годы спустя, написал в завещании сыну: «Скажи бабушке, что несправедливости ее ко мне я всегда чувствовал очень сильно и сожалел о ее заблуждении, ибо явно она полагала видеть во мне своего врага, тогда как я был готов любить ее всем сердцем, как мать обожаемой мною женщины».

К свадьбам в те годы готовились тщательно, и пока Арсеньева подготавливалась, в Россию вторглась армия Наполеона. Юрий Петрович был призван в дворянское ополчение, Маша осталась одна, грустно вписывая в альбом:

*О злодей, злодей — чужая сторона,
Разлучила с другом милым ты меня,
Разлучила с сердцем радость и покой,
Помрачила ясный взор моих очей...*

В боях Юрию Петровичу не пришлось участвовать: он заболел и был возвращен в Кропотово. Ужас в стране перед огромной и превосходно подготовленной наполеоновской армией, отступление русских войск, пожар Москвы, беженцы по дорогам России (вероятно, и сестра Юрия Петровича бежала из Москвы в Кропотово) — никак не способствовали свадебным пиршествам. Два брата Елизаветы Алексеевны были в армии, множество крестьян из имений Столыпинных, Лермонтова, Арсеньевых принимали участие в Бородинском сражении, а позже в сражениях под Магдебургом, Лейпцигом и Дрезденом. Лишь в начале 1814 года Юрий Петрович с Марией Михайловной смогли обвенчаться и справить свадьбу.

Расстаться с единственной дочерью — отрадой своей — Елизавета Алексеевна не имела сил, настояла, чтобы молодые супруги жили в Тарханах. Семейой они съездили в Петербург и в Москву, где проживала многочисленная родня Арсеньевой, и она их знакомила с зятем. В Петербурге заказала портрет своей дочери. Мария Михайловна была беременна, пополнела, и на портрете, созданном известным художником Иваном Макаровым, выглядит старше своих девятнадцати лет. К портрету изготовили особую раму с фамильным гербом Лермонтовых.

Когда возвратились в Тарханы, Елизавета Алексеевна передала управление имением зятю.

Юрий Петрович не догадывался, что радушное предложение управлять Тарханами — не что иное, как нежелание тещи выделить дочери приданое. Скупость в этом вопросе дошла у нее до того, что, имея в Тарханах налаженный быт, свою церковь, кабак, кирпичный завод, Арсеньева все-таки поделила наследство, полученное от мужа, неравномерно между собой и Машей: взяла себе большую долю.

II

Осенью 1814 года Марии Михайловне предстояло рожать. Выехали в Москву, где можно найти хорошего доктора. Езда в карете по осенним дорогам усугубила некрепкое здоровье молодой женщины, и все-таки в ночь на 3 (15) октября она родила сына. Через неделю новорожденного крестили, и по заведенному родовому обычаю Юрий Петрович хотел назвать сына Петром, однако теща настояла на имени Михаил — в честь мужа, которого страстно любила. Лермонтов, из сочувствия к Маше, не стал перечить.

В Москве пришлось задержаться, ребенок был слабым, за него опасались. Арсеньева наняла доктора, и тот постоянно следил за здоровьем младенца и матери.

Москва в ту пору выглядела неприглядно: взорванные по приказу Наполеона стены Кремля, много сгоревших домов, а строительство новых шло не так быстро. Летом семья вернулась в Тарханы вместе с врачом и кормилицей.

У младенца началась золотуха. Коросты на голове, сильный зуд, мальчик кричал день и ночь. Можно привыкнуть к боли, но к зуду нельзя. (Случалось, что золотушные дети не выдерживали, умирали). Елизавета Алексеевна, которую все называли «бабушкой», да она и сама этого хотела, потеряла покой и сон. Мария Михайловна тоже. Ребенка купали в настое череды, мазали всевозможными мазями, но это спасало только на время.

Юрий Петрович стал уезжать из дома. Нескончаемые крики сына, вечная слабость жены, недовольство тещи, что он, мол, неумело ведет хозяйство (хоть крестьяне любили его и слушались), материальная зависимость... Молодой мужчина начал искать забвения на стороне. Уезжал то в Кропотово, то в Москву, где с друзьями беспечно проводил время. В его отсутствие Мария Михайловна плакала и писала в альбоме:

*Кто сердцу может быть милее,
Бесценный друг, тебя?
Без воздуха могу скорее
Прожить, чем без тебя!*

Вскоре Юрий Петрович и дома нашел отдушину — смазливую гувернантку. Тайна раскрылась, между супругами произошла крупная ссора. Кто-то пустил злонамеренный слух, что якобы Юрий Петрович ударил жену по лицу. Слух просочился к тарханским крестьянам, а от крестьян — к клермонтоведам. Но почему-то никто не подумал, что Лермонтов был офицер, дворянин, что для него невозможна подобная выходка. Не только с женой, с полковой куртизанкой так офицер не поступит.

Жизнь в Тарханах стала для Юрия Петровича адом. Он снова уехал. Мария Михайловна, взяв на колени маленького сына, садилась за рояль, играла и пела грустные романсы. «Была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать», — вспоминал М.Ю. Лермонтов.

Домашние передраги развили в ее организме чахотку; она угасала на глазах, и все-таки доброе сердце рвалось помогать несчастным. С мальчиком-слугой Мария Михайловна обходила двory заболевших крестьян, раздавала лекарства.

23 января 1817 года пензенский губернатор М.М. Сперанский писал в Петербург Аркадию Столыпину: «Племянница ваша Лермонтова весьма опасно больна сухоткою или чахоткою. Афанасий и Наталья Алексеевна отправились к сестрице вашей в деревню, чтобы Марию Михайловну перевести сюда, в Пензу. Мало надежды, а муж в отсутствии...»

Благие намерения родственников не осуществились: Елизавета Алексеевна отказалась везти дочь, видя, что это уже бесполезно. 20 февраля 1817 года Сперанский уже свидетельствовал: «...Дочь Елизаветы Алексеевны без надежды, но еще дышит...» Мария Михайловна скончалась 24 февраля.

Сразу по получении известия о ее смерти в Тарханы отправились братья и сестры Елизаветы Алексеевны — принять участие в похоронах и утешить ее. Кто-то из них привез с собой дворового — Андрея Соколова — для маленького Миши, чтобы Андрей находился всегда при нем. Соколову было 22 года.

Марию Михайловну похоронили в семейном склепе рядом с отцом. Установили памятник из серого гранита, увенчанный бронзовым крестом со сломанным якорем — символом разбитых надежд и сделали надпись: «Под камнем сим лежит тело Марии Михайловны Лермонтовой, урожденной Арсеньевой, скончавшейся 1817 года февраля 24 дня, в субботу, житие ее было 21 год и 11 месяцев и 7 дней».

Мише было 2 года и 4 месяца, когда умерла мать. Единственное, что осталось в его младенческой памяти, — это ее голос и смутный печальный образ. Через три дня Елизавета Алексеевна вместе с братом Афанасием и деверем Григорием Арсеньевым уже была в Чембарском уездном суде, где оформила обязательство уплатить Юрию Петровичу Лермонтову в течение одного года 25 тысяч рублей. Это было приданое Марии Михайловны, которое Юрий Петрович в свое время не получил, вместо него теща дала ему «Заемное письмо», по которому, якобы в долг у него, взяла эти деньги сроком на год, обязуясь выплатить с процентами. Ю.П. Лермонтов не воспользовался «Заемным письмом», не обратился в суд, когда теща не выплатила «одолженные» деньги. Теперь он собрался покинуть Тарханы, и Елизавета Алексеевна заменила старое «Заемное письмо» новым, которое слово в слово повторяло старое, но ровно на год был отодвинут срок.

5 июня 1817 года Сперанский писал в Петербург ее брату: «Елизавету Алексеевну ожидает крест нового рода: Лермонтов требует к себе сына. Едва согласился оставить еще на два года». Противясь зятю, Елизавета Алексеевна составила завещание, которое засвидетельствовала в Пензенской гражданской палате 13 июня 1817 года:

«...После дочери моей, Марьи Михайловны, которая была в замужестве за корпуса капитаном Юрием Петровичем Лермантовым, остался в малолетстве законный ее сын, а мой родной внук Михайло Юрьевич Лермантов, к которому по свойственным чувствам имею неограниченную любовь и привязанность, как единственному предмету усаждения остатка дней моих и совершенного успокоения горестного моего положения». И дальше писала, чтобы до совершеннолетия внука он оставался с ней, иначе она лишит его наследства.

Под завещанием были подписи большого числа свидетелей, в том числе губернатора Пензы М. М. Сперанского.

Юрий Петрович уехал в Кропотово, и теща везде обвиняла его в смерти Марии Михайловны, говорила даже, что именно он заразил ее чахоткой. Добавляла, что «Марья Михайловна выскочила за него замуж по горячке» — то есть не разобравшись, кто он такой. Эпитет «худой человек» приклеился к Лермантову навсегда. Нашлись злые языки, утверждавшие, что он получил 25 тысяч от тещи за отказ от сына. На самом же деле это было приданое Марии Михайловны — деньги, полученные ею по завещанию ее отца. Лермантов смог востребовать их только в 1819 году. Почему он, гордый человек, вообще не отказался — думается, не захотел уступать.

«Пьяница, картежник, распутник» — значилось за ним с подачи Арсеньевой даже годы спустя после его смерти.

III

Управление имением Елизавета Алексеевна взяла в свои крепкие руки. Ниже двадцати тысяч дохода не было. Участие Арсеньевой в делах винокуренного завода, которым владел ее отец, а потом брат, давало ей возможность даже в неурожайные годы поддерживать финансовую стабильность. Помимо того, она продавала крепостных под видом отпуска их на волю, в основном женщин. Купцы платили за женщину до пятисот рублей. Скрывая от государства свой годовой доход, Арсеньева объявляла его только в 500 рублей ассигнациями.

Крепостных Елизавета Алексеевна держала в строгости, в ревизских книгах сохранились сведения о семьях, которые она отправляла на поселение, продавала на сторону или виновных мужчин сдавала в солдаты. Но здесь стоит вспомнить и то, что ее крепостные, принадлежавшие прежде Нарышкину, являлись «отборными ворами, отчаянными головорезами и закостенелыми раскольниками». Вероятно, жестокость ее была в чем-то оправданна. Наказывала она и роз-

гами, и плетью, брила у виновного мужика половину головы, а женщине отрезала косу.

Елизавета Алексеевна являла собой типичную помещицу старого закала: важная, умная, прямой решительный характер и привычка повелевать. Через три месяца после смерти дочери она поехала в Киев к святым угодникам, где надеялась смягчить свое горе молитвами в Киево-Печерской лавре. Оставить внука на няню не решилась, и целым обозом двинулись в путь. В Киеве были недолго, в начале июня вернулись в Тарханы. А в это время Столыпины дружной семьей двинулись на Кавказ, где проживала одна из сестер Елизаветы Алексеевны. По дороге скончался Алексей Емельянович. Новое горе — потеря отца обрушилось на Елизавету Алексеевну!

Остаться в Тарханах ей стало невмоготу. Приказала управляющему продать на вывоз дом, в котором умерли муж и Машенька, поставить на его месте церковь, а новый дом строить поблизости. Уехала в Пензу, останувившись у сестры Натальи. Затем подыскала себе квартиру.

О Пензе того времени Сперанский писал: «Прелестная Пенза держит меня в очаровании. В Петербурге служат, а здесь — живут». Общество в Пензе было разнообразным: наряду с пустотой и праздностью жили и работали люди высокообразованные. Незаурядным человеком был Афанасий Гаврилович Раевский, с тещей которого Арсеньева вместе воспитывалась, а в 1808 году крестила ее внука Святослава. «...Эта связь сохранилась и впоследствии между домами нашими», — писал в 1837 году Святослав Раевский, которому суждено было стать ближайшим другом Михаила Лермонтова и оказать сильное влияние на его литературные интересы. В Пензе он часто бывал у Арсеньевой, мог наблюдать за маленьким Мишей. Его удивляло, что мальчик трех лет говорит в рифму и пытается мелом рисовать на полу.

В Пензе Арсеньева пробыла около восьми месяцев. Затем вернулась в Тарханы. Здоровье внука было всё еще очень неровным. Заботливость бабушки доходила до невероятия: каждое слово Миши, каждое его желание было законом не только для окружающих или знакомых, но и для нее самой. Летом поехала с ним на Кавказ — и не напрасно, после Кавказа мальчик стал чувствовать себя лучше. Осенью, по дороге в Тарханы, они еще раз побывали в Киеве. Мише исполнилось 4 года.

В Тарханах тем временем достроили домовую церковь на месте, где скончались Михаил Васильевич и Мария Михайловна. Освящали ее уже по приезду Арсеньевой. Церковнос-

лужителям она благоволила. Благоволение простиралось даже на семью расстриженного за пьянство и сосланного в монастырь священника Федора Макарьева.

Для Мишеньки она устроила в новом доме очаровательную комнату на антресолях: кроватку поставили возле печной изразцовой лежанки, чтобы было тепло; рядом стоял детский столик. Кресла и детский диванчик были обшиты желтой красивой материей. Бабушка наказала охотникам поймать олененка, позже — лосенка; внук забавлялся с ними; но олененок подрос, став опасным даже для взрослых, и его отпустили на волю. То же случилось с лосем. Зимой устраивали для Миши ледяную гору, катали его, и вся дворня, собравшись, старалась его потешить. На Святки являлись ряженные из дворовых, плясали, пели, играли — их специально освобождали от урочных работ. На Святой Пасхе Мишу забавляли катаньем яиц.

От всеобщего угождения мальчик рос своевольным. Но понимал неблагоприятность своих поступков, и это значило многое. В пять лет подхватил какую-то сложную болезнь, так что не мог ни ходить, ни приподнять ложки. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе, увлекаясь грезами души. Грезы брались из рассказов бонны-немки, знавшей немало историй о средневековых рыцарях. Это привело к раннему эмоциональному развитию Миши, мешая его выздоровлению.

Дважды его навестил отец, оставаясь в Тарханах на несколько дней, и можно только догадываться, какая радость была в обоих и какая печаль потом. Арсеньева очень боялась, что зять вдруг захочет забрать ребенка. Если он сообщал, что приедет, она отправляла посыльного к брату Афанасию — звать на помощь. Впечатлительный, вспыльчивый Юрий Петрович не мог хладнокровно вынести это, он выходил из себя и доводил тещу до слез. Тогда у нее явилась идея упросить Лермонтова привезти пятилетнего сына его сестры Авдотьи — пусть растет вместе с Мишей. Она уже приняла одного мальчика, ровесника внука: это был сын ближайших соседей — Коля Давыдов.

Не ясно, что повлияло на решение Авдотьи Петровны, но она согласилась. Миша Пожогин-Отрашкевич стал добрым другом Миши Лермонтова и жил у Арсеньевой до своего поступления в кадетский корпус. К нему относились прекрасно, Авдотья Петровна не имела ни малейшего недовольства. На лето брала сына домой.

В 1820 году Елизавета Алексеевна снова повезла внука на Кавказ. Для пятилетнего ребенка кавказский ландшафт еще

не был таким впечатляющим, как это случилось потом. Но все-таки были и сильные впечатления: Миша узнал, что имение сестры его бабушки охраняют казаки от диких набегов горцев! Оно находилось близко к Кизляру, в крепости Ивановской; Екатерина Алексеевна Хастатова давно привыкла к набегам и не обращала на них внимания. Если тревога случалась ночью, спрашивала: «Не пожар ли?» Когда ей доносили, что не пожар, она спокойно продолжала спать. За бесстрашие ее прозвали «авангардной помещицей», но никакая храбрость не могла бы противостоять горским нападениям, если бы крепость не охранялась казачьим отрядом.

Екатерина Алексеевна была замужем за генерал-майором Акимом Васильевичем Хастатовым, но рано овдовела: муж скоропостижно скончался в 1809 году. Осталась с тремя детьми, но никуда из крепости не уехала. В 1812 году, как могла, помогала Отечеству, за что была удостоена медали «В память Отечественной войны 1812 года».

Отдохнув на Кавказе, Елизавета Алексеевна вернулась в Тарханы, попутно заглянув в Пензу, где обсудила с Афанасием Гавриловичем Раевским вопрос об образовании внука: Мише на днях будет шесть лет. Смотритель пензенского уездного училища Афанасий Гаврилович знал педагогические требования и, сообразуясь с ними, Арсеньева выписала учителей литературы, французского, латинского языков, арифметики, музыки и живописи.

Теперь вместе с Мишей не только воспитывались, но и учились Миша Пожогин-Отрашкевич, Коля Давыдов и еще несколько мальчиков. Как вспоминал Пожогин-Отрашкевич, «Лермонтов учился прилежно, имел особенную способность и охоту к рисованию, но не любил сидеть за уроками музыки. В нем обнаруживался нрав добрый, чувствительный, с товарищами детства был обязателен и услужлив, но вместе с этими качествами в нем особенно выказывалась настойчивость».

Немецкому языку обучала детей Христина Ремер — бонна, приставленная к Мише несколько лет назад, женщина строгих правил и очень религиозная. Она внушала своему питомцу любовь к ближним без различия сословий. Бабушка тоже не отстраняла внука от крестьян; шестилетний Миша был крестным одного из детей Дмитрия Летаренкова. Для крестьянской семьи это было особой честью, родители возмечтали, что, будучи взрослым, Лермонтов вспомнит о них. Действительно, в 1836 году М.Ю. Лермонтов дал вольную двум членам семьи Летаренковых.

В свободные от уроков часы дети играли в саду, где у них было «военное укрепление», кроме того, занимались верховой ездой и гимнастикой. У Миши развивались мускулы, шире становились плечи. Шум, возня и крики не только не тревожили Арсеньеву, наоборот, она была довольна. «Добрая бабушка» — говорили о ней. Это не значило, что ее дом был приютом. Детей навешали родители, жили подолгу; или, когда заскучают, детей отвозили к родителям в сопровождении дядек и гувернеров.

Часто Арсеньева с внуком ездил в Пензу, Васильевское, бывали в Москве, где Миша смотрел театральные представления. Заезжали и в Кропотово, чтобы Мишенька повидался с отцом. Наверное, сестры отца кое-что рассказали ему о их предке Джордже Лермонте, выходе из суровой Шотландии, потому что восьмилетний мальчик увидел сон, сильно подействовавший на его душу: он ехал куда-то в грозу, а над ним проносилось облако, похожее на оторванный клочок черного плаща. Проснувшись, Миша всем говорил: «Это так живо передо мною, как будто вижу!» Сам же Юрий Петрович весьма хладнокровно относился к своей родословной.

IV

Десятилетнего Мишу бабушка вновь повезла на Кавказ, взяв с собой и Мишу Пожогина-Отрашкевича. Ехали длинным обозом, поскольку в Пензе присоединилось несколько родственников. Огромное впечатление произвела на Лермонтова эта поездка! Ночевки на свежем воздухе, на постоянных дворах, чередование городов, через которые проезжали, дивная природа Кавказа, рассказы о нравах и обычаях горцев, о кровной мести, о кровопролитных сражениях и схватках, о засадах, подстерегавших казаков на каждом шагу, о жителях аулов, лежащих за Терекком... Эти впечатления легли в основу всех юношеских кавказских поэм и стихотворений Лермонтова. К тому же он здесь влюбился. «...Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея десять лет от роду? Мы были большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет девяти. Я ее видел там. Я не помню, хороша собою была она или нет. Но ее образ и теперь еще хранится в голове моей; он мне любезен, сам не знаю почему. Один раз, я помню, я вбежал в комнату; она была тут и играла с кузиною в куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни об чём еще не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая: это была истинная лю-

бовь; с тех пор я еще не любил так. Надо мною смеялись и дразнили, ибо примечали волнение в лице. Я плакал потихоньку без причины, желал ее видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату. Я не хотел говорить о ней и убегал, слыша ее названье (теперь я забыл его), как бы страшась, чтоб биение сердца и дрожащий голос не объяснил другим тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу; не поверят ее существованию — это было бы мне больно!.. Белокурые волосы, голубые глаза быстрые, непринужденность — нет, с тех пор я ничего подобного не видал или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз».

Это воспоминание нахлынуло на Лермонтова 5 лет спустя, и он записал его.

Жили в Пятигорске с его километровой высоты Машуком и Эльбрусом, хорошо видимым при утреннем свете. Горько было Мише, что ни отца, ни матери нет рядом, не с кем ему поделиться своими восторгами, некому душу излить. Он кое-что записывал в материнский альбом, с которым не расставался, делал рисунки в нем.

В Пятигорске жила дочь Хастатовой, Мария, начитанная, образованная, она познакомила Мишу с творчеством Пушкина. Особенно впечатлила его поэма «Кавказский пленник». Всё, описанное Пушкиным, он видел перед глазами: природу, горцев, горские аулы... Заметив, как Миша привязан к Марии, бабушка предложила ей переехать ближе к Тарханам.

Мария была замужем за Павлом Петровичем Шан-Гиреем, штабс-капитаном в отставке, имела двоих детей. Обсудив предложение Арсеньевой и хорошо всё обдумав, супруги Шан-Гирей согласились. Но не было денег на покупку имения, и Арсеньева пообещала помочь — одолжить несколько тысяч.

Вернувшись в Тарханы, она принялась подыскивать что-нибудь подходящее для Шан-Гиреев, а вскоре супруги приехали и жили пока в ее доме. В октябре приехал с сестрой Юрий Петрович, чтобы везти Мишу Пожогина-Отрашкевича в московский кадетский корпус. В Тарханах они прожили несколько дней, что очень сблизило повзрослевшего сына с отцом. По отъезде, о нем и кузене Миша еще тосковал очень долго.

В середине декабря случилось событие, потрясшее всю страну: на Сенатскую площадь в Петербурге вышли полки

под предводительством офицеров из знатных российских семей. Среди требований восставших были конституция и отмена крепостного права. Двенадцать лет как изгнали Наполеона с русской земли, и самое непосредственное участие в том принимали крестьяне. Но минули годы, а русский крестьянин все еще оставался вещью. «Купи нас, родимый!» — в точности воспроизведет крестьянскую сцену Михаил Лермонтов в драме «Станный человек». Горько он скажет словами одного из героев драмы: «Можно ли сравнить свободного с рабом?»

Казалось, момент для восстания был удачен: император Александр I скоропостижно скончался, на престол должен взойти его брат Константин. (Население страны не знало о морганатическом браке Константина с польской графиней и отречения его от престола в 1823 году). Восставшие скандировали: «Да здравствует император Константин! Да здравствует его жена Конституция!»

Младший брат Константина, Николай, вызвал войска, и восстание было подавлено. Несколько десятков заговорщиков были помещены в Петропавловскую крепость, зачинщиков ежедневно вызывали к допросу. Родной брат Елизаветы Алексеевны, сенатор Аркадий Столыпин был единомышленником декабристов, и только смерть в мае 1825 года избавила его от ареста и кары. Декабрист Николай Александрович Бестужев показал на следствии: «Покойный сенатор Аркадий Алексеевич Столыпин одобрял тайное общество и потому, верно бы, действовал в нынешних обстоятельствах вместе с нами».

А вскоре на юге России восстал Черниговский полк, не желая присягать Николаю. После подавления восстания, всех участников и тех, кто вышел на Сенатскую площадь, ждал суд. Через полгода на кронверке Петропавловской крепости были повешены пять декабристов, остальные 124 мятежника сосланы в Восточную Сибирь, из них 96 человек приговорены к каторге. Это был цвет России, но на телегах, по этапу, как уголовников, их везли к месту ссылки, закованных в ручные и ножные кандалы.

По своим многочисленным связям в Москве, Петербурге и южных городах Елизавета Алексеевна знала, что и где происходит. В Тарханах это бурно обсуждалось, и Миша Лермонтов проникся ненавистью к Николаю I. Подогревал эту ненависть и его гувернер Жан Капэ, участник Французской революции, наставник Миши, он же — учитель французского языка, фехтования и верховой езды.

После восстания декабристов грозной волной разлились по стране слухи о скором даровании воли крестьянам. Во

многих селах Пензенской губернии крестьяне вышли из повиновения помещикам. Из деревни в деревню, от села к селу ходили оставшие солдаты и разносили письма, обещавшие свободу. Эти солдаты во время войны с Наполеоном побывали во многих местах за границей, имели возможность сравнить вольную и подневольную жизнь. В письмах было много вымышленного и даже фантастического, но это лишь доказывало, что восставшие на Сенатской площади заронили в крестьянах надежду на волю.

Третьего января в своем подмосковном имении Середниково умер брат Елизаветы Алексеевны генерал-майор Дмитрий Алексеевич Столыпин, тесно связанный с декабристами. Было ему 39 лет. Новое горе в семье!

А слухи о воле всё нарастали. В Пензу прибыл адъютант его величества полковник Строганов. Многие были арестованы, но, несмотря на полицейские гонения и репрессии, слухи передавались из уст в уста. Николай I издал манифест, в котором под угрозой расправы запрещал распространять слухи и писать просьбы. Этот манифест читали в домовой церкви Арсеньевой, и Миша Лермонтов слушал его вместе с прихожанами каждое воскресенье.

Но жизнь продолжалась, и продолжались занятия. Мария Акимовна Шан-Гирей, «милая тетинька», оказывала несомненное влияние на Мишино обучение и воспитание. Сама она получила воспитание в Дворянском институте в Петербурге, и в тарханском захолустье ей не было равных по уровню образованности. Сходились племянник и тетка также в любви к искусству. Несмотря на то, что на уроках музыки Миша был непоседлив, музыку он любил, играл на скрипке, рояле и флейте; и еще — занимался лепкой из цветных восков, которые бабушка выписывала ему из Пензы. Популярным учебником в то время была «Древняя и новая всеобщая история», Миша лепил по ней целые картины. «Спасение жизни Александра Великого Клитом при переходе через Граник», «Сражение при Арбеллах» со слонами и колесницами, украшенными стеклярусом, с косами воинов из фольги. Бывавший в Тарханах Святослав Раевский поражался способностям мальчика. Но поэтический талант в Мише пока не сказывался, задаваемые сочинения он писал прозой, и несколько не лучше своих товарищей.

Многое внёс в воспитание Миши муж Марии Акимовны — Павел Петрович Шан-Гирей, участник ермоловских походов на Кавказе, проживший там лучшие свои годы. От него Миша узнал об Измаиле Атажукове, кабардинском князе, который встал на сторону русских. В суворовской армии

Атажуков участвовал в штурме крепости Измаил и осаде Очакова, был награжден Георгиевским крестом 4-й степени; но когда началась война на Кавказе, этот светски воспитанный человек, говоривший по-русски и по-французски, встал на защиту своего народа. Сочувствие Павла Петровича было на стороне кавказских племен, и он сумел внушить это чувство Мише Лермонтову.

Еще одним замечательным лицом в Тарханах был Жан Капэ — гувернер и учитель французского языка. Он являл собой живой обломок величайших исторических событий, потрясавших Европу в течение двух десятилетий. Капэ имел странность: ел жаркое из молодых галчат, стараясь приучить к этому лакомству своих воспитанников. Несмотря на уверения Капэ, что галчата вещь превкусная, Лермонтов, назвал этот род дичи падалью. Никакие силы не могли изменить его убеждения.

С учителями Мише везло. Подвел только учитель греческого языка, бежавший из Турции грек. Он бросил педагогику и занялся скорняжным промыслом тут же, в Тарханах. Научил мужиков выделывать шкуры, и это стало для них на многие годы очень доходным промыслом. «Он, бедный, давно уже умер, но промышленность, созданная им, развилась и принесла плоды великолепные: много тарханцев от нее разбогатело, и поныне чуть ли не половина села продолжает скорняжничать» (Аким Шан-Гирей).

Арсеньева вместе с Мишей поехала в Москву заложить в опекунский совет 190 мужских душ. Жили у родственников. Оформив заклад, она получила 38 тысяч рублей и, вернувшись в Тарханы, ссудила все деньги Марии Акимовне на покупку имения. (Деньги нашла бы и без заклада, но не хотела показывать, что богата.)

Имение было куплено. Елизавета Алексеевна помогала его обустроить: отправляла в Апалиху лес, кирпич и своих мастеров. Из московской поездки она привезла несколько книг. Все, что касалось учебы внука, было для нее свято; и без того серьезная домашняя библиотека постоянно пополнялась новинками.

Миша уже совсем позабыл о болезнях. Крепкий, коренастый, он был командиром войска, составленного из дворовых ребят и мальчиков-родственников, которых он называл двоюродными братьями. В действительности двоюродным братом был только Миша Пожогин-Отрашкевич.

На выдумки Миша Лермонтов был неистощим. Порой в доме устраивались танцы, приглашались девочки и мальчики соседних помещиков. Давались спектакли. Миша в спек-

таклях играл с удовольствием. Бабушка находила в нем сходство со своим мужем: «Нрав его и свойства совершенно Михайла Васильевича, дай Боже, чтобы добродетель и ум его был».

Похоже, что этим признанием бабушка всё сказала о внуке: ленился учиться латыни и греческому, был непоседа в занятиях музыкой, но отдавался со страстью всему, что его занимало, — натура всех творческих личностей. В одном лишь она была неправа: душа ее внука была очень доброй. Он с замираньем смотрел, как мужики сходились на кулачки, и однажды расплакался, увидев, как сильно побили садовника.

V

Лето 1827 года Миша провел у отца в Кропотове. Уже не было в живых бабушки Анны Васильевны, а дедушка Петр Юрьевич умер давно. Господский дом с мезонином и балконом находился на берегу речки Любашевки и состоял из двенадцати комнат. Перед домом — широкий двор, окруженный хозяйственными постройками, за домом спускался к речке огромный фруктовый сад, разделенный надвое аллеей серебристых тополей. Мишу и его бабушку приняли ласково, отвели им лучшие комнаты и угощали изо всех сил. Но Миша не был капризен в еде: доктор в Тарханах пичкал мальчишек весной черным хлебом, намазанным маслом. А бабушка не изменяла своим привычкам.

Миша уже взрослыми глазами смотрел на портреты деда и прадеда, висевшие в кабинете отца: оба в парадных кафтанах и буклях, у прадеда нагрудный знак депутата Комиссии по составлению нового уложения, созданного Екатериной II.

Среди вещей Марии Михайловны, которые Юрий Петрович свято хранил, сын заметил альбом: на русском и французиком языках. В него Мария Михайловна вписывала стихи, и был акварельный рисунок: два дерева, разделенные ручьем. На рисунке рукой Марии Михайловны надпись по-французски: «Склонности объединяют нас, судьба разъединяет». Следом написано другой рукой: «Ручей два древа разделяет, но ветви их, сплетясь, растут». На одной из страниц запись оставила Екатерина Лермонтова.

В середине лета в имение приехали добрые знакомые Юрия Петровича, и с ними дочь одиннадцати лет. Миша в нее влюбился! «Я во второй раз полюбил 12-ти лет...» Девочка была красивая, а Миша невелик ростом, не строен, с круглыми мальчишескими щеками, и только глаза хороши: черные, умные, с такими же черными умными ресницами. Ей нрави-

лись его ухаживания, нравилось, что они с Мишей играют во взрослых людей. Но скоро ей это наскучило. Миша уходил в старый сад, где можно укрыться, и мечтал, что когда-нибудь красавица будет жалеть о своей «неверности». Здесь, в Кропотове, он, вероятно и начал писать стихи — еще слабые и неровные, и, конечно же, о любви.

Он провел у отца незабываемое лето. На прощание вырезал на одном из тополей свой вензель.

VI

Осенью начались сборы в Москву, где Мише предстояло подготовиться к поступлению в одно из учебных заведений. Выехали с доктором, слугами, но губернёр Жан Капэ, заболев чахоткой, остался в Тарханах.

В Москве Арсеньева остановилась у своего родственника Петра Афанасьевича Мещеринова, который дал ей совет готовить внука в университетский благородный пансион, где учился уже его сын. Кроме того, с золотой медалью пансион окончил Дмитрий Алексеевич Столыпин — брат Елизаветы Алексеевны.

Арсеньева наняла квартиру на Поварской, неподалеку от Мещериновых, и пригласила в наставники Мише Алексея Зиновьевича Зиновьева. Это был еще молодой человек, но уже преподавал латинский язык и русскую словесность в благородном пансионе и университете. Мишу он стал обучать сразу нескольким предметам.

В московской квартире Арсеньевой, как и в Тарханах, былолюдно: знакомые, родственники, их дети. Миша из воска лепил для детей сцены сражений, охоты с собаками, а вскоре занялся театром марионеток. Пьесы придумывал сам и головы кукол лепил тоже сам. Один из его приятелей, в будущем став художником, так описывал Мишу: «Наружность его невольно обращала на себя внимание: приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Во время вспышек гнева они бывали ужасны. Я никогда не в состоянии был бы написать портрета Лермонтова. По моему мнению, один только К. П. Брюллов совладал бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды».

В день рождения Миши собралось большое общество, но бабушка хранила задумчивость и говорила только о внуке, радовалась только его успехам. И было чему радоваться: он учился прекрасно. «Среди высокой родни Миша нисколько

не чувствовал себя дворянином незнатного происхождения, ни малейшего признака к тому не было», — отвечал по прошествии лет Зиновьев тем злопыхателям, которые уверяли, что Лермонтов тяготился своей безродностью. И добавлял: «Он прекрасно рисовал, любил фехтованье, верховую езду, танцы, и ничего в нем не было неуклюжего: это был коренастый юноша, обещавший сильного и крепкого мужа в зрелых годах».

Чтобы подготовиться к экзаменам сразу в старшее отделение среднего класса — в четвертый класс, требовались знания арифметики, алгебры до уравнений второй степени, всеобщей древней истории, всеобщей географии, латинской и немецкой этимологии, русского синтаксиса. По просьбе Елизаветы Алексеевны Зиновьев подыскал для Миши преподавателей необходимых дисциплин.

Русскую литературу Мише стал преподавать университетский профессор Алексей Федорович Мерзляков, автор слов всенародно известной песни «Среди долины ровныя», а также многих стихотворений, замечательных для своего времени. На мировоззрение Миши он оказал настолько сильное влияние, что через десять лет, когда на всю Россию прогремело стихотворение Лермонтова «Смерть поэта», Елизавета Алексеевна горько воскликнет: «И зачем это я на беду свою еще брала Мерзлякова, чтоб учить Мишу литературе; вот до чего он довел его!»

Для общего развития, как полагалось в дворянских семьях, Миша брал уроки фортепиано, флейты и скрипки, занимался рисованием. Бабушка попросила известного в Москве живописца Александра Степановича Солоницкого давать уроки ее внуку. О занятиях с ним Миша писал Марии Акимовне: «Заставьте, пожалуйста, Екима рисовать контуры, мой учитель говорит, что я еще буду их рисовать с полгода; но я лучше стал рисовать; однако же мне запрещено рисовать свое. Скоро я начну рисовать с бюстов. Какое удовольствие! К тому же Александр Степанович мне показывает, как должно рисовать пейзажи».

Юрий Петрович Лермонтов приезжал в эту осень в Москву несколько раз: подготовить заклад своего имения. Оно приносило 10 тысяч дохода, но не хватало на привычную жизнь. Приданое Марии Михайловны (25 тысяч) было уже израсходовано.

Жил он в доме Арсеньевой, и Миша дарил ему свои рисунки, рассказывал об успехах в учебе, ездили вместе в театр. Бывали у общих знакомых Лермонтова и Елизаветы Алексеевны: Миша мог видеть, с каким уважением встречают его

отца — и стал понимать, что бабушка зря обвиняла его в легкомысленной жизни.

В московском опекуновском совете попечителем был Николай Васильевич Арсеньев, родственник Елизаветы Алексеевны со стороны мужа, давний знакомец Лермонтова. С ним Юрий Петрович и подготовил заклад имения. Занимался в Москве он еще одним хлопотным делом: восстанавливал документ на дворянство, который был нужен для поступления сына в пансион. Когда и кем документ был утерян, неизвестно. Возможно, Авдотья Петровна брала для каких-либо нужд в Москву, да так и пропал он при общей панике в 1812 году. Но фамильный герб сохранился. В основе его — базовый герб шотландских Лермонтов: в золотом щите черное стропило, на котором 3 ромба, а под стропилом цветок. Щит увенчан дворянским шлемом с дворянской короной; внизу девиз: «Моя судьба — путь Иисуса».

Вскоре началась зима и выезды на детские балы. Танцы, красивые девочки в модных нарядах — это кружило голову Мише. Были катания с гор и на тройках, визиты к родным, где Миша узнал о московском театре своего деда. Также узнал он, что дед собутыльничал с графом Орловым.

Часто бывали у вдовствующей жены Дмитрия Алексеевича Столыпина. Летом она жила в Средниково, зимой приезжала в Москву. Дмитрий Алексеевич был замечательный человек: образованный, прогрессивный; командуя корпусом в Южной армии, завел ланкастерские школы взаимного обучения, которым в среде декабристов уделялось большое внимание, был дружен с Пестелем; декабристы предполагали ввести Столыпина в состав временного правительства. После восстания на Сенатской площади о Столыпине стало известно Николаю I, его неминуемо ждала Сибирь. Ходили слухи, что Дмитрий Алексеевич застрелился. Но остался маленький сын Аркадий — в будущем отец выдающегося российского реформатора Петра Аркадьевича Столыпина.

В московской квартире Столыпиной постоянно собиралась молодежь, устраивались танцевальные и музыкальные вечера. Здесь Миша Лермонтов приобщился к классической музыке.

И всё же уроки были важнее всего: Елизавета Алексеевна наняла для внука учителя английского языка — Виндсона, с оплатой 3000 рублей в год, предоставив ему для проживания флигель, куда он переехал вместе с женой.

Обучать Мишу Виндсон начал с чтения английской литературы, полагая, что это самый быстрый способ выучить язык и что начинать с английской грамматики — значит отодви-

нуть владение языком на несколько лет. Он оказался прав: через несколько месяцев Миша стал понимать английский, читал Мура и поэтические произведения Вальтера Скотта. Но писал по-английски плохо.

В середине февраля приехал Юрий Петрович — для окончательного решения заклада своего имения. Оно было заложено на общих основаниях — по 200 рублей за ревизскую душу. За 140 душ он получил 28 000 рублей. Теперь ежегодно в течение 24 лет надо было платить в опекунский совет свыше двух тысяч рублей, фактически пятую часть дохода с имения. Тяжёлое бремя ложилось на Лермонтовых, но винить в этом Юрия Петровича было нельзя: жили только с продажи хлеба, а он в те годы был дешёв.

Несмотря на нездоровье и хлопоты, Юрий Петрович не расставался с сыном. Бабушке это не нравилось, она посылала горничных, чтобы подслушивали их разговоры, и, очевидно, боялась, что зять сообщит повзрослевшему Мише историю с ее завещанием, по которому сын не может жить вместе с отцом.

Юрий Петрович чувствовал шушуканье за своей спиной, и это отравляло ему жизнь. Из-за сплетен, бродивших о нём по Москве уже много лет, он не ходил в Дворянское собрание, не бывал ни на одном увеселительном вечере — только театр да изредка Офицерский клуб. Доносились сплетни и до его сына — московские кумушки не упускали такой возможности. Теперь же, когда Юрий Петрович оказался в финансовом затруднении, сплетен еще прибавилось.

Тяжко всё это ложилось на душу подростка, унижало его, еще не окрепшего и не умевшего отвечать презрением.

Продолжение следует

О САМОМ СОКРОВЕННОМ

К 70-летию Валерия Хатюшина

Статья вторая

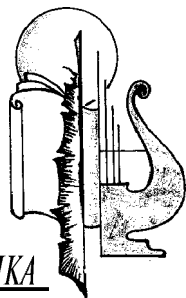
1

Священное Писание говорит: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Матф. 7:13-14). Узкий путь — это путь истины, добра, отречения от греха, покаяния и правды. Этот творческий путь выбрал для себя необычайный поэт нашей современности Валерий Хатюшин.

Как бы «нечаянно» и вроде бы случайно, несмело входит в творчество поэта Валерия Хатюшина тема святости и веры, вечного и преходящего. Показательным в этом плане является стихотворение «В храме», написанном в 1980 году. Еще нет гармонии в душе лирического героя, душа еще в поиске своего духовного пути, и пока еще в ней присутствуют неуверенность и страх оттого, что

*... Тебя пронзают каждый раз
глаза, глаза со всех сторон.
Насквозь просматривают нас
они, глядящие с икон.*

Но неслучайное видение ангела, бронзовокрылого нечаянного небесного гостя, уже

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

передаёт внутреннее состояние поэта и перемену в его душевном укладе, в обретении нового состояния — еще не веры, но граничащего с верой:

*Тот ангел-хранитель был бронзовокрыл.
Откуда он взялся, куда он спешил?
Кого он услышал в полуночной мгле
на этой опальной и грешной земле?..*

Поэт, может быть, не сознавая того, упорно шел к этому душевному состоянию. Ранее в стихотворении «Живая Земля», написанном в 1976 году, им смело утверждалось право человека быть «единственно разумным» на «единственно живой» планете: «...Он всемогущ, он вопреки // своей природе может // одним движением руки // природу уничтожить». Автор был молод и всецело верил в силу человека-творца, человека-энтузиаста. Молодому поэту-романтику импонировали смелые люди, идущие туда, где опасно и трудно, потому что и сам поэт по своему характеру такой же — отчаянно смелый, непреклонный и настойчивый. Конкретные герои в его стихах были сильны стремлением к самопожертвованию. Но, конечно же, не без воздействия христианской морали уже тогда он осознавал бренность бытия и чувствовал веру в нечто «вечное и бессмертное»:

*Человек, останься сам собою,
не гаси в душе огонь святой,
чтоб однажды крошечной звездой
мог и ты возникнуть над землей.
Живы мы — и звёзды не померкнут,
в чьи-то лица вечностью дыша,
и во мгле останутся бессмертны
память наша, разум и душа. (1977 г.)*

Нет, не неслучайным будет обращение к теме осознанной веры поэта-лирика, поэта-философа. Поэта, как теперь мы можем прямо сказать, — от Бога. Научиться вере, конечно, нельзя. К ней нужно прийти своим сердцем. Долгим и трудным бывает этот путь, а иногда бесконечным... На уровне подсознания тема веры присутствовала уже в ранних стихах, но звучала она по-иному, как-то непринужденно-легко, как будто между прочим, и была наполнена тайной и фантастической **неясностью**.

*...Но покинуть себя самого
мне мешала неясная сила,*

*будто тяжестью неба всего
мои плечи к земле придавило.
И пронзил меня глас: «Не спеши.
Окрылённость приходит не сразу...*

Уже тогда многоцветный поток сомнений и вопросов будоражил сознание, входил в поэтическую речь: «Кто в силах душу осветить? И чья в нас разума частица?»... Мы знаем, что наряду с обычными событиями в жизни каждого из нас происходят события как бы беспричинные, внезапные. Но эта стихия «внезапного» тоже неслучайна! И в жизни *поэта от Бога*, можно не сомневаться, всё предопределено, всё кем-то «спланировано». А то, что молодой поэт Валерий Хатюшин впустил в свою душу и в поэтическое слово нечто для себя новое, судя по стихам, совершенно очевидно. И когда писал, он уже понимал, что будет в ответе за сказанное:

*Ни огнеликий Ангел света
ему обмана не простит,
ни Тот, Всевидящий, что где-то
за ходом действия следит...*

Поэт Валерий Хатюшин, на мой взгляд, очень содержателен в мелочах, способных становиться символами. В его стихах нет ни одного слова, написанного бессознательно, по наитию — всё сказанное совмещает в себе и философа, и лирика, и поборника морали. Идея преемственности и органической взаимосвязи всего сущего на «единственно живой» планете приводит поэта-философа к мысли, что и человек есть продолжение природы, созданной кем-то, только понять это пока очень и очень непросто. Ведь в его поколении, казалось, всё было объяснимо. В той жизни и в том поколении, которое учили, что

*...там, за смертью, пустота,
там нет ни ада и ни рая,
как нас учили — ни черта.
Пусть Вселенная безмерна,
и всё ж теория — груба:
душа, внушали, не бессмертна,
не предначертана судьба.
И Бог для нас немного значит,
Его, точнее, нет совсем.
И мир несется наудачу,
не управляемый никем...*

Так было в жизни его поколения, но не в жизни поэта. От слов Михаила Булгакова «если Бога нет, то спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?» автор приходит к собственному заключению: «...Россия, далеко ль уйдешь без Бога? И есть ли путь без веры на земле?»

Образ неба, всё чаще появляющийся в стихах Валерия Хатюшина, — самый, как мне представляется, главный, самый *поэтический* образ в его творчестве. Небо уготовано Богом для нас, живущих. И верующие знают, что кроме жизни земной есть и небесная. Как всякое великое художественное обобщение, образ неба неисчерпаем по смыслу. Через него, как сквозь магический кристалл, далеко видно во все концы света и в бескрайние «благодатные» выси:

*Можно ль ждать от земли благодати,
коль с небес не сойдет благодать?..*

*Что от неба получит земля,
тем она и воздаст человеку.*

*Веру в силу небес оборвать —
всё равно, что остаться без хлеба.*

В художнике слова, по моему глубокому убеждению, живёт понимание потребностей своей души, исходящих из нравственного состояния общества и из стремления собственного развития на почве родной, великой истории. И лирический герой поэта Валерия Хатюшина всегда выделяется нравственным здоровьем, поиском своего пути, смысла жизни и высшей веры в себе. Это сомневающийся, но пристально вглядывающийся и очень вдумчивый герой. В нём с юности пробудилось твердое чувство собственного достоинства, которое не переросло в гордыню, а, соединенное с состраданием, дало новый сплав нравственности, веры и обретения в себе настоящей личности. И всё это, судя по стихам, сумел пережить, внутренне переработать в себе, **образовав собственную духовную сущность**, поэт Валерий Хатюшин.

Стихи, по сути, уже сами становятся молитвами. И потому в них автор в самые трудные часы и дни жизни прямо и осознанно обращается к Всевышнему:

*Как тяжко, Господи, как грустно.
Зачем? — скажи. Зачем всё так?
Вокруг — и холодно, и пусто,
а на душе тоска и мрак.*

Как говорил писатель Л.Леонов в «Слове о Толстом», «каждый большой художник, помимо своей главной темы, включаемой им в интеллектуальную повестку века, сам по себе является носителем личной, иногда безупречно спрятанной проблемы, сложный душевный узел которой он и развязывает на протяжении всего творческого пути...» Очень личная тема Валерия Хатюшина — вера. Вера как нечто большее, чем признание Его существования. И стихотворение «Доказательство» (1988 г.) уже тогда, 30 лет назад, стало не столько программой душевного труда, сколько его итогом (заметьте, еще в атеистическом государстве):

*Я верю
в существование высших сил.
А многие — не верят
и всё время доказывают
их несуществование.
Высший разум недоказуем.
Иначе
он перестанет быть
высшим.*

«Я верю» в стихотворении звучит как «я верую», и это значит — живу!

И вновь — небо, но уже другое — «синее пронзительное небо, // белые сугробы облаков... // Сколько б раз, о Боже, здесь я не был, // этот свет — загадочен и нов...» Уже по-иному высвечивает поэт мир природы, другим взглядом замечает Божественную энергию бытия. Всё в жизни теперь воспринимается им как воля Всевышнего. И появление дочери (в тот самый — 1988 год) «как весть» благая, и «два царских подарка», что «душою навеки хранимы», и рожденная в сердце молитва «вместо стихов», — всё это, он уверен, дано ему свыше.

Тема веры — самая сокровенная, самая глубокая и вместе с тем интимно-личностная тема в поэзии Валерия Хатюшина. Здесь он предельно открытвен с читателем с первой строки до последней, предельно открыт, многие стихи звучат как исповедь, как покаяние. Непривычность мира внутри обновлённой души — это главный показатель нравственного величия человека, мощный источник его внутреннего самосовершенствования. Просветлённая душа прозрела и приняла, что

*Нет больше в мире ничего
до крайнего предела,
весь этот мир — лишь Крест Его,
лишь Кровь Его и Тело.*

В романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского есть удивительные строки: «Бог с дьяволом борются, а поле битвы — сердца людей». Иван Карамазов прямо отрицает Бога и мир Божий. Трагедия героя романа в его безверии, в том, что душа Ивана не в силах уверовать в святое, поэтому обречена на вечные метания и сомнения. Отступивший от Бога, он оказывается в сетях дьявола.

Этот художественный образ нашего великого писателя невольно вспомнился мне при чтении исповедальной лирики Валерия Хатюшина. Казалось бы, простые, легко понимаемые строки открывают читателю в этой простоте необыкновенную духовную глубину: «даже в полном одиночестве» поэт не ощущает себя одиноким, оттого что знает, не сомневается — он «...на свете не один».

*Пусть душа, ни с чьей не схожая,
словно комната пуста,
предо мною — мать Божия
и спокойный лик Христа.*

Вера для русского человека не абстрактна, но всегда личностна, обращена к нашему образу и подобию. Это Богочеловек Христос, Богородица и сонм конкретных православных святых... Поэтому духовные стихи Валерия Хатюшина чаще всего наполнены конкретно-образным религиозным чувством. Он знает, что у него «есть с кем глазами встретиться и к кому прильнуть душой...», и это знание добавляет ему жизненных сил, вселяет еще больше уверенности в своем предназначении как поэта и как человека. И образ Христа уже не только перед ним, но и в нём самом. Образ, который стал символом его возможностей и его веры.

Приобщение к незримому, невидимому, но осязаемому душой миру даёт поэту силы преодолеть ощущение одиночества и осознать кратковременность земного бытия, а также наполняет способностью видеть то, что скрыто от многих глаз, то, что находится за пределом, очерченным земной жизнью.

Понятие «лирический герой» — слишком условное для духовной лирики. Для кого-то оно является спасительным, оправдывающим душевную откровенность, но для больших, беспощадных к себе поэтов — абсолютно излишнее. И поэт Валерий Хатюшин никогда не скрывает своих искренних чувств под маской «лирического героя». Он не боится своей прямоты, своей бескомпромиссной искренности и уверенности в правоте своего сердца. Он знает, что путь без Христа, без веры — это уход в никуда.

Так, в стихотворении «Немота», написанном в 2005 году, прямо сказано о том, что род людской оказался на ложном пути, потому что сошёл с пути, указанного свыше.

*Мы идем всё дальше от Христа,
впереди — немая пустота,
впереди — отчаянье и страх
и блужданье смертное впотьмах.*

Одна из целей поэзии, судя по стихам Валерия Хатюшина, — напоминание человеку о том, что он творение Божие. И, следовательно, путь его — это путь веры, ведущий к Божественной Истине, а значит, к соединению человека с вечностью. И нет свободы у человека, который живет без веры, потому что свобода, по словам апостола Павла, — это свобода духа, свобода от греховных привязанностей, пороков, страстей. А человек, связанный страстями, несвободен от них:

*Нас влекут болотные огни,
чудным светом кажутся они...*

«Болотные огни», кажущиеся «чудным светом», — мираж для потерянной души. Образ болота, мрака не случаен в стихотворении — это символ «неуют», созданного человеком, а мир, построенный Всевышним, полон солнца, света, тепла. Два мира как две жизни — «сон и явь». Господь, по убеждению поэта, даёт нам право выбора, но сумеет ли человек правильно сделать свой выбор, сумеет ли разглядеть настоящую жизнь?

*Две смерти — не найдешь,
две жизни — проглядишь,
в одной из них — бредешь,
в другой — летишь, летишь!..*

Земной мир в стихотворении «Пока открыты Царские врата» балансирует на грани реальности и того, что лежит за гранью, — за «Царскими вратами». Реальный мир немислим, по вере автора, без молитвы. И её, «главную молитву», «шепчут бледные уста». Душа с ней оживает и радуется. Через нее поэт общается с Богом, через неё он слышит Его, и потому сам уже как бы участвует в ее сотворении:

*Творят молитву слабые уста...
Свеча в руке трепещет, догорая...
И недоступный вижу отсвет рая,
пока открыты Царские врата...*

Ощущение и даже созерцание вечности возникает здесь на удивление естественно — метафорическим временным сроком, отпущенным человеку, — «пока открыты Царские врата». Мысль о неизбежности расставания со всем и всеми не пугает поэта — он готов к новой жизни, к той, которая за земным горизонтом.

Долгий путь пришлось пройти автору этих исповедальных стихов, блуждавшему в потёмках, прежде чем он постиг Бога. Признанием, откровением, раскаянием и покаянием можно считать стихотворение Валерия Хатюшина «Вино и хлеб»:

*Как много лет, мой друг, поверь,
В потёмках я блуждал.
Христос в мою стучался дверь,
но я не открывал...*

Здесь и крик души, и предостережение тем, кто долго пребывает в безверии, живёт не по законам Божиим. Если мы Бога не видим, причина в нас самих, ибо Господь сказал: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Никого не винит автор стихотворения в своём прошлом безверии, но чувствует собственную вину, потому что не «узрел», потому что не был готов к этой встрече:

*Как много, друг, больших потерь,
как сердцем я устал...
...Христос в мою стучался дверь,
и я — не открывал...*

Изумительное по совершенству стихотворение «Фаворское Солнце», написанное в День Святой Пасхи, — еще одно напоминание о том, что всё в жизни повторяется, что неблагодарные люди, «влюбленные во тьму», близоруко жестоки, и ждёт их неизбежная расплата за их эгоистичную слепоту:

*«Ты кто?!» — кричали судьи,
плюя в лицо Ему.
Распяли Солнце люди,
влюбленные во тьму.*

Символический образ Солнца — образ Творца, Создателя, присутствующий в сюжетной цепи происходящего, усиливает значимость веры как ценности жизни. Такой ценностью является и *свобода*, о которой поэт говорит как о единственно необходимой и возможной для человека:

*Сияет Слово, как звезда
на бесприютном небосводе...*

*Под светом грозного Суда
познавший Истину — свободен.*

*...Поверь, художник, в путь к Нему.
Без этой веры ты — бесплоден.
Но, не подвластный никому,
ты с Ним — воистину! — свободен.*

Цель Господа — спасение каждого человека. Но человек сам определяет выбор своего пути — с Богом или, как отступивший от Него Иван Карамазов, без Бога. Отступивший и обречённый блуждать в безверии и в потёмках...

Апокалиптическое миропонимание существования на земле человека без веры определяет весь драматизм жизненных и творческих решений поэта Валерия Хатюшина. Он ещё раз напоминает, что мы живём здесь временно, однако в вечности наше присутствие будет определяться согласно нашей вере или нашему безверию. А также согласно нашим делам и поступкам. Наши убеждения и наши верования, как правило, заложены в наши дела и поступки, в их правду или в их нечестие и коварство. И когда за делами нет христианской любви и стремления к Истине, они приводят к неизбежным трагическим последствиям:

*Мир безбожный в безвремяе канет,
рай земной с пьедестала сойдёт.
Если вера стоит не на камне, —
эта вера себя изживёт.*

*Вся Вселенная — для человека.
Но погряз он в дурмане химер.
Так погиб, не проживший и века,
Дом с названием СССР.*

Да, почти целый двадцатый век мы верили в безбожные химеры и пытались построить рай на земле. Все эти умозрительные химеры рухнули в одночасье, чуть было не погубив под собой великое государство. Потому что «вера» эта стояла не на **камне**. Новозаветный образ камня — это и есть сам Христос, Божественный Логос как первооснова всего сущего.

Нет, совсем не случайно замечательный поэт современности Валерий Хатюшин так образно определил своё бытие и в этом и в ином мире: «...Для себя — сберегу свет живого Креста. Я из рая сбегу, если он — без Христа».

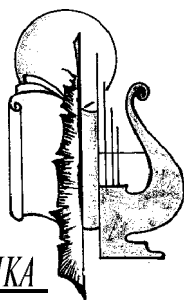
г. Гродно, Белоруссия

О СТИХАХ НИКОЛАЯ АЛЕШКОВА

Случайностей в мире нет, и это не новость. Наверное, поэтому я не удивился, когда накануне Дня победы наугад открыл сборник стихов Николая Алешкова из Набережных Челнов «Дальние луга» и прочёл такие строки:

*Скрип шагов за спиной не люблю.
Русский снег чужаками утоптан.*

...Незадолго до Дня победы всё либеральное интернет-пространство начинает гадко шевелиться, призывает забыть про славу Русского оружия. Аргументы приводятся хоть и не логичные, но зато — ух! — напористые: дескать, мы никакого отношения к Победе не имеем, ведь это не мы, это наши прадеды победили, значит, победа — не наше дело. Война — это голод, грязь и смерть, следовательно — не надо радоваться окончанию войны. Не все ещё в стране сыты, следовательно — оружие вообще необходимо проесть и пропить... Предлагается вывод: посыпьте, русские, пеплом свои виноватые головы и успокойтесь. Такая у пропаганды кривая логика...

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

За что нас — русских — ненавидят, боятся и пытаются укусить? Известно, за что: за то, что мы — это мы. А вот как этому противостоять? Поэт Николай Алешков на этот вопрос отвечает с пророческим размахом, краткостью и точностью, будто даёт рецепт, стоит лишь вчитаться:

*Враг отступит, глаза опуская,
Если русский поднимет глаза.*

Действительно, сколько ещё нам ходить с опущенными глазами? Ведь враг, как подлая дворняга, чувствует момент смятения сильного, и в этот момент вероломно по-шакальи кусает. Как всё же своевременно в моих руках оказался сборник стихов Алешкова! — поднимаю глаза.

Впрочем, надо ли удивляться тому, что стихи Николая Алешкова отвечают на животрепещущие вопросы? Не думаю. Ведь поэт только тогда и поэт, когда его душа живёт болью и радостью Родины, когда его сердце переживает всё, что тревожит его земляков. А ещё у настоящего поэта обязательно находятся строки, которые, как говорил шмелёвский Крынкин: «Кажинное словечко, как навыврез! Так в рамочку и просится! Так и поставлю в рамочку — и на стенку-с!..»

*...Нельзя менять ни Родину, ни веру.
Я это знал. И ты на этом стой!*

Призыв? Разумеется. Хотя, скорее, это похоже на глубокий жизненный опыт.

Вообще, сборник стихов Николая Алешкова дышит переживаниями о судьбах Родины. К счастью, его патриотичные строки лишены дешёвого пафоса, легко усваиваются, а значит — воспитывают читателя. И повышают в читателе патриотический тонус:

*Ничего нам враги не забыли,
Победившим в священной войне...*

Это сущая горькая правда от поэта Николая Алешкова. В XXI веке всё это очевидно, как никогда. Автор показывает читателю истинное направление отечественного вектора:

*В морозном воздухе двоится
Крестьянский острый серп луны...
Кто любит Бога, не боится
Иной неведомой страны.*

Для того, кто с Богом, нет в жизни поражений и страхов, тому нечего бояться. А «Мы — русские, с нами Бог», следовательно, сколько бы ни бесновалось либеральное шакальё, мы всё переждем, нам не привыкать.

Поэт Николай Алешков принадлежит к замечательному послевоенному поколению, которое умеет сплотиться, умеет выстоять. Это поколение воспитывалось писателями-фронтовиками, как современные подростки — американскими низкопробными мультиками. Отчасти поэтому любовь к жизни у послевоенного поколения многократно превышает «современные среднестатистические показатели». Отгремела война с её ужасами, и весёлая надежда, сродни Пасхальной, наполнила советскую атмосферу. «Мы живём ещё как бы на рассвете, на раннем утре мира, — писала О. Берггольц. — Отсчитывая дни со дня победы, мы знаем, что победа будет разгораться, как разгорается утро. Может быть, что-то из того, что придёт к нам с нарастанием мирного времени, не будет узвано нами или окажется не таким, как мы ожидали, представляли себе, но хочется верить и верится, что полдень мира будет ещё светлее, ещё щедрей, ещё свободней, ещё прекрасней, чем мы представляем его сейчас, в первые дни после победы».

Николаю Алешкову посчастливилось подниматься на ноги в той светлой послевоенной стране, где повсюду звенело предчувствие больших, прекрасных перемен, всё кругом стремилось к небывалой, лучшей жизни, но всё ещё чернели следы страшной войны:

*...Ветры весело пели
и качали звезду
над моей колыбелью
в сорок пятом году.
И салюта зарницы,
что зажглись над Москвой,
расцвели, как жар-птицы,
над моей головой.
Чуть подрос — засверкали
на груди сорванца
боевые медали
с гимнастёрки отца...*

*...Деревенские вдовы,
как пригоним коров.
Скажут, потчуй вдоволь:
— Будь, сыночек, здоров!
Вытрут влажные веки*

*уголками платка.
Не забуду вовеки
вкус того молока!
Нас всем миром растили,
пересилив беду.
Я родился в России,
в сорок пятом году.*

Нам, не росшим в ту замечательную эпоху, многого не понять и не прочувствовать вовек, как бы мы ни бились. Оттого наше современное творчество просто физически не в состоянии воспринять и передать окружающие краски вселенной, так как это делает Николай Алешков. Послевоенное детство отпечатывается почти на каждом его стихотворении, на протяжении всей творческой биографии звучит в строках Алешкова послевоенный оптимизм. Иначе как? Вот, к примеру, одно из произведений, созданное им уже в XXI веке:

*Время года — бабье лето.
Грузди, рыжики в лесу.
Два лирических куплета
с ними вместе принесу.
Время жизни — тоже осень.
Лодка ждёт на берегу.
Не курю. И пьянку бросил.
Катю бросить не могу.
Смерть придёт — слезу уронят
дети, внуки и родня.
Честь по чести похоронят,
только первым, чур, меня...
А пока живу, однако...
Под ногами-то — ура! —
груздь зарылся в мох, собака!
Вылезай, в ведро пора...*

Сколько жизни, сколько любви в этих строчках! Любви ко всему без исключения! Наивному читателю может показаться, что поэт, проживший насыщенную долгую жизнь, не растерял детского щенячьего восторга. Но это совсем не так. Любовь, которая живит настоящую поэзию, есть груз, который не каждому по плечу. И не детским восторгом светят строки Алешкова, а глубоким, зрелым, мощным чувством любви.

*Скоро стану седовласым,
потерявшим удаль, стать...*

*Перед самым смертным часом
вдруг захочется опять
пареньком промчаться ладным
по тропинке в поле ржи...
Осчастливил Бог талантом —
с одиночеством дружи!
...всей душою, всю кровью,
птицей в небе — песню спеть...
Осчастливил Бог любовью —
будь готов и боль терпеть!*

Поэт, не переживший, точнее, не живущий любовью, не поэт, а графоман. Апостол Павел говорит еще жёстче: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто». Действительно, от этого космического вечного чувства, очевидно, воспитанного в себе, поэту не отделаться. И ничего общего с наивным восторгом оно не имеет:

*Птичка поёт за оградой кладбищенской.
Нет у ничужки на счастье «табу».
Бросить бы всё да с котомкою нищенской
дальше судьбу волочить на горбу.
Я никого уж ничем не обрадую,
враз очумевший, угрюмый, пустой,
если лежит вот за этой оградой
счастье моё под могильной плитой.
Пусть позабудут меня, недопевшего,
все, кому горя понять не дано.
И от Отечества осточертевшего
я б схоронился на самое дно.
Душу сравнивший с котомкою нищенской,
я за одно благодарен судьбе:
птичка поёт за оградой кладбищенской.
Здравствуй, наивность! Спасибо тебе.*

Листаю и листаю сборник. Каких только чувств и оттенков нет в стихах Николая Алешкова! Пробую читать его стихи в любом настроении — строки будто сами находят душевную болячку и ложатся лекарством именно на неё.

Иногда критики в своих статьях препарируют полотно определённого автора до отдельных мазков. Мне кажется, здесь такой подход не годится, ведь в данном случае, когда автор прожил полноценную литературную жизнь, когда и патриотизм, и грусть, и радость, и любовь, и гром, и лиричес-

кие звуки наполняют буквально каждую строку, такое пре-парирование кажется попросту неуместным, окоlesiца вы-ходит. Вот так, в частности, о поэзии Алешкова говорит кри-тик Вячеслав Лютый: «...каждое из понятий, перечисленных в авторской строке, оказывается своего рода входным наи-менованием целого спектра сюжетов, вполне человеческих и конкретных. Коллизии здесь перетекают на соседнее худо-жественное поле: житейское перекликается с духовным, а родное — с повседневным и надмирным».

Что тут можно добавить? Пожалуй, только одно: читать стихи Алешкова намного приятнее и полезнее, чем читать статьи про стихи Алешкова.

*В мае, в зелени листвы,
возле общежития
соловей (слыхали вы?)
пел в пылу наития.
Не в лесу, а посреди
города огромного,
где вчера прошли дожди,
и гудка паромного
не слышать ещё с реки,
и река — под радугой...
Коменданту вопреки
я стою и радуюсь,
что не зря среди ветвей
яростно, неистово
соловьиху соловей
два часа высвистывал.
Два часа свистел и я...
Только ближе к вечеру
вышла милая моя:
— Больше делать нечего?*

г. Воронеж

Дорогие друзья!

Журналу «Молодая гвардия» очень нужна ваша финансовая помощь. Лишённый поддержки государства, наш журнал надеется на помощь верных читателей и подписчиков. Наша общая цель — сохранить «Молодую гвардию» в качестве патриотического национального издания, необходимого каждому честному и думающему человеку. Денежные средства можно перечислить на карту Сбербанка РФ: 639002389037017175.

Также оказание финансовой поддержки можно осуществлять по следующим реквизитам:

ООО «Журнал «Молодая гвардия»

ИНН 9721060860

КПП 772101001

БИК 044525593

ОГРН 1027700067328

Р/с: 40702810302590002402

Корр. счет: 30101810200000000593

АО «АЛЬФА-БАНК»

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на первую половину 2019 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге Роспечати подписной Индекс «МГ»: 70544 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.